

A close-up portrait of a woman with light-colored eyes and blonde hair, looking directly at the camera. The image has a soft, ethereal quality with a light blue and purple color palette. The text is overlaid on the left side of the image.

Лариса Тимофеева

**Утопия о
бессмертии**

Любовь и бессмертие

18+

Лариса Тимофеева

Утопия о бессмертии. Книга третья. Любовь и бессмертие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66910766

SelfPub; 2025

Аннотация

Маленькая узнаёт об измене Сергея. Она вновь беременна, но принимает решение расстаться с мужем.

Восемь лет Сергей ждёт возобновления отношений. Всё это время они родители и только.

Маленькая вновь бросается в объятия любимого, но Сергей признаётся, что никогда её не любил.

Маленькая ставит на отношениях окончательную точку. Сергей решает покинуть этот мир. Оба попадают в туннель смерти и там обретают Могущество.

Эпилог раскрывает интригу переплетения судеб всех персонажей романа.

Содержание

Глава 1. Ссора	4
День первый	4
День второй	92
Глава 2. Разлука	110
День первый	110
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Лариса Тимофеева

Утопия о бессмертии.

Книга третья.

Любовь и бессмертие

Глава 1. Ссора

День первый

– Хабиба! – окликнул, поднимаясь из кресла, Стефан, до того празднично сидевший на террасе и, по-видимому, поджидая меня. – Удели мне время, хочу поговорить с тобой.

– Что-то случилось? – встревожилась я. – С Дашей? С Анютой?

Моя тревога была оправданной. Анюта училась в Петербурге, и Даша уже несколько дней как уехала туда же – знакомиться с мальчиком дочери, о котором та, начиная с марта, упоминала в каждом разговоре с матерью.

– Ничего не случилось, – усмехнулся Стефан, – за исключением того, что Анютка беременна.

– И это «ничего»?! – засмеялась я. – Стефан, дедом скоро

станешь! А свадьба когда?

– Не знаю, Хабиба. Даша вчера была расстроена, разговаривать не хотела, а сегодня на звонки не отвечает. Телефон Анюты тоже молчит.

– Я чем-то могу помочь?

– Я хочу говорить не об этом.

– Та-ак, – я устала на часы и решила, что лишний часок времени у меня есть. – Хорошо, давай поговорим и прямо сейчас! Позже не получится, мы сегодня едем знакомиться с родителями Эдварда. – Я вновь хохотнула. – Кажется, в семье череда свадеб намечается!

– Нет, Хабиба! – нахмурилась, прогудел он. – Не отдавай Катю за Эдварда. Не любит Катя его, ты и сама знаешь!

– Я, Стефан, не знаю! – отрезала я. – Катька сама настаивает на свадьбе, её никто замуж не гонит! По мне, так и встреча эта сегодня – дурацкая! Я вообще не понимаю, почему это мы к родителям Эдварда едем знакомиться, а не они к нам? Сватают вроде как невесту! Нет? – шумно выдохнув, я уже спокойно спросила: – Ты об этом хочешь говорить?

– Нет, – односложно ответил он.

– Ну хорошо, пойдём под липу, там никто не мешает, – решила я и, развернувшись, скорым шагом направилась в беседку под липой.

Беседку эту, укромно удалённую от ушей и глаз домочадцев, Серёжа выстроил для наших с ним разговоров, но со временем она превратилась в место уединённых встреч для

всех членов семьи и обросла историями.

Старая-старая липа со сломанной макушкой, состарившаяся ещё до того, как Серёжа основал здесь наше родовое гнездо, окончательно утратила свою прежнюю крону, когда-то нависающую над беседкой раскидистым куполообразным шатром, но была жива. Три года назад у неё отсохла большая ветвь, и Василич, испугавшись, что дерево умирает, решил на его омоложение. «Я это... Сергей Михалыч, попилю, однако, у липы часть веток, – почёсывая затылок, озвучил он своё решение, – некрасивая она, конечно, станет...» – «Сомневаешься, Вася, давай специалиста пригласим», – предложил Серёжа. «Да я в этом... в гуглэ специалистов уже начитался, один одно пишет, другой – другое. Консилиум, что ли, будем собирать? Нет, Сергей Михалыч, завтра буду пилить». От меня он потребовал, чтобы я ходила к липе почаще. «Придёшь, ручки свои к стволу приложи и говори с ней, – напутствовал он. – Она нужность свою будет чувствовать и новые побеги взамен отпиленных веток даст. А я подкормлю её назьмом, вот и выходим красавицу!» И липа выхаживалась. Дала новые побеги – пока ещё тоненькие, пока ещё чужеродно торчавшие из старого остова, но и они со временем окрепнут.

«Весна в этом году торопится, – думала я, шагая по дорожке впереди Стефана и слыша за собой его тяжёлые шаги, – ещё немного и у липки полетят наземь чешуйки-прилистники, и сама она заневестится зелёной дымкой. Сло-

во-то какое славное на ум пришло... заневестится...» — я улыбнулась и полной грудью вдохнула вкусный, будоражащий кровь воздух, напоенный теми особыми флюидами весны, которые и не запах вовсе, а предощущение чего-то тысячи раз изведанного и всё же таинственно-нового, желанного и волнующего.

В беседке я села на ту её сторону, с которой видны были длинные голые стебли почвопокровных роз, уже высвобожденные Василичем из-под зимнего укрытия. Розы эти я высадила на могилах наших пёсиков — над Графом цвета фуксии, над Лордом двухцветную, бело-розовую. Шипастые красавицы давно переплелись между собой. Василич их не разбирает, так переплетёнными и укрывает на зиму. Так переплетёнными они и зацветут.

«И холмиков могильных уж не видать, совсем сравнялись с землей, — с грустью отметила я и тут же потрянула головой. — Прочь! Пора отпустить печаль по псам, пора новых пёсиков взять в дом. Сегодня же поговорю с Серёжей!»

— Я уезжаю, Хабиба, не знаю, вернусь или нет, — подал голос Стефан.

— Как? Куда? — забыв, о чём думала, всполошилась я. — Стефан, что случилось?

Он не смотрел на меня, сидел, глядя на вытянутые перед собой огромные ноги, достигая ими почти середины беседки.

— Что ты молчишь?

– Домой, – пожал он чуть оплывшими плечами, – в Черногорию. Я уже в прошлом году не хотел возвращаться. Вернулся, потому что не попрощался. Получилось бы, будто сбежал.

– Но почему?

Он вновь пожал плечами.

– Стефан!

– Хабиба, я устал ждать, – сказал он и взглянул на меня.

У меня перехватило дыхание – вместо внимательных и спокойных глаз Стефана на меня смотрели глаза парня с обрыва – того, в Черногории, больше двадцати лет назад, перед которым я встала, перегородив собою его шаг в пропасть. Я протянула руку к заросшей смолистым волосом щеке и провела по ней пальцами. Он накрыл мою руку ладонью и, закрыв глаза, прошептал:

– Хабиба... инта насиби.

– Стефан, милый, я не понимаю.

– Старуха так сказала. Помнишь старуху у деревенской корчмы? Ты шаньги там пекла. Старуха сказала – ты моя судьба. Ты решила, она Сергею говорила. Она мне говорила, Хабиба.

Я с отчётливой ясностью вспомнила неряшливую старуху, сидевшую в лучах по-осеннему тусклого солнца перед входом в корчму, вспомнила клетчатый, изъеденный молью плед, которым были укрыты её ноги. Кривым, как коготь птицы, пальцем тыча мне за спину, она глядела на Серёжу

поверх моей головы и настойчиво твердила, что я его судьба. Я не оглядывалась, я знала – Серёжа стоит позади меня. «Выходит, Стефан стоял там же? – попыталась переосмыслить я давно минувшее. – А Серёжа?.. Выходит, он понимал... видел, к кому обращалась старуха, и промолчал мою ошибку?»

– Старуха сказала, у меня будет шанс сделать тебя моей. Я к ней ездил, как из Чехии вернулся. Она сказала, что я должен этот шанс обязательно использовать, иначе Сергей тебе много боли причинит.

– Стефан, ну что ты говоришь? – очнувшись от воспоминаний, возмутилась я. – Ерунду наговорила твоя старуха! Сергей меня из боли вытащил, подарил новую счастливую судьбу.

– Нет, Хабиба! Ты сама себе новую судьбу подарила и ему заодно. Старуха сказала, что тебе подвластно изменять судьбы людей.

«Судьбы людей подвластно изменять кому угодно, – ворчливо подумала я, – в том числе и мне, и ей, направившей тебя ложным путём».

– Я не знаю, когда этот шанс был, и был ли он у меня? – продолжал Стефан. – Я всё время ошибался и только отталкивал тебя. Я помню, какой я тебя увидел в первый раз – маленькая худенькая девочка. Мы договаривались с Сергеем об оплате и маршруте пути, ты стояла спиной к нам, и Сергей всё время вставал так, чтобы не терять тебя из виду. Я подумал: «Дочка». Мы договорились, и он не позвал тебя, а

сам пошёл за тобой. Подошёл, обнял, и вы стали целоваться прямо посреди площади. Я подумал: «Не дочка. Мужик любит маленьких девочек», решил не связываться с вами, вдруг ты несовершеннолетняя. Когда Сергей привёл тебя, я увидел взрослую женщину с глазами лучистыми и любопытными. А потом ты заступила мне дорогу в пропасть. Я бывал на этом обрыве и всегда думал: два шага и я встречаюсь с моей любимой Джамилой, попрошу прощения, освобожусь от тоски, от вины, в груди болеть перестанет. Я не собирался в тот день прыгать. Зачем при посторонних? Ты так неожиданно возникла предо мной, у меня сердце остановилось. Одно движение – и ты улетишь в пропасть. Когда прижал тебя к себе, ощутил твой аромат, под ладонью хрупкость тела, грудки маленькие упёрлись мне в грудь... Я почувствовал желание, Хабиба. Я рассердился тогда не на тебя, я на себя рассердился, на это своё желание, – вздохнув, он отнял мою ладонь от щеки, прижал её на миг к губам и отпустил. – Потом старуха с её предсказаниями... потом ты, Хабиба, покрасневшая от жара печи, лицо мукой перепачкано, глаза сияют, торопись попробовать ещё горячую лепёшку, кусочек откусила и во рту перекатываешь... Я любовался тобой и в первый раз тогда смеялся, в первый раз забыл о своём горе.

Когда я парил тебя в бане, то как вор рассматривал твоё тоненькое и одновременно женственное тело. А потом ты упёрлась лбом в моё плечо и плакала, когда я разминал твои ягодичные мышцы. Ты не жаловалась, кусала губы и терпе-

ла, а слёзы лились мне на грудь. Я жалел тебя, как жалеют ребёнка, целовал, стараясь унять боль. А когда боль ушла, ты звонко рассмеялась. Такой контраст – мокрые от слёз глаза и весёлый смех! – он рассмеялся. – Ты застала меня врасплох – обняла и поцеловала, но тут же выскользнула из рук и побежала целоваться с Сергеем. Я смотрел на тебя и видел женщину, любившую другого мужчину, счастливую в своей любви, а сам по ночам не мог спать от желания. Моя ладонь чувствовала хрупкость твоего тела, грудь ощущала упругость грудок, как будто я держал тебя в объятиях.

– Я думала, что пробудила у тебя желание тем нашим поцелуем... обвиняла себя... – пробормотала я, но он как будто и не услышал, оставаясь в своих воспоминаниях.

– Потом, в Чехии, я увидел, что ты сделала с Сергеем. Я до сих пор помню его обезумевший от страха взгляд, когда ты танцевала с тем наркоманом. Тот одну девочку уже сделал калек, а ты зачем-то захотела танцевать с ним. Сергей следил за каждым вашим движением, боялся не успеть поймать тебя, если тот уронит. Он был похож на зверя, изго-товившегося к прыжку. Я такой любви не понял. Зачем так рисковать? Он мог запретить тебе танцевать и не запретил. Я спросил потом. Он сказал, что поклялся наполнить твою жизнь всем, что ты пожелаешь, – Стефан помолчал и добавил: – Я и клятвы такой не понял.

– Сергей считает, что риск там, где плохо просчитаны действия.

Он покачал головой.

– В жизни есть место случайности.

«Каждая случайность – это закономерность или следствие», – хотела возразить я, но вовремя прикусила язык – незачем было беречь его рану, Стефан и так жил в аду чувства вины.

– В Париже, куда ты позвала меня лечить графа, я и сам попал в ту же ловушку. Я сердился на тебя, потому что не мог устоять против твоих желаний, и шёл к Сергею, надеясь найти поддержку, но видел, что он готов позволить тебе ещё больше. Я сердился на него и не заметил, как и сам захотел радовать тебя, сам захотел исполнять твои желания. А теперь я устал, – повторил он и взглянул на меня привычным спокойно-внимательным взглядом, – да и поздно уже, мне пятьдесят один, а тебе опять надо менять год рождения в паспорте.

– Я думала, ты Дашу любишь. Стефан, если ты уедешь, как же...

– Хабиба, я тебя люблю. Люблю твоих детей. Макс в тебя – надёжный, твёрдо идёт своим путем. А Катя на отца похожа, не знает, чего хочет. Эдвард ей не пара, не будет она с ним счастлива, из упрямства и ему, и себе жизнь испортит. Отговори её, Хабиба, ты сможешь!

– Слушаю тебя и поражаюсь, мы будто о разных людях говорим! Это Макс в отца! А Катя – в меня! Это я всю жизнь не знаю, чего хочу, а Серёжа всегда твёрдо идёт к своей цели!

Стефан усмехнулся, всем своим видом давая понять, что не согласен. Спорить я не хотела и вернулась к тому, что меня интересовало сейчас больше всего:

– А Даша, Стефан? Как же Даша?

– Захочет, приедет ко мне. Нет, значит, нет, – равнодушно отозвался он.

Меня потрясло это равнодушие. Я помнила его любовь к Даше – в старом доме не было уголка, где бы их не застали целующимися. «Как же Даша? – продолжала я тупо вопрошать уже молча, вглядываясь в темень его глаз. – И... и зачем?.. если ты ждал своего часа, зачем же ты с Дашей? И как теперь Даша?»

– Поцелуй меня, Хабиба! – вдруг попросил он. – Как тогда, много лет назад, когда я проснулся после долгого сна. Я увезу твой поцелуй с собой.

– Я поцелую, Стефан, – согласилась я и попыталась выставить условие: – Но ты возвращайся! Слышишь? Нельзя, чтобы ты не вернулся! Стефан, я люблю тебя, – я помотала головой, увидев его усмешку, и возразила: – Да, не так, как ты хочешь, но люблю! Без тебя не знаю, как будет... Как Даша, Анята?.. И дети! Как Катка без тебя? Она тебя любит, она тебя очень любит! Ты уедешь, она за тобой помчится!

– Хабиба, ты ошибаешься, Катя любит – тебя. Ты – главный человек в её жизни, она восхищается тобой и хочет твоей любви.

– Боже мой, ты говоришь так, будто Катя не верит, что я

её люблю!

– Ты тоже не веришь, что она любит тебя.

Я охнула и закусил губу. Стефан был прав, я давно приняла нелюбовь дочери и смирилась. С первых дней жизни Катя была привязана к Серёже и не очень нуждалась во мне. А потом я и вовсе превратилась для неё в игрушку – пока в руках, она любит и лелеет, но лишь выскользнула из рук, она сердится. «Я смирилась», – убеждала я саму себя после каждого нашего конфликта, но как же больно было каждый раз, когда Катя кричала и обвиняла! В конце концов я перестала стремиться к пониманию, я даже перестала защищаться, я отступила, но чем больше я закрывалась в молчании, тем с большим напором Катя меня ковыряла.

«Я смирилась! – повторила я про себя и на этот раз. – Смирилась, только пока ещё боль унять не умею».

Прекращая этот разговор, я поднялась и повернулась к Стефану.

Следя за мной взглядом – не веря и надеясь, он подтянул к себе ноги, и я встала меж его колен. Расправила и пригладила его космы, как всегда, всклокоченные на макушке и в буйном беспорядке спадающие на лоб. Некогда чёрные до синевы, теперь они были густо пересыпаны сединой. Он выпрямился, и наши глаза оказались на одном уровне. Я медленно приблизилась к его лицу и губами прикоснулась к его губам. Его ответный поцелуй был нежным, таким же нежным, как и в тот, первый, раз.

Между поцелуями Стефан шептал слова любви, а я просила не уезжать, не покидать семью и меня. Поцелуи стали продолжительнее и жарче, и я отвернулась.

– Стефан, всё... пусти...

– Хабиба... любовь моя...

– Стефан, пожалуйста, отпусти.

Его руки упали, и я отошла.

– Прости, Стефан. Не надо было этого делать.

– Ты мне сделала подарок, теперь мне будет, что вспоминать, – возразил он. – Спасибо, Хабиба. Ты иди. Я ещё посижу.

Я вышла из беседки и...увидела Серёжу. Прочно расставив ноги и засунув стиснутые кулаки в карманы брюк, он стоял в нескольких метрах от меня. Я подошла, меня встретили бесстрастное лицо, прищуренный взгляд и шелест вопросов:

– Понравилось? – он ощупал моё лицо взглядом. – Часто вы так?

– Второй раз. О первом ты знаешь.

– А на первый вопрос не ответишь?

За моей спиной встал Стефан. Серёжа на него даже не взглянул.

– Стефан, пожалуйста, иди, – попросила я.

Он несколько мгновений колебался, но потом обошёл меня, Сергея, чуть не задев его плечом, и пошёл к дому.

– Серёжа, я не хочу оправдываться, я могу всё объяснить, но не заставляй меня оправдываться.

– Я не требую объяснений, Маленькая, и оправдания мне твои не нужны, – сказал Серёжа, провернулся ко мне спиной и вслед за Стефаном зашагал к дому.

«Он уходит не от меня, – с ужасом подумала я, – он уходит из моей жизни. Он не простит». Я вернулась в беседку и осела на пол, тупо повторяя вслух:

– Что же делать?.. Что же мне делать?.. Что мне делать?..

Я легла на бок и свернулась калачиком. За закрытыми веками виделся прищуренный взгляд Серёжи, а в ушах звучал его голос: «Понравилось? Тебе понравилось? Часто вы так?» Я до боли закусила губу, надеясь болью заглушить этот голос, но голос не унимался. Тогда я закрыла уши ладошками и, думая перебить голос звуком, вновь начала говорить вслух:

– Серёжа, не уходи... ты не можешь оставить меня... не уходи, пожалуйста, не уходи... – как молитву, я повторяла и повторяла свою просьбу.

Вдруг совсем рядом, где-то в ветвях липы, засвистала, запела птица. Я прислушалась. Невидимый певец пробовал себя в пении. «Уже запели? Неужели зяблик? Надо Серёжу спросить... Да! Надо спросить Серёжу... надо поговорить! Что же я разлеглась? Конечно надо поговорить!» – и я заторопилась вон из беседки.

В доме ко мне кинулась Женя. Я отмахнулась: «Не сейчас!», и растерянное лицо её осталось позади. «Серёжа. Где ты, Серёжа?» – немо взывала я. Мой взгляд фиксировал встречающиеся лица и искал единственное, нужное мне сей-

час. Андрэ что-то говорит, я не слышу звуков, но вижу открывающийся рот и прохожу мимо. Маша выглядывает из кухни. Наверх. Спальня тоже пуста. Назад. Максим идёт по коридору навстречу.

– Мама... – пытается он что-то сказать.

Я прервала его выставленной перед ним ладонью и спросила:

– Папа где?

Не слушая ответа, пошла дальше. «Куда же ты делся, Серёжа? Я не могу тебя найти! – сбежав по лестнице на первый этаж, я зашла в кабинет и захлопнула за собой дверь. – Сейчас подумаю, где тебя искать. Позову, может, услышишь и сам придёшь?»

Я обошла диван, упала в кресло и... выдохнула с облегчением:

– Серёжа...

Невидимый от входной двери за спинкой дивана, он лежал на нём, держа книгу перед глазами. Я подошла, опустилась коленками на пол и попросила:

– Серёжа, поговори со мной.

– Конечно, Маленькая, о чём ты хочешь поговорить? – с охотой откликнулся он, не отводя взгляда от книги.

– Серёжа, я люблю тебя.

– Я знаю, Девочка, и меня, и Стефана, и всех, кто крутится около тебя все эти годы. Я не хочу это обсуждать, Маленькая.

– Серёжа, посмотри на меня.

Он повернул лицо. В его глазах не было обычного для них тепла. Так уже бывало раньше, когда мы ссорились, но сейчас в его глазах не было и гнева... в них царила усталость.

«Скука!!! – вдруг осознала я, и у меня замерло сердце. Вся моя решимость испарилась, а страх ожил опять: – Это всё. Это конец».

Боясь поддаться панике, я заспешила словами:

– Вечером, Серёжа, мы решим всё вечером, когда вернёмся домой, хорошо? Сейчас надо сделать вид, что всё в порядке. Я тебя прошу, не надо ломать планы Кати нашей размолвкой!

– Ты называешь это размолвкой? – усмехнулся он.

– Серёжа, раз ты нашёл определение случившемуся, ты мне скажешь об этом вечером. Не сейчас! Мне очень страшно, милый! Я боюсь не справиться с собой, если ты дашь определение сейчас.

Боясь вновь увидеть скуку в его глазах, я избегала смотреть ему в лицо, мой взгляд метался по сторонам и упал на книгу – он держал её вверх тормашками. Это обстоятельство почему-то немного успокоило меня, и я попыталась пошутить:

– Ты осваиваешь новый метод чтения?

Он непонимающе взглянул на меня... на книгу... захлопнул её и бросил на пол. Книга упала титульной стороной вверх.

– Кафка. Дневники, – механически прочла я и с той же

интонацией уведомила: – Стефан решил уехать навсегда.

– И это был последний поцелуй на память? – вновь усмехнулся Серёжа.

Я кивнула.

– Звучит глупо, но так и есть. Серёжа, я не хочу его терять, не хочу, чтобы из моей жизни уходили родные мне люди.

«Зачем я говорю это сейчас?» – пронеслось у меня в голове, но было поздно.

– В твоей жизни слишком много родных тебе мужчин, – снова усмехнулся Сергей, – я чувствую себя лишним.

Его ироничный, отстранённый, чужой тон окончательно выбил меня из равновесия, я истерически закричала:

– Нет, Серёжа, не говори так! Это – неправда!!!

Но даже моя истерика вызывала только скуку. Я глубоко вздохнула, беря себя в руки, и уже спокойно произнесла:

– Стефан сказал, в чём суть моих разногласий с Катей.

– Я рад, что Стефан помог тебе разобраться, – с тою же усмешкой отозвался Сергей, но вдруг оживился, повернулся ко мне и спросил: – Почему же ты со мной на эту тему не поговорила? Маленькая, почему ты избегаешь обсуждать домашние дела со мной? Твои взаимоотношения с детьми, с домочадцами, их взаимоотношения между собой, помнит-ся, мы говорили на эти темы. Раньше! Теперь уже много лет ты просишь совета у кого угодно, но никогда не делишься переживаниями со мной. Ты и детям внушила не прибегать к моей помощи.

Я лишь ахнула в ответ на эти несправедливые обвинения, а он продолжал:

– Макс вообще всё держит в себе, а Катя со Стефаном шепчется, он её слёзы утирает, не я. Почему так? Ты мне не доверяешь?

– Серёжа, ну зачем ты так? Я ничего не внушала детям! Что ты? Я доверяла и доверяю тебе. Я ценю твоё мнение. Серёжа, это ты молчишь, вопросов не задаёшь! Ты всё время занят!!! Я... я понимаю, ты много работаешь, содержишь нас всех... неужели ты ещё будешь заниматься возникающими то тут, то там разногласиями между домочадцами? Зачем тогда нужна я? И потом, когда я не справляюсь, я всегда обращаюсь к тебе. Не-ет, ты несправедлив! Я знаю, тебе известно всё, что происходит в доме. Тебе известно даже больше, чем мне! Ты сам не принимаешь участия в жизни семьи!!! – частила я, то и дело срываясь на крик. Мой крик ранил мои собственные уши и унижал меня, я умолкла, опять глубоко вздохнула и продолжала медленнее и тише: – И с детьми... Макс всё про всех понимает и знает. И про себя тоже. Мне иногда кажется, он наблюдает за нами как за маленькими детьми, вовремя корректирует, а если надо, поддерживает. А Катя...

– Весь в мать! – улыбнулся Сергей. В незнакомых, доселе безучастных усталых глазах вспыхнули знакомым теплом искорки и остались.

Я радостно рассмеялась.

– Что?! Не-ет! Максим в отца! Его взгляд с первых месяцев жизни дарит тепло, как твой сейчас! – и я погрузилась в родную тёплую зелень любимых глаз, успокаиваясь и вновь обретая себя.

Он не принял, прикрылся веками, опустив взгляд на уровень моего подбородка.

– Ровно теми же словами Маша говорит о тебе, – сказал он мягко, – говорит, что ты всё про всех понимаешь и наблюдаешь за ними как за маленькими детьми, а нашла бы – исправляешь.

– Серёжа... – позвала я едва слышно, не в силах отвести глаз от его губ, и не решаясь просить о поцелуе.

Он взглянул на меня, вновь криво усмехнулся и отвернулся.

– Надеюсь, поцелуешь, – промямлила я и вернулась к разговору о дочери: – С Катей всё сложно. Зачем она со свадьбой торопится? То ли доказать мне что хочет, то ли убеждать от меня. Я спрашивала, она отшучивается.

– «Птенцу пора покидать гнездо!» – понимающе кивнув, воспроизвёл слова Кати Серёжа.

– Да. Или дерзит: «Не волнуйся, мамочка, всё хорошо! Настало время узнать, чему ты дочку учила-учила и выучила. Чему меня папа научил уже известно – прокормить себя я смогу, а вот сумею ли я быть любящей матерью и женой – это вопрос!» – озвучила я тираду Кати, а озвучивая, опять видела перед собой её пытливый и одновременно насмешли-

вый взгляд и вдруг поняла: – Она же намекала на моё утверждение: «Ребёнок, которого любят родители, умеет любить сам»! О господи! а я обратной связи не уловила. Она меня дальше спрашивает, уже напрямую: «Ты ведь хочешь узнать, научила ты меня любить или нет, правда, мама?», а я и на этот раз не поняла. Не поняла, что Катя моими же аргументами стремится уличить меня в отсутствии любви к ней! – растерявшись от собственных умозаключений, я взглянула на Серёжу и спросила: – Катя что, правда думает, что я её не люблю? Мне это и Стефан сегодня сказал.

– Катя ревнует, Лида, и повод для ревности ты ей даёшь сама. Ты зачем-то стремишься быть с нею суперматерью. Если по отношению к Максу ты естественно проявляешь материнскую любовь, то с Катей очень стараешься. Она это и видит, и чувствует.

– Почему ты мне раньше этого не сказал?

– Я говорил. Ты не слышишь. Ты не хочешь расстаться с парадигмой: «Катя любит Серёжу и не любит меня». Тебе почему-то непременно нужно, чтобы твоя дочь любила своего отца в ущерб любви к тебе, к матери, а Катя одинаково любит и тебя, и меня, и если мне не требуется доказательств её любви, то тебе она отчаялась доказывать и в конце концов избрала путь конфликта, собственно, как делают все подростки. В её понимании, Лида, только любящий способен почувствовать и принять любовь.

Столь простое объяснение многолетних обид и претензий

Кати обрушивало затейливую конструкцию причин и следствий, выстроенную мной, и я мысленно застонала: «Господи-и-и, когда же фантомы прошлого перестанут искажать мою жизнь? Я так долго страдала, что недолюбила Настю, так долго корила себя, что посвятила жизнь борьбе с её болезнью, вместо того чтобы просто любить – обнимать, целовать, дарить ласку словом и взглядом, что потом...»

– ...убедила саму себя, что не способна на любовь к собственной дочери, – механически, уже вслух, произнесла я. – А когда родилась Катя, я на всякий случай решила перепоручить всю родительскую любовь тебе. Вот и создала парадигму – Катя любит тебя, не любит меня, а следовательно, и не особо нуждается в моей любви. Так славно сладила!

По моим щекам обильно потекли слёзы, в них смешалось всё – и боль за Катю, и боль за давно умершую Настю, и моя собственная боль обид и потерь. Сергей взглянул на меня и, сорвавшись с дивана, подхватил на руки.

– Ну что ты? О-о-о, моя Девочка... – прижав меня к себе, он опустился обратно на диван, целуя и успокаивая: – Всё наладится! Не плачь! Катя поймёт. Мы всё исправим.

– Серёжа, я по себе знаю, как тяжело сознавать себя нелюбимым ребёнком. Катька же мне кричала... о своей детской боли кричала! Господи, и почему я всем приношу одни только несчастья?

– Неправда, глупенькая, ты даришь счастье, потому-то так много людей вокруг тебя.

Сергей покачивал меня на руках, а я плакала, оплакивая то Настю, то конфликты с Катей. Наконец наплакавшись и отирая остатки слёз ладошками, я проговорила:

– Катя и тебя стремится от меня защитить... она и в мою любовь к тебе не верит...

– Катя ревнует... то меня к тебе, то тебя ко мне.

– Не знаю, Серёжа, – уныло покачала я головой, – верно ли всё списывать на ревность? Эдвард в лице переменяется, когда Аня в гостиную входит, а Катя остаётся спокойной.

– Ревнуют, Маленькая, любимых.

– Так зачем же она рвётся за него замуж?

Сергей помрачнел.

– Ты озвучиваешь мой страх, Девочка, я смотрю на Катю и встречаю себя. Правильно ведьма сказала, я передал Кате не только ревность, но и похоть. Потерять девственность Катя мечтает лет с пятнадцати.

– Серёжа, нет! Катя девственна! Ох, ну зачем ты так думаешь о дочери? Катя девственна в самом полном смысле этого слова, в ней не только похоть, в ней и чувственность ещё не проснулась!

Я знала, о чём говорила. Подтверждением моих слов могла бы послужить одна из глупых выходок Кати, о которой я Серёже не рассказала и никогда не расскажу.

...Катке было шестнадцать, и она уже несколько месяцев встречалась с Эдвардом – вполне взрослым двадцатипятилетним мужчиной. В тот вечер они должны были пойти на

концерт какой-то группы, но рассорились. Эдвард, обидевшись, уехал, и Катя решила отправиться на концерт одна.

– Катюша, как ты доберёшься? – спросила я. – Послать с тобой Павла?

– Я уже вызвала такси.

– А обратно?

– И обратно я тоже закажу такси, мама! Я у тебя уже большая девочка!

И вот, часы пробили полночь, потом час ночи, а Катя ещё не вернулась, и телефон её не отвечал.

В тревожном ожидании мы втроем сидели в гостиной – я, Макс и Стефан.

– Мама, не волнуйся, – сделал попытку успокоить меня Макс, – если бы с Катькой что-то случилось, я бы почувствовал.

– Макс, я тоже умею чувствовать! Я жду, потому что не хочу поднимать шум – разыскивать несовершеннолетнюю загулявшую девочку с помощью полиции.

– Ты думаешь... – Стефан взглянул на меня исподлобья, – ты думаешь, Катя с кем-то выпивает?

– Думаю, доказывает свою независимость! Она сегодня опять поругалась с Эдвардом.

В молчании мы просидели ещё полчаса.

Взглянув в тысячный раз на часы, я объявила:

– До двух! До двух не появится, пойду будить Павла, и начнём искать! – я поморщилась, представив себе процесс

поиска: Катькина фотография, имя Серёжи... из рук в руки, из уст в уста. – Господи, как в бульварной книжонке! – прошептала я.

Часы зашипели, готовясь к бою, когда по окнам чиркнул свет автомобильных фар. Мы дружно бросились к двери.

У террасы стоял чужой автомобиль. Рядом с открытой водительской дверью высился незнакомый мужчина, а через другую дверь, с заднего сиденья, Паша выуживал Катю. Молчаливо сопротивляясь, она почему-то не желала выходить из машины.

– Катя! – окликнула я.

– Мама... – то ли выдохнула, то ли всхлипнула Катя.

Стараясь вырваться из захвата Пашиной руки, она продолжала дёргаться и вне машины. Усмиряя, Паша чуть встряхнул её, довёл до меня и только тогда отпустил. На меня пахнуло табачным дымом и чем-то кислым.

– Катюша, иди в ванную, – проговорила я тихо, – я позже зайду к тебе.

Стефан обнял её и повёл в дом, а я спустилась с террасы к незнакомцу. Фонари не горели – Паша, вероятно, из желания скрыть от домочадцев постыдное возвращение Кати, вырубил всю наружную иллюминацию – а в падающем из окна гостиной луче света лицо незнакомца было плохо различимым. Я решила, что лет ему около сорока.

– Здравствуйте, – протянула я руку. – Я мама девочки. Спасибо, что доставили.

– Не за что, – ответил он, неловко пожимая мою руку. – Я знаю, кто вы. Мы встречались, вернее, я видел вас на одном из приёмов. Девочку в баре увидел, она... я её не сразу узнал, потом только... она на отца похожа, на Сергея Михайловича. Она предложила... то есть, уговаривала... молоденькая совсем... – слова мучительно тяжело покидали его рот.

– Моя дочь домогалась вас? – спросила я.

Он с облегчением кивнул и тотчас испугался:

– Вы не... Нет! Она... не знаю, зачем...

– Моя дочь предложила вам себя?

Он вновь кивнул.

– Она плакала, что её не хотят му... му... глупенькая ещё... – он окончательно стушевался и вдруг испугался: – Ничего не было, вы не бойтесь! Молоденькая совсем... вы не ругайте... Ей плохо было! Рвало сильно!

– Как вас зовут?

– Я Рустам. Рустам Даев.

– Как я могу вас отблагодарить, Рустам?

– Нет-нет, что вы? Я рад... то есть, хорошо, что я.

– Благодарю, Рустам. Хотите чаю?

– Нет! Поздно уже, я поеду! Спасибо.

Я вновь подала ему руку.

– Спасибо вам, Рустам! Большое спасибо!

Так и не проронив ни слова, всклокоченный и сердитый Павел прошёл мимо меня к машине Катькиного спасителя, чтобы сопроводить того до выезда из усадьбы, и я поблаго-

дарила в спину:

– Паша, спасибо.

Не дожидаясь, пока отъедет автомобиль, я взошла на террасу. Максим молча открыл передо мной дверь, мы в молчании пересекли холл, потом гостиную и поднялись на второй этаж. В конце коридора, у нашей с Серёжей спальни, маячил Стефан.

– Доброй ночи, сынок, – простилась я с Максом.

– Мама, ты только себя не вини! Катя дурит, ей завтра стыдно будет.

– Лучше бы Кате было стыдно перед тем, как она начинает дурить. Добрых снов, милый. Я люблю тебя.

Я поцеловала его и пошла дальше. Стефан пошёл мне навстречу.

– Хабиба, Кате плохо, её рвало.

Заглянув в тревожный мрак его глаз, я поднялась на цыпочки и успокаивающе провела пальцами по смолянистому шёлку его щеки.

– Не тревожься, Стефан. Доброй ночи.

Катя сидела на диванчике, задрав к груди коленки и обняв их руками.

– Катька, ты почему не в ванной? Иди купаться. Ты дурно пахнешь.

Она тотчас вскочила и неровной, подпрыгивающей походкой направилась в ванную. Я открыла окно и, чтобы не терять времени, решила принять душ в Катиной комнате.

«Счастье, что ни Серёжи, ни Андрея нет дома, – думала я, медленно вращаясь под струями воды в душевой кабине, – Серёжа бы расстроился, а граф бы сгорел со стыда. Как так случилось, что я научила сына бережному отношению к чувствам близких и не научила тому же дочь?»

Вернувшись, я услышала в ванной шум фена и присела на диванчик. Наконец дверь отворилась, и чистенькая разругавшаяся Катя с туго стянутыми в косу волосами, мельком взглянув на меня, устремила к кровати.

– Я с тобой буду спать, – буркнула она и запоздало спросила: – Можно?

Прямо в халате она легла на бочок, спиной к другой половине кровати. Я выключила свет и тоже легла. Всклипнув, Катя прошептала:

– Он меня не хочет.

– Глупости, Катя, говоришь.

– Он же взрослый! Как может взрослый мужчина отказываться от секса? Как попугай твердит: поженимся – тогда, поженимся – потом! – она порывисто повернулась ко мне. – Мама, в наше время, где это видано?

– Катюша, Эдвард любит тебя. Именно потому, что он взрослый мужчина, и именно потому, что он любит тебя, он и относится к тебе бережно.

– И этот тоже не захотел! – будто не слыша, продолжала она травить себя.

– Я рада, что на твоём пути встречаются порядочные муж-

чины.

– А тебе встречаются непорядочные? Или ты у нас профессионалка? – вскинулась она. – Любой мужик, как только ты ему улыбнёшься, сразу хочет тебя!

Из моей памяти услужливо вынырнуло лицо Карины, и её ярко накрашенный рот, насмешливо кривясь, проговорил: «Профессионалка не знала, на что способна?» Я поморщилась.

– Катя, ты вульгарна!

– Ты бы хоть о папе подумала! Каково ему? – не унималась она.

– Катя, ты как угодно можешь судить меня, но не смей судить мои отношения с твоим отцом.

– Почему?

– Потому что это мои и твоего папы отношения. Личные! Неужели это не понятно? – сделав паузу, я впервые не пожалела дочь и без обиняков, наотмашь, ударила: – И вот ещё что. Какой бы профессионалкой я не была, у меня не было маниакального желания лишить себя невинности, да ещё не особо утруждаясь с выбором исполнителя! В отличие от тебя, я себя уважаю!

Катя судорожно вздохнула, будто захлебнулась моими словами, а я повернулась к ней спиной. О том, каково будет отцу узнать, что любимая дочь предлагает себя любому, кто согласится, я говорить не стала.

«Мужчины угадывают в Кате ребёнка и не желают трав-

мировать её грубостью секса, а отвергая секс, наносят раны её самолюбию...» – думала я в ту ночь, лёжа без сна и слушающая размеренное дыхание уснувшей дочери...

«А теперь Катя собралась замуж, хотя за эти два года в ней мало что изменилось», – продолжила я ту же мысль и тяжело вздохнула.

– Что ты? – шепнул Серёжа. – О чём подумала?

– Знаешь, Серёжа, Катя очень рано нашла себя профессионально и, кажется, именно в этом её беда. Изобразительное искусство пронизано чувственностью, собственно, чувственность и стала предметом её изучения с раннего детства. Из детской стыдливости она собственную чувственность закрыла на сотню замков, и теперь женщина в ней формируется как-то уж очень мучительно, – я вновь вздохнула и сползла с его колен. – Пойду. Спасибо, что взял в тепло своих рук. Прости меня.

Он не остановил. Уже открыв дверь кабинета, я вспомнила про птичку.

– Ты ушёл, мне птичка песенку спела. Наверное, зяблик?

– Рано ещё, Маленькая, зяблику петь, – с грустью отозвался Серёжа.

– Рано. Но кто-то мне пел и отправил на поиски тебя, чтобы я про себя и про Катю поняла. Конец фразы я договорила, уже выйдя из кабинета.

Надо было спешно собираться в дорогу, но прежде надо было выяснить, что от меня хотели все те, кого я встретила,

блуждая по дому в поисках Серёжи.

– Маша, ты что хотела? – спросила я, заглянув на кухню.

– Я, Маленькая? – недоуменно воззрилась она на меня. – Ничего.

– Значит, мне показалось.

– Случилось что, Маленькая? – крикнула она уже в спину и, чуть помедлив, проворчала: – Стефан – бирюк бирюком, не слышит, когда к нему обращаются, Сергей Михалыч прошёл, никого не увидел, потом ты, будто что потеряла.

Вбежав на второй этаж, я стукнула в дверь Максима и, перевесившись через порог, повторила тот же вопрос:

– Макс, что ты хотел?

– Мама, зайди! Сейчас по всему дому вонь разнесёшь!

Он что-то паял, сложившись втрое на полу, в комнате воняло канифолью.

Максим похож на Серёжу так, что их многие путают. Он выше отца и одевается иначе – проще и дешевле, а в остальном – прямая копия. Хотя нет, есть ещё одно отличие – Макс волосы отращивает длиннее. Сейчас он подвязал их кожаным плетёным ремешком, таким же, каким за работой подвязывает свои космы Стефан.

Я опустилась подле сына на пол и на минутку прижалась лицом к его затылку.

– Ты плакала, – сказал он и, выждав некоторое время, добавил: – Стефан тоже ничего не хочет говорить.

– Стефан ни при чём, сынок, я плакала из-за Кати.

– Мама, с Катькой всё будет хорошо, – вразумляющим тоном заверил он, поставил паяльник на подставку и выпрямился, оставшись сидеть на пятках. – Что с папой?

– Что с папой узнаю вечером, когда вернётся. Ты что хотел, когда мы встретились?

– Спрашивал, что случилось.

– У меня что-то Женя ещё спрашивала, Андрэ о чём-то говорил.

– Вопрос Жени я разрешил, а дед сетовал, что ты на себя не похожа.

– Ясно. Благодарю, совсем взрослый мой сын! – я оперлась на его руку и поднялась на ноги. – Пойду собираться, Даши-помощницы нет, боюсь, не успею.

Макс удержал меня и молча прижал к себе.

– Люблю тебя, милый, – прошептала я в его макушку и погладила пушок на его щеке.

Уходя, ещё раз заглянула в тепло его зелёных отцовских глаз, и на душе стало светлее.

В спальне Серёжа собирался в дорогу. Приготовленные сорочка и бельё лежали на диванчике, а костюм он как раз укладывал в портплед.

– Ты определилась с туалетом? – не взглянув на меня, спросил он. – Давай я сразу положу.

Я прошла в гардеробную, открыла шкаф и оглядела содержимое, потом открыла другой. Понравлюсь я или нет родителям Катькиного жениха, мне было всё равно, мне нужен

был наряд, в котором я понравлюсь Серёже, и я выбрала платье от Мишеля, сшитое из полосок плотной чёрной ткани разной ширины, хаотично перекрещивающихся между собой. Кое-где полосы сходились неплотно, образуя разные по размеру дыры. Платье требовало особых украшений, и я подошла к Сундуку Сокровищ. Так я называла ларь ручной работы из красного дерева с множеством ящичков и ящичков для колец, браслетов и колье. Серёжа заказывал его по собственным чертежам в Италии. Стефан ради удовольствия смастерил точно такой же ларь – в том же дизайне, но другой формы, получившийся ничуть не хуже, чем итальянский. В нём я стала хранить украшения для волос. Поразмыслив, я выбрала старинный гарнитур – ажурные бронзовые браслеты, один на запястье, другой, более широкий, на плечо выше локтя. Из второго сундука я достала бронзовую же, вертикальную заколку для волос, застегивающуюся на пикообразный стержень. Сложился туалет воительницы – соблазняющей и уверенной в себе, пожалуй, несколько экстравагантный, но как нельзя лучше уравнивающий моё сегодняшнее унылое, избыточно-плаксивое состояние. Украшения я сложила в специальную сумку, платье в чехол и, захватив туфли, всё вместе вынесла из гардеробной и отдала Серёже.

Засмотревшись, как он кладёт в сумку чехол с платьем, я спохватилась о времени и, бросив на ходу:

– Я в душ, – скрылась за дверью ванной.

Под тёплыми струями воды тело, скомканное в узел пережитыми волнениями, расслабилось, размякла и ослабла воля, и на свободу вновь вырвались мой страх и отчаяние.

«Страшно. Господи, как же мне страшно! – думала я. – Я встретилась с самым беспощадным врагом, и поцелуй со Стефаном никакого отношения к этому врагу не имеет. Скука! Серёжка, ты соскучился жизнью, которая у нас есть, ты соскучился мною. Мне даже осознавать это страшно. Я не знаю, что с этим делать! Мне хочется кричать, бить кулаками по своему телу, кусать губы и пальцы, так мне больно и страшно. Я не на краю обрыва, когда после падения ещё остаются мгновения полёта, я уже на земле – распластанная, раздавленная тяжестью случившегося. Мне нечем развеять твою скуку! Я от тебя себя не прятала. Во мне нет ничего, неизведанного тобой. Стефан рассказал мне о твоей клятве. Ты, милый, исполнил её, ты подарил мне жизнь, которую я хочу. Правда, до встречи с тобой я не знала, что я хочу именно такую жизнь, многое, что есть в моей жизни сейчас, и к чему я привыкла, мне даже в мечтах не грезилось. Это ты взрастил мои желания, сформировал потребности, это ты создал условия для развития моих способностей. У меня есть большой дом, обставленный роскошной мебелью, с галереей и маленькой солнечной студией для занятия танцем; есть участок земли, где поместились и лес, и сад, и многочисленные клумбы, на которых я рассадила любимые мной розы. Ты выстроил конюшню и заселил её лошадьми, выстроил

крытый манеж, где я и дети могли заниматься выездкой даже зимой. По примеру старого дома ты рядом с бассейном обогрел Аквариум, ещё более роскошный, чем раньше, где время от времени назначаешь мне свидания, и мы наслаждаемся друг другом. Серёжка, ты даришь незабываемый секс! Даже сейчас, по прошествии стольких лет, секс с тобой не утратил для меня первоначальной новизны, и я всякий раз волнуюсь, когда собираюсь к тебе на свидание. Ты любишь и умеешь делать подарки! У меня много украшений, иные из которых стоят не одно состояние, но самый ценный твой подарок – ты подарил мне счастье материнства. У нас с тобой замечательные дети! Они унаследовали твою, здоровую, генетику. Они и внешне похожи на тебя, и столь же талантливы и успешны в делах. Макс замечательный пианист, умелый организатор и управленец. В нём есть твой дар привлекать к себе хороших людей. Полагаю, он уже заменил меня в управлении домом, только я ещё об этом «не знаю» и, наверное, «не узнаю» никогда, так наш сын деликатен. Столь же умело он справляется с бизнесом. Ты, Серёжа, сам восхищаешься его новаторскими преобразованиями, которые и упрощают ведение дел, и одновременно повышают безопасность. По крайней мере, мои финансовые активы ты уже передал под его управление. Дед Андрей тоже не стесняется брать консультации у внука и предлагает даже платить за них, настолько они ценны. Катька – твоя любимица, в свои юные годы уже признанный эксперт в области современного

и классического искусства. В вопросах бизнеса она ничуть не уступит брату, просто предпочитает другой путь заработка. Ещё в четырнадцать она заявила, что «не будет бегать за деньгами, а сделает так, чтобы деньги бегали за ней». Я не очень понимаю, как это возможно практически, но суммы, что вращаются в её деловитых маленьких ручках, весьма убедительны. У Кати великолепная пластика и с обретением женственности, она могла бы стать непревзойдённой танцовщицей; вот только этот путь её мало привлекает, нашей девочке больше нравится носиться по миру и искать шедевры искусства. Мы, Серёжа, хорошо воспитали наших детей, и я безумно горжусь ими.

О, я счастливая женщина! В течение этих лет я часто чувствовала себя Золушкой, прибывшей на бал жизни. Я безмерно благодарна тебе. И я люблю, люблю, люблю тебя! Люблю! И это не приговор, моя любовь к тебе – это главное моё обретение, с которого всё и началось. Я благодарна тебе за самую возможность любить тебя!

Но, как и для Золушки, видно, настал час и для меня. Мой дом не превратится в тыкву, а красивые наряды в рваньё. Всё намного хуже. Если ты оставишь меня, в моей жизни наступит ночь. Это как Землю лишить Светила – Земля останется, но всё живое на ней вымрет. Так и со мной – во мне умрёт жизнь, и останется только прошлое.

Да, милый, ты исполнил свою клятву, и теперь, вероятно, для тебя настало время ставить новые цели. Тебе жизненно

важно быть нужным – спасать, оберегать, дарить, изменяя судьбы людей, и созидать, изменяя материю мира. Именно это я люблю и ценю в тебе, именно эти качества я связываю с образом Мужчины. И я не могу стоять у тебя на пути, мне придётся научиться быть без тебя...»

В стекло душевой кабины постучали, и через мгновение Серёжа спросил:

– Маленькая, с тобой всё в порядке?

– Я выхожу, Серёжа! – сообщила я громко и выключила воду.

Где-то под толщей отчаяния вспыхнула надежда: «Он ждёт... из кабины я шагну в его объятия», но едва вспыхнув, надежда моя скукожилась и увяла. Уже зная, что в ванной Сергея нет, я раздвинула дверцы и пробормотала:

– Со мной всё в порядке, если не считать, что я почти умерла.

Его не было и в спальне.

Я быстро оделась и, поторапливая саму себя, занялась причёской. Изогнувшись назад, я старалась собрать волосы в высокий хвост, но они не слушались – какая-нибудь прядь то справа, то слева да ускользала из захвата ладони.

Голос Кати раздался одновременно со стуком в дверь:

– Мама, давай помогу!

– О-о-о, Катя, тебя ангел-хранитель послал, – с облегчением выпрямилась я, – замучилась уже. Здравствуй, детка.

Катя склонилась ко мне и обняла. Я расцеловала её в ду-

шистые щёки и в который раз восхитилась, как удивительно приятно она пахнет, сама, своим естественным запахом.

– Не думала, что заедешь.

– Макс звонил, сказал, у вас что-то стряслось.

– Стряслось. Не знаю, каков результат тряски будет. Ты с Эдвардом?

– В гостиной ждёт. Там папа уже одетый и с сумкой. Велел альфа ромео из гаража выкатить. Павлу отказал, сказал, сам поведёт, – выдавая информацию фразами, Катя после каждой пытливо взглядывала на меня. – Дед сразу решил, что со мной поедет, – добавила она со смехом и, оборвав смех, деловито поинтересовалась: – Ты что хочешь?

– Давай, наверное, косу потуже, – решила я, усаживаясь в кресло перед туалетным столиком, – в дороге всё одно растреплется, а уже на месте соорудишь мне что-нибудь. Я заколку с пикой взяла.

– Которая бронзовая? А платье?

– Дырявое.

– Ух ты! Родитель Эдварда в транс впадёт!

– Думаешь, лучше заменить?

– Не-ет, наоборот! Я просто его напыщенную м... лицо представила.

– Катюша, нельзя так. У всех есть недостатки, его не самые худшие.

– Да, мам.

Начав ото лба, Катя забирала пряди волос с висков и даль-

ше с боков головы и вплетала их в одну тугую косу. Я любовалась её отражением в зеркале. Те же, что у отца, зелёные, но более яркие – ближе к изумрудному оттенку – глаза лучатся, очаровывают, не отпускают. Уже потом разглядишь чистый высокий лоб, резко очерченную припухлость рта и нежность округлого подбородка. «И носик, к счастью, не отцов, а скорее мой, маленький», – с нежностью отметила я и вслух сказала:

– Катя, мне надо с тобой поговорить. Я думала в гостях придется время и место искать, но раз ты приехала, то сейчас и поговорим.

Не замечая того, Катя тотчас подобралась, как подбирается зверёк в минуту опасности, и напряжённым тоном осведомилась:

– О чём?

– О ком, – мягко поправила я. – Обо мне и о тебе.

Она метнула на меня взгляд и вновь спрятала его за работой, а я... я задала себе вопрос – как я добилась того, что на простое предложение поговорить моя дочь готовится к бою?

– Ну вот! – Катя опустила руки и пошутила: – Конечно, я не Даша-мастерица, но думаю, если плясать на крыше машины на ходу не будешь, то до дома Эдварда доедешь прибранная!

– Благодарю, детка, – я поцеловала её и под её пристальным взглядом пересекла спальню и села на диванчик.

Катя упала поперёк кровати лицом ко мне.

– Катюша, я устала от наших отношений и предлагаю их обнулить, – начала я без предисловий. – За много лет у нас сложился невозможный, болезненный тип отношений – обращение в форме претензии, ответная реакция в форме защиты или, того хуже, в форме нападения. Я предлагаю забыть обиды и начать с чистого листа, – видя её всё возрастающее удивление, я поспешила пояснить: – Я понимаю, Котёнок, это тот случай, когда легко сказать, трудно сделать. Но не делать, детка, нельзя! Я люблю тебя! Очень люблю! Но... видимо, выражаю любовь как-то не так. Делаю ошибки. Поэтому хочу услышать твои... как бы это сказать... твои требования в свой адрес, и, если это станет мне по силам, я начну что-то в себе менять, – я беспомощно развела руками и добавила: – Катька, я просто уже не знаю, что делать.

К концу моей, прямо скажем, дурацкой речи, Катя от простого удивления перешла к крайней точке изумления. Она уже не лежала на кровати, она села, высоко подняв плечи и вытянув шею, вся устремившись ко мне.

– Мама, какие требования, что ты говоришь? – спросила она.

– Давай назовём это не требованиями, а пожеланиями.

– Требования, пожелания! Какая разница, как назвать? У меня нет ни требований, ни пожеланий! – Катя слетела с кровати и подбежала к диванчику. – Ты зачем так?... – она упала на коленки и обняла мои ноги. – О мама! Что ты себе напридумывала? Я не могу с чистого листа! Как я могу с чистого

листа, если в моей жизни так много дорогих мне воспоминаний? Я хочу их помнить! Ну, например, как мы уборку делали в моей комнате. Помнишь, я решила, что уборка, это пустая трата времени? Комнату запустила так, что не знала, за что в первую очередь браться! Я тогда и о помощи просить не могла – стыдно было, и обижалась на весь свет, что я совсем одна. Плакала от обиды и злилась на саму себя. А ты будто почувствовала, пришла и игру из уборки устроила. И без всяких нравоучений! Нет, мама, я не хочу это забывать! Помнишь, как мы хохотали, когда потихоньку от Эльзы ведра и тряпки из бытовой комнаты тащили? Помнишь? Я тогда насмеялась так, что у меня мышцы лица заболели! Помнишь, окно мыть стали, а Женя и Эльза пришли бельё развешивать прямо под окном! Ты чуть ведро наружу не опрокинула, прячась от них, помнишь, когда спрыгнула с подоконника? Мамочка, я люблю тебя, а ты про какие-то требования. Мне с тобой всегда хорошо было! – Катя положила голову мне на колени и, понизив голос почти до шёпота, спросила: – А помнишь, когда Лорд умер? Вначале Граф, а потом Лорд. Мне тогда так страшно было, я решила, что теперь все друг за другом умрут. Я тогда попросила, что если так надо, то я согласна, пусть и дед, и Стефан, и даже папа, все пусть умирают, только... только, чтобы ты осталась жива, чтобы ты осталась со мной.

– О-о-ох, детка! – только и смогла я простонать.

– Я к вам с папой ночью в спальню пришла, помнишь? Я

успнуть не могла, хотела убедиться, что ты живая. Ты тогда от папы ушла и почти месяц в моей спальне спала. Мама, это мои самые дорогие, самые счастливые воспоминания! Ты тогда только моя была.

– Катюшка, но неужели тебе меня не хватало? Я же всё время с вами была!

– Ты всегда была с нами – со мной и Максом. А мне не хватало – со мной, не хватало, когда вот так, как сейчас, – ты и я, мы плачем и смеёмся, ты слушаешь меня и гладишь по голове, а я чувствую, что ты любишь меня. Так хорошо. Мамочка, забудь всё, что я тебе обидное говорила, я так люблю тебя, так люблю!

– Любимая моя, славная моя девочка! – я потянула её к себе. – Иди ко мне. Не смей думать, что я не люблю тебя!

Катя в отчаянном порыве переместилась с пола на диванчик и, неловко изогнувшись, – бог знает как сложив свои сто семьдесят семь сантиметров роста – распласталась на моей груди. Обхватив её руками, я плакала вместе с ней и смеялась. «Неужели всё-таки ревность делает Катю несчастной? – чутко внимая её откровениям, одновременно размышляла я. – Да-а, Катя хочет, чтобы я принадлежала только ей... но ведь это уже деформация... ах нет! какая деформация? Катя – ребёнок, пока ещё ребёнок! Катя деньги зарабатывает как взрослая, а в остальном она ещё совсем-совсем ребёнок. Ребёнок повзрослеет, и искажения пройдут. Правильнее будет с собой разобраться! Исковерканные дети вырастают толь-

ко у кривых родителей. Серёжа сказал, что я с Максом естественна, а с Катей «очень стараюсь». Что же это «очень стараюсь»? Это верно, я с Катей всегда вела себя иначе, но это потому, что она девочка. С Макса я требовала и требую сейчас, с самого его детства я опиралась на его ответственность. Выходит, и с Катей так же надо было? Ответа, как всегда, нет».

Выговорившись, Катя высвободилась и смущённо пробормотала:

– Нас ждут, а я... Пойдём умываться, а то дед там, наверное, уже сердится.

Мы умылись холодной водой, что мне помогло мало. Рассматривая в зеркале измельчавшие в распухших веках глаза и распухший нос, я протянула:

– Да-а... в самый раз для знакомства! В моём возрасте вредно увлекаться слезами!

– Сегодня солнце, можно очки тёмные надеть, – неуверенно предложила Катя.

– Придё-ё-тся! – я вздохнула и, переведя на Катю глаза, спросила: – Пойдём выбирать?

Андрэ играл в шахматы с Эдвардом. Катя подбежала к нему со спины и, подкупая лаской, обвила его шею руками; попеременно перевешиваясь то через одно его плечо, то через другое, она принялась целовать графа то в одну щёку, то в другую, попутно тараторя:

– Деда, я тебя люблю! – чмок. – Ты не передумал со мной

ехать? – чмок. – Деда, я гнать не буду! – чмок. – Я тебя бережно доставлю в наследственный замок мистера Эдварда, – чмок. – Деда мой любимы-ы-ый...

Заворожено улыбаясь, за Катей наблюдал её друг.

– Добрый день, Эдвард! – поздоровалась я.

Отторгнутый от приятного видения, он с торопливой неловкостью встал, уронив с шахматного стола пешку, и наклонился к моей руке.

– Здравствуйте, Лидия!

– Простите, что пришлось ждать, – извинилась я и повернулась к Стефану, – Стефан, до Даши дозвонился?

– Да. Всё в порядке, – кивнул он. Его глаза пытались определить моё состояние, прочесть в лице хоть что-нибудь, но большие, в половину моего лица, чёрные очки не позволили это сделать.

– Мы едем или ещё кого-то ждём? – спросила я, ни к кому не обращаясь.

– Едем, – ответил Серёжа, встал, подхватил сумку и двинулся к выходу.

Все, кто был в гостиной, с немым удивлением уставились ему в спину, а потом так же дружно перевели взгляд на меня. За более чем двадцатилетний стаж совместной жизни Серёжа ни разу не оставил меня за своей спиной, напротив, он всегда либо сам оставался за моей спиной, либо увлекал меня за собой, взяв за руку или обняв за плечи. «Какой, однако, насыщенный событиями день! – усмехнулась я. – Я нежно

простилась со Стефаном, кажется, вернула дочь и потеряла мужа!» На помощь мне устремился Макс и, закрыв собой от перекрестья взглядов, повёл к выходу.

Но на террасе меня встретил ещё один пытливый взгляд – Пашкин.

– Сынок, отойди в сторонку, – попросил он Максима.

Максим не двинулся с места, Паша пожал плечом – как хочешь, мол, и, щурясь на грузившего сумку в багажник машины Сергея, спросил у меня:

– Вижу, у тебя сегодня день плача? Он тебя обидел?

– Паша!

– Маленькая, я же вижу...

– Детка, иди ко мне, я тебя поцелую, – вмешался подошедший Андрэ. – Ты сегодня сама не своя. Что вы с Катей опять выясняли?

И Макс, и Паша отошли, а я прижалась к груди графа. Обняв, он на минутку приник ко мне, потом отклонился и приподнял мои очки. Я задвинула их на макушку. Укоризненно покачав головой, Андрэ нежно прикоснулся губами к моим векам, а потом шепнул:

– Детка, никогда не пытайся слезами вернуть уходившего от тебя мужчину. От такой, как ты, может отказаться только дурак!

– Спасибо, Андрей, я запомню! – сказала я.

Он ободряюще кивнул и молодецкато сбежал по ступенькам с террасы. Катя услужливо открыла перед ним дверь сво-

его суперкара, подождала, пока он сядет, захлопнула дверь и, направляясь на своё место, помахала нам рукой.

– Догоняйте!

Отъезжая от дома, я взглянула на раскачивающегося с пятки на носок Павла. Прищурившись и глядя прямо перед собой, он о чём-то размышлял. В последние пару лет... нет, пожалуй, в последние года три, оставаясь безупречно вежливым словесно, Павел не скрывал неприязни к Сергею. Что послужило причиной неприязни, я выяснить не смогла. Павел невразумительно процедил: «Есть причина», и намертво умолк, а Серёжа и вовсе пожал плечами и отмахнулся: «Чепуха! Павел верен тебе – и это главное!»

«Павел верен мне, – повторила я про себя и поправила Серёжу: – Павел не просто верен, Паша мне брат... когда-то он поклялся служить мне, и я расценила это как шутку, но потом, когда я убежала в Алма-Ату, Паша бросился за мной, и с тех пор он всегда со мной...»

– Мама, поспи, – оборвал мои мысли Максим. Привлекая меня к себе, он чуть-чуть подался вперёд, усаживаясь так, чтобы мне было удобнее.

Я сняла очки и положила голову ему на плечо. И когда Макс прижался щекой к моей макушке, моё сердце зашлось от нахлынувшего чувства признательности. «А-ах... славный мой мальчик!.. Серёжа, не устаю благодарить тебя за наших детей. Спасибо! Только любящий жену мужчина может воспитать внимательного к матери сына».

А Серёжа в это время гнал машину вперёд. Стрелка на спидометре ушла за 200. Казалось, машина летит, не касаясь полотна дороги. Катька два раза догоняла нас на своём спорткаре, обходила, торжествующе сигналила, но Сергей не реагировал, даже головы не повернул, и Катя отстала, поняла, видимо, что отцу не до гонки, или, быть может, Андрэ потребовал снизить скорость.

«О чём ты думаешь, Серёжа? Какое решение рождается в твоей голове? – спросила я мысленно, зарылась лицом в расстёгнутую куртку Макса и закрыла глаза. – Катя такая же... когда обдумывает важный для себя вопрос, выезжает на трассу и тоже несётся на огромной скорости... Серёжка, если мы расстанемся, Катин мир рухнет...»

Меня разбудили нежные поцелуи и ласковый шёпот. Улыбаясь, открывая лицо навстречу губам Серёжи, я потянулась его обнять.

– Серёжа...

– Мама, просыпайся, мы приехали.

Я открыла глаза и встретила тёплый участливый взгляд Макса. Поспешно отстраняясь от него, я смущённо пробормотала:

– Максим... сынок, прости, думала, папа.

Машина стояла на узкой улочке, по обеим сторонам которой тянулись глухие заборы.

– Мы Катю ждём? – спросила я.

– Да, мама.

– Да, Маленькая, – ответили одновременно оба.

Серёжа, отвечая, взглянул на меня в зеркало заднего вида. Я отвернулась и надела очки. «Я, милый, уже устала искать в твоих глазах тепло. Оставим поиски на вечер».

– Я выйду. Пройдусь, – уведомила я и отжала ручку двери.

– Подожди, мама! – требовательно остановил Макс.

Он вышел, обошёл машину, открыл дверцу с моей стороны и подал руку. Мой славный, юный сын продолжал исполнять роль моего кавалера. Крепко ухватив мою ладошку, он повёл меня вдоль заборов, над которыми в унылой, ещё зимней, нагоде высились деревья.

Мы прошли совсем немного, может быть, метров сто, когда на улочку из-за поворота вывернула машина Кати. Спорткар проехал мимо машины Серёжи, мимо нас и, посигналив, остановился. Тотчас с левой стороны улочки лягнули и пришли в движение кованые ворота, гостеприимно открывающие проезд во двор.

Дом за воротами отличался от соседних домов – он был единственным, выставившим себя напоказ. Вокруг ни кустика, ни деревца, а вместо глухого забора кованая решётка. Уползающие вбок ворота открывали взгляду двор, незатейливо закатанный в асфальт. «Не надо Катьке сюда», – вдруг подумала я. Облитый солнцем, горделивый краснокирпичный особняк с белыми глазницами окон вызвал у меня смутное чувство тревоги.

Катя въехала во двор, следом проехал Серёжа, а потом,

через тот же проём, не торопясь, прошли я и Макс. Хозяин – рослый, грузный мужчина, встречал гостей на нижней ступеньке крыльца, выложенного кафельной плиткой с пёстрым цветочным орнаментом. Одет он был демократично – потёртые джинсы, пиджак с нашитыми снаружи бирками производителя, под пиджаком футболка, на ногах мягкие замшевые мокасины. Его широкоскулое лицо с мясистым, несколько вздёрнутым носом и раздвоенным подбородком не имело ничего общего с лицом Эдварда. Мужчина шагнул на серый асфальт и с почтительным уважением поздоровался с Андрэ. Потом он долго и энергично тряс руку Сергея, столь энергично, что нарушил аккуратный, волосок к волоску, пробор своей причёски, а потом очередь дошла и до нас с Максом. Я подняла очки на макушку и протянула руку.

– Здравствуйте.

Крупная, мягкая, теплая ладонь бережно объяла мою руку. Глаза, прищуренные от солнца и, кажется, карие, приветливо блеснули, мужчина улыбнулся скромной мягкой улыбкой. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, проникаясь взаимной симпатией.

– Здравствуйте, – наконец сказал мужчина, – добро пожаловать! Я Виталий Сергеевич. А-а-а... вы?..

Катка, болтавшая до того с Эдвардом, умолкла и с насмешливым интересом уставилась на будущего родственника.

– Меня зовут Лидия, – сказала я. – Я мама Кати.

Виталий Сергеевич смутился и, желая, видимо, лучше меня рассмотреть, прикрыл глаза от солнца ладонью, словно козырьком. Все терпеливо ждали. Он ещё больше сконфузился и, запинаясь, пробормотал:

– Графиня... эээ... Лидия... Ивановна...

– Я понимаю ваше замешательство, – пришла я на помощь, – Катя похожа на своего отца и совсем не похожа на меня. Виталий Сергеевич, зовите меня Лидия.

– Ну тогда и вы зовите меня Виталий! – воскликнул он и с видимым облегчением рассмеялся.

– Договорились! Познакомьтесь, Виталий, мой сын Максим, брат Кати.

С тем же энтузиазмом, с каким тряс руку Сергея, Виталий принялся трясти руку Макса.

Хозяйка встречала внутри дома, в холле. Дама слегка увядшая и полноватая, с замысловатой причёской и пухлыми, любовно ухоженными руками. Голубые глаза – мечтательные и наивные, по-детски розово-бутонистый ротик и полное отсутствие подбородка – всё в её внешности взывало к покровительству и защите от превратностей жизни.

– Это моя супруга, мать Эдварда, Алевтина Марковна, – представил Виталий. На фоне жены он выглядел чрезмерно живым и энергичным.

– Аля, – тоненьким голоском едва слышно пискнула Алевтина Марковна.

После знакомства хозяева пригласили пройти по дому.

Виталий, откровенно гордясь собой, рассказывал, как шестнадцатилетним мальчишкой приехал из сибирского посёлка в Москву, как учился и одновременно работал – ночами мыл посуду в ресторане и грузил мусор, а ранними утрами подметал дворы, в общем, делал всё, чтобы «выбиться в люди». Экономя каждую копейку, вкладывал деньги в чужой бизнес, а потом, скопив первоначальный капитал, открыл своё дело. Опять много работал, чтобы заработать и на этот дом, и на машину, и на то, чтобы в доме было всё необходимое, он похвастался, что и обязательные счета на старость и жене, и себе открыл. Но особенно Виталий гордился образованием, которое дал сыну.

– Эдвард у нас умница, и в школе хорошо учился, и в университете! Потом в Англии образование пополнял. Дорого, конечно, но в такого сына не жаль вкладывать! Вошёл в дело и за два года вернул всё на него затраченное!

Хозяйка как-то незаметно растворилась в коридорах дома, а мы дошли до цокольного этажа.

– А это наш мужской салон! – объявил Виталий и распахнул двустворчатые двери в большое, красиво оформленное помещение, обшитое дубовыми панелями и разделённое на две части четырьмя колоннами. По одну сторону от колонн располагался домашний кинотеатр, а на другой разместился этот самый «мужской салон» – в центре большой бильярдный стол, вдоль стен диваны в кожаной обивке, винные шкафы, стеллаж с более крепкими напитками, тут же витрина с

посудой и тумба с кофе-машиной.

Пока мужчины обсуждали винную карту хозяина, я прошла на другую половину помещения и подошла к одиноко висевшей и плохо освещённой картине, явно повешенной здесь только для того, чтобы занять пустое пространство стены.

А между тем картина была хороша, и чем дольше я в неё всматривалась, тем большее волнение она во мне вызывала. Волновал основной посыл полотна: в самом глухом, отрицающем жизнь отчаянии всегда остаётся лучик надежды. И поскольку описывать картину бессмысленно, могу лишь сказать, что на ней была изображена женщина, юная и прелестная, изломанный скорбью рот и тусклый взгляд которой сжимали сердце. Общий фон картины угнетал безысходностью. Хотелось вдохнуть, но воздуха не было. Лишь мелкие детали – из ниоткуда взявшийся крохотный лучик, притаившийся в безвольно упавшей на колени ладошке женщины, да жившая своей жизнью кокетливая прядка волос на её худеньком плече, да ещё повернувший головку к зрителю цветок, единственно живой в увядшем букете, – приоткрывали тайную надежду на возрождение к жизни.

Я почувствовала взволнованное дыхание Кати за спиной и спросила:

– Кто это, ты знаешь? Это так хорошо!

– Мама, это не просто хорошо, это очень, очень хорошо!

Темно тут, надо света больше.

Мы оглянулись в поисках помощи.

– Виталий! – окликнула я.

Он услышал не сразу, стоя к нам спиной в окружении Серёжи и Макса и что-то им втолковывая на тему инвестиций и фондовых рынков.

– Он что, их поучает? – изумилась Катя. – Кого?! Макса? Или папу? – и, фыркнув, упала лбом на моё плечо.

– Катя! – шёпотом урезонила я и повторила призыв странное: – Виталий, простите, что прерываю...

Он недоуменно оглянулся, и я добавила:

– Окажите нам помощь, пожалуйста.

– Конечно-конечно! – поспешил он на зов. – Лидия, Катенька, чем я могу помочь?

– Мы хотим лучше рассмотреть картину, но здесь не хватает освещения.

– А-а-а, это... – он стал оглядываться вокруг себя, бормоча при этом: – Сейчас... сейчас решим...

– Виталий Сергеевич, вы позволите перенести картину в центр мужского салона под люстру? – разрешила его затруднения Катя.

– Да-да, конечно! – обрадовался он и рассмеялся. – Я о лампе думаю, а так даже проще!

Картину водрузили прямо на бильярдный стол. Её писал, безусловно, талантливый художник. При ярком освещении она зазвучала ещё пронзительнее – тени сгустились, контраст между отчаянием и надеждой стал ещё более драма-

тичным. «Именно так я сегодня чувствовала себя в душевой кабине», – подумала я и взглянула на Виталия. Я хотела понять, насколько он дорожит картиной, ведь неудачный выбор места для её размещения мог быть просто ошибкой. Но тот крутил головой, недоумевающе рассматривая сосредоточенные лица гостей. Встретившись со мной взглядом, словно извиняясь, он произнёс:

– Это нарисовал мой сводный брат, художник-неудачник.

– Если позволите, я хочу купить картину, – сказала я. – Простите мой каприз, но тема картины мне очень близка.

Мужчина смотрел так, словно не понял моих слов, и я добавила:

– Я заплачу двойную цену.

– Бог с вами! – вскричал он наконец. – Какую двойную цену? Если картина вам нравится, я подарю её вам! Брат уехал искать счастья в Америку, а свои художества оставил в моё полное распоряжение! Их полно!

– Вы позволите посмотреть другие работы вашего брата? – тотчас встрепелась Катя.

– Конечно! Пожалуйста! Они тут, за стенкой, в чулане! Пойдёмте, я покажу. Там, правда, давно не прибирались и, наверное, пыльно, но освещение там хорошее.

Взглянув на другие работы художника, я решила, что они слабее, зато Катя погрузилась в изучение «художеств», как выразился наш хозяин, позабыв обо всем. Оставив её с Эдвардом, я вернулась в мужской салон. Серёжи в помещении

не было, Андрэ в одиночестве сидел в дальней от двери части салона с бокалом вина, а Максим выкладывал пирамиду на бильярдном столе. Картину вновь переместили на территорию кинотеатра, но не повесили на прежнее место, а поставили на диван, оперев на спинку.

– Сынок-то ваш – мастер! – восторженно сообщил мне Виталий. – При его мастерстве бильярдом деньги можно заколачивать! Я только и успел, что разбить пирамиду!

– Мама, сыграем? – предложил Максим.

– Нет, милый. Не интересно.

– Давай поочерёдку сыграем, – настаивал Макс. – За одним столом не так интересно, но что есть.

Во второй раз отказывать я не стала – если Катя была с женихом, да к тому же набрела на настоящие сокровища, то Максу в этой поездке заняться было решительно нечем. Я согласилась, чем обрадовала сына и вызвала неподдельный интерес у Виталия.

Надо пояснить, что у меня есть удивительная для меня самой и обнаруженная совершенно случайно способность точно рассчитывать траекторию бильярдного шара. Хотя слово «рассчитывать» не совсем верно, я не рассчитываю, я просто знаю, куда и какой силы должен прийти удар кием, чтобы шар зашёл в лузу. Если я разбиваю пирамиду, то я и заканчиваю партию. При этом я ни правил бильярда не знаю, ни терминов. Максиму передан мой «дар», и мы с ним изредка устраиваем бои по одному из вариантов. В одном случае

это игра на скорость – задача состоит в том, чтобы за определённое время положить в лузу как можно больше шаров, при этом каждый играет за своим столом; в другом случае после каждого удара мы обмениваемся столами, и тогда задача усложняется – одним ударом нужно и загнать шар в лузу, и оставшиеся раскатать по полю так, чтобы партнёру было сложнее их «взять». Второй вариант мне нравится больше, и называем мы его – поочерёдка.

Разбить пирамиду мы попросили Виталия Сергеевича. Наблюдая за тем, как точно я и Макс работаем кием, он долго не мог взять в толк, «какой такой ерундой» мы занимаемся. Он оказался азартным болельщиком и довольно болезненно переживал, когда мы раскатывали самые удачные связки шаров. А уж почему у каждого есть право только на один удар, мы ему так и не смогли объяснить. В общем, шуму и витийствований от хозяина дома было много.

Партию в итоге выиграл Макс. Не удержав в себе мальчишеской радости, он подхватил меня под коленки, поднял над собой и закружил.

– Макс! – ахнула я. – Отпусти!.. Макс, я мать как-никак!

– Мама, я не помню, когда я тебя в последний раз обыгрывал! Реванш не хочешь? – плутовато поддразнил он и, закинув голову назад, захохотал.

Мальчишка! Двухметровый, сильный, как жеребец, мальчишка!

– Только если ты поставишь меня на ноги! – вынуждена

была вновь уступить я.

Вторую партию выиграла я с перевесом в один шар и, скорчив виноватую рожицу, разведя руками, заявила:

– Извини, сынок, но победная пляска с тобой на руках у меня не получится.

Напрасно я это сказала. Недолго думая, Макс вновь подхватил меня и поднял над собой.

Наше веселье, в котором участвовал и граф, с улыбкой наблюдающий за нами со стороны, и хозяин дома, отпускающий одобрительные возгласы, прервала Катя.

– Мама, хватит обниматься, у меня есть к тебе вопрос! А ещё ты мне по делу нужна!

Рдея горячим румянцем, она сердито сверкнула глазами, резко развернувшись, взметнув подол платья, и направилась к деду. Там она плюхнулась против него в кресло и нетерпеливо забарабанила пальчиками по подлокотнику.

Я взглянула на грустно плетущегося от входной двери Эдварда. «Поссорились», – поняла я и шепнула Максу:

– Прости, сынку. Люблю тебя! – но прежде, чем обрела почву под ногами, расцеловала его в обе щеки, а потом отправилась вслед за дочерью.

– Детка, я рад, что к тебе вернулся смех, – встретил меня Андрэ, учтиво поднявшись с дивана, и, ожидая, пока я сяду, поинтересовался: – Почему хозяйки дома не видать? Я уже испытываю неловкость.

– Не знаю, милый. Может, её отвлекают приготовления к

обеду? Ты хочешь, чтобы я узнала?

– Нет-нет, посиди со мной! В последнее время мне редко удаётся побыть с тобой, – он сел и, бросив взгляд на картину, спросил: – Зачем ты хочешь её купить? Она очень мрачная. Глядя на неё, я вспомнил всё горе, что пережил в жизни.

– Я назвала её «Надежда».

– «Надежда»?! – в один голос воскликнули и он, и Катя.

– Где же там надежда? – переспросил Андрэ.

– Художник изобразил край, предел человеческих возможностей. Ещё чуть-чуть и личность погибнет. А теперь посмотри на лучик света. Откуда он взялся? Взгляни на цветок. Видишь, как среди всей этой драмы наивно и даже озорно он тянет головку. Это и есть то самое чуть-чуть, малость, что отделяет от гибели, надежда на возрождение.

Андрэ задумчиво покачал головой и вновь стал рассматривать картину, а я перевела взгляд на Катю. Не смея перебивать деда, вынужденная ждать своей очереди, она уже кипела от нетерпения.

– Катюша, ты сейчас что-нибудь прожжёшь, искры глазами мечешь! Что не так?

– Мама, я в этом доме была несколько раз! Я в этом «мужском» подвале была несколько раз! Я по всему миру ищу талантливых художников! При этом все говорят, у меня есть чутьё! И что же? Ты не успела войти в дом, как нашла сокровище! А где были мои глаза?

– Вначале успокойся. Выдохни.

Послушно звучно выдохнув, Катя откинулась на спинку кресла и, недовольная промедлением, поторопила:

– Мама!

– Слепой тебя сделала предвзятость.

– И это всё? Я спрашиваю, куда делось моё чутьё?

Я поморщилась.

– Катя, думай! При чём тут чутьё? Ты была уверена: «В этом доме искусства быть не может!» – давая ей время осознать сказанное, я выдержала нарочитую паузу и мягко закончила: – У меня просто не было твоей предвзятости.

Катя сердито стукнула кулачком по коленке и вперила взгляд в потолок. Прошло не менее минуты, как она улыбнулась и уже другим тоном сказала:

– Хороший урок! А ведь я помню, как ты говорила: «Человек – раб шаблонов, мир значительно многообразнее, чем наши представления о нём»! Благодарю, мама! Теперь к делу. Я прикинула цену картины. Даже учитывая неизвестность автора, я бы поставила ценник в полтора миллиона. Думаю, две цены за неё много, а два миллиона можешь давать. В чулане я нашла достаточно работ, чтобы устроить персональную выставку автора, и теперь бы ещё этого автора разыскать! Эдвард говорит, с ним связи нет. Раньше он раз в год открытки присылал, а последние лет пять и открыток не было. Может, и не жив уже? – она посмотрела на меня так, будто мне и задала свой вопрос, и после паузы, словно бы про себя, пробормотала: – У меня Альманах в вёрст-

ке... В общем так, мама, решай вопрос с Виталием, для Альманаха мне хозяин картины нужен! Затолкаю я «Надежду» в этот Альманах, чего зря время терять? – вскочив с кресла и уткнувшись глазами в экран телефона, она заспешила к выходу.

Я повернула голову к графу.

– Скажи, в кого Катя такая импульсивно-эмоциональная в отношениях и холодно-рассудочная в деле?

Граф молча притянул меня к себе и поцеловал в лоб.

– Поскучаешь? – вновь риторически спросила я. – Пойду исполнять поручение Кати.

Андрэ всё так же молча кивнул.

Виталий Сергеевич и его сын обсуждали с Максом какие-то вопросы страхового бизнеса. То ли варианты страховой защиты бизнеса обсуждали, то ли возможности самого страхового бизнеса, я не поняла. Мне понравилось, как мой восемнадцатилетний сын излагал свою точку зрения, излагал так, как излагал бы свою точку зрения его отец, – аргументированно и спокойно, не оказывая эмоционального давления на собеседников, не выпячивая своих познаний и не настаивая на своей правоте. Виталий очень внимательно внимал ему, в то время как Эдвард вставлял кое-какие ремарки. Оба, и отец, и сын, держали в руках напитки, один в широком стакане с тяжёлым дном, другой – в бокале, а у моего сына в руках ничего не было. Макс, как и я, не пил спиртного, а безалкогольных напитков, по всей видимости, здесь

не подавали.

Я вдруг почувствовала тягость, отяготясь и ролью посыльного, и всем нашим гостеванием в этом доме, где гостеприимство, мягко говоря, не было главным достоинством хозяев. Подходя, я подавила в себе недовольство и объявила:

– Виталий, а я к вам!

– Мама! – Макс торопливо поднялся из кресла, жестом приглашая меня занять своё место, и, не найдя вокруг куда-бы присесть самому, примостился рядом со мной на подлокотник.

Благодушно наблюдая за нашими перемещениями, хозяин дома лениво глотнул из своего стакана желтоватую жидкость, всем своим видом говоря: «Ну и вольно же вам суесться!»

– Простите мою настойчивость, Виталий, – начала я, – но я к вам всё по тому же вопросу. Катя определила цену за картину вашего брата.

– Милая Лидия, я ведь подарил вам картину, – напомнил он со снисходительной улыбкой. – А я всегда держу слово! Забирайте! – он издал короткий смешок и махнул перед собой рукой выметающим жестом.

Я с улыбкой покачала головой.

– Я не могу принять картину в подарок. Я не принимаю подарков по такой цене.

– Лидия, ну по какой цене? Мне картина ничего не стоила!

– Картина обрела цену, Виталий. По оценке Кати она сто-

ит полтора миллиона.

– Вот эта картина? – он ткнул по привычке пальцем туда, где картина висела до нашего приезда. – Она стоит полтора миллиона?

– Да. Сейчас картина стоит полтора миллиона, но как только имя вашего брата станет известным, картина вырастет в цене. Именно поэтому я предлагаю за неё двойную цену.

Я помолчала, ожидая его ответа, но он словно онемел.

– Итак? – поторопила я. – Если вы согласны, я прямо сейчас перечислю деньги.

– Подождите, Лидия, – Виталий потряс головой, словно вытрясывая оттуда всё, что до сих пор слышал, и ещё раз переспросил: – Вы готовы заплатить за эту картину три миллиона рублей?

– Нет, Виталий, я готова заплатить за эту картину три миллиона долларов.

Названная сумма отбросила его на спинку дивана, на лице его промелькнула странная череда эмоций: растерянность сменилась сожалением, потом печалью, а потом его лицо исказилось гневом, тотчас, впрочем, сменившемся гримасой страдания. Безмерно уставшим, вдруг осипшим голосом он спросил:

– Мой брат... он хороший художник?

– Да, Виталий, ваш брат хороший художник, – подтвердила я.

Медленно и аккуратно он поставил стакан на широкий деревянный подлокотник дивана и, наклонившись вперёд, обхватил голову руками. Не понимая, что происходит, я наклонилась и коснулась его плеча.

– Виталий...

Но он резко поднялся и устремился к выходу, едва не сбив с ног заходившую в салон Катю. Его сын, мрачно уставясь в пустой бокал в своей руке, остался безучастным.

– Макс, найди отца! – велела я и встала. – Эдвард, полагаю, нам лучше уехать, вашим родителям сейчас не до приёмов. Катюша, сделка отменяется.

– Простите, Лидия... – начал мямлить Катин жених, – мне жаль, что...

– Пустое, Эдвард, не извиняйтесь!

– Мама, его что, цена не устроила? – беспокоясь о своём, спросила Катя.

– Нет, Котёнок, думаю, причина в другом. Ты домой едешь?

– Конечно! Я дедулю должна отвезти и... мам, мне поговорить надо! Хотелось бы сегодня.

– Хорошо, детка.

Подожёл граф, поставил недопитый бокал с вином рядом со стаканом Виталия и, обняв меня за плечи, повёл к выходу. Я покаянно шепнула:

– Прости, Андрей, за вояж наш бестолковый.

– Что ты могла сделать? – возразил он и позвал: – Котик,

догоняй!

Катя пристроилась с другой его стороны, он и её обнял, и мы вышли из мужского салона. Пройдя через весь дом и никого не встретив на пути, мы вышли во двор – удручающе-безжизненный в своей асфальтовой эстетике.

– У них тут люди пропадают, – пробормотала я, – ни Серёжи, ни Максима, ни хозяина, ни хозяйки. Эдвард абсолютно безучастный, будто в трансе. Катька, может, ты нам что прояснишь?

– У них семейная драма, – нехотя отозвалась Катя, – Алевтина была девушкой художника, старшего брата, а женой стала младшего – Виталия. Она с ним, я так понимаю, несчастлива, а теперь выясняется, что её любимый вовсе не бездарность, а талант.

– Ясно. Теперь понятно потрясение Виталия. Вероятно, он чувствовал себя и более успешным, и более ответственным, а следовательно, более достойным, чем брат, а теперь узнал цену работ брата. А с Эдвардом что случилось?

– А с Эдвардом... – Катя на мгновение замялась и отвела глаза, – я ему сказала, что пока не готова к браку.

– Ясно, – повторила я. – У меня ещё два вопроса, где твой отец и где твой брат?

– Папа успокаивает Алевтину. Она вниз спустилась как раз в тот момент, когда все рассматривали картину, и всё поняла. Бросилась в бега, а папа за ней. Куда Макс делся, я не знаю.

– Придется подождать. Может, в машину...

Договорить я не успела, меня прервал грохот двери, распахнувшейся, похоже, от удара ногой. На пороге стоял Виталий с картиной в руках.

– Заберите эту чёртову мазню! – заорал он. – Бога-ради, Лидия! Чтобы не было её в моём доме! – сбежав по ступенькам крыльца и пройдя мимо нас, он обрушил картину на крышу Катиного суперкара.

– Хорошо, Виталий, – примирительно проговорила я. – Катя, займись картиной!

Не встретив сопротивления, Виталий потерял воинственный запал, как-то сразу весь обмяк и, направляясь к нам, забормотал:

– Вы простите... бестолково так... мы с супругой ждали, готовились...

– Всё в порядке! – поспешила я заверить.

Граф, ответив учтивым наклоном головы, в тот же миг отошёл к Кате.

– Жизнь рушится... – жалко добавил Виталий. Он растерял весь свой апломб, всю горделивость. Взгляд его карих глаз напоминал взгляд пса, отвергнутого хозяином.

– Мне жаль, Виталий, но иногда разрушение отношений оборачивается их обновлением, – пробормотала я успокаивающе, хотя мне хотелось встряхнуть его, напомнить, что всего в жизни он добился сам, преодолевая и не такие трудности, как неблагодарность малоумной женщины, но вместо

этого я дотронулась до его руки и произнесла очередное утешительное клише: – Если жизнь рушится, значит, уже готова дверь в новую жизнь, надо лишь набраться смелости открыть её. Вы же знаете, даже самые тяжёлые поражения ведут к новым возможностям.

Он уныло молчал. Не знаю, слышал ли он меня?..

В этот момент меня окликнул Серёжа, и я оглянулась. Серёжа и Макс спускались по ступенькам крыльца.

– Поехали домой, Девочка!

Я кивнула и, вновь обратившись к Виталию, добавила:

– Если вам потребуется помощь, я буду рада помочь. До свидания.

Мы простились с Виталием Сергеевичем – я тепло, Сергей сухо, и направились к машине.

Картина с крыши Катиного суперкара уже исчезла, Макс осваивал водительское кресло сестры, граф сидел на пассажирском сиденье, а Катюша – хозяйка дорогущего авто, высунув руку над плечом брата, махала нам с неудобного заднего сиденья.

Одна за другой и в той же последовательности – вначале суперкар Кати, потом Серёжи, машины тронулись со двора.

Когда мы выезжали из ворот, я оглянулась. Ссутулившийся и словно уменьшившийся в размерах Виталий смотрел нам вслед, а ворота тихонько ползли на место, укрывая от мира несчастье много лет проживших вместе людей.

«Сегодня я как хороший хирург умело вскрываю много-

летние нарывы, — подумала я. — Обнаружила работу талантливого художника, а заодно и кое-как слеplенную семью разрушила. Второй раз я оказываюсь между двух сводных братьев. В обоих случаях старшие талантливы, а младшие зависимы. Милан рассчитывал эксплуатировать талант брата, Виталий же, наоборот, утвердился и возрос на неудачах брата. В обоих случаях нездоровая зависимость разрушила жизни обоих братьев, — я вспомнила шальной взгляд Лукаша, его торчавшие в разные стороны соломенные волосы и спросила: — Помог ли тебе побег от брата добиться успеха? А Милан? Нашёл ли он свой путь без тебя?»

В молчании мы выехали из посёлка на трассу. Весна уже вытопила снег на открытом поле. Жирная влажная земля нежилась в лучах заходящего солнца и томилаcь паром, готовясь принять в себя семя. Стайки ворон бродили по ней, что-то искали, выклёвывали, иногда дрались, и более слабые перелетали на другое место.

— Алевтина расстроена, — произнёс Сергей, объясняя своё продолжительное отсутствие.

— Что так? — безразлично отозвалась я. — У неё появился шанс упасть в другие, любимые, а в настоящий момент отнюдь не нищие объятия. Есть шанс возродить любовь, конечно, если там есть что возрождать. Это Виталий полный банкрот.

— Тебе он понравился. Почему?

— Он тёплый.

– Он отбил женщину у родного брата.

– Он любил эту женщину. Он всю жизнь служил этой женщине. Он заботился и продолжает заботиться о сыне этой женщины и своего брата.

– Он знает, что Эдвард не его сын?

– Если и не знал, сегодня, думаю, узнает. Сегодня она ему расскажет всё, со всей жестокостью на какую способна.

– А ты откуда про Эдварда знаешь?

– Не знаю откуда, – пожала я плечами. – Поняла. Думаю, и Эдвард знает, кто его отец, и узнал об этом не вчера. Она что, в твоём присутствии мужу сцену закатила? Развод потребовала?

Сергей не ответил, взгляд его был устремлён на дорогу. «Серёжка, – позвала я мысленно, – к чёрту чужие страсти! Я тоскую». Он головы не повернул, я вновь отвернулась к окну и продолжала:

– Думаю, в юности брат для Виталия был кумиром. Настолько, что и женщина брата стала самой желанной. А поскольку брат о женщине не очень заботился, а скорее всего и вовсе не заботился, Виталий с готовностью взял это на себя. А она за брошенную к её ногам жизнь даже в благодарности ему отказала. И про сына правду утаила. А это дурацкое имя для сына, наверняка, из какого-нибудь романа вычитала, какой-нибудь литературный герой-любовник её мечтательную головку вскружил. Кстати, Катя Эдварду отказала. И, знаешь, я рада!

Серёжа внезапно съехал с трассы на обочину, и машина встала. «Теперь и мой час настал, – подумала я, – не зря же он отправил Макса в машину Кати».

Но Сергей молчал. Припав грудью на скрещенные на руле руки, он так долго молчал, что я не выдержала и первой прервала молчание:

– Серёжа, я пойму, если ты решил оставить меня. Ты не тревожься, я надеюсь удержать себя в руках и не устраивать драмы.

Приподняв бровь, он удивлённо посмотрел на меня. Потом усмехнулся и вкрадчиво спросил:

– Ты хочешь расстаться со мной? Да, Маленькая?

– Не хочу, – помотала я головой. – Я – не хочу! Ты подарил мне счастливую жизнь, и мне очень хорошо в этой жизни с тобой! Но это ничего не решает! Какая разница хочу я или не хочу, если ты соскучился? Когда-то ты соскучился разгульной жизнью. Исчерпав тягу к развлечениям до дна, ты стал вести жизнь respectable бизнесмена, создал себе имя и статус в среде богатых преуспевающих людей, овладел навыками светской жизни, но в конце концов соскучился и этими достижениями. Ты встретил меня и реализовал другую часть себя – стал замечательным мужем и отцом, воспитал замечательных детей. Но наши детки выросли, живут самостоятельной жизнью, и ты вновь скучаешь. Скучаешь, потому что всё уже изведано и дальше только повторение.

– Из того, что ты перечислила, я отказался только от раз-

гульной жизни, остальное я присоединил к тому, что есть. Я не отказывался от своего европейского бизнеса, а срастил его, где возможно, с бизнесом в России. Я не отказывался от своих, как ты выразилась, светских навыков, и я не собираюсь отказываться от тебя и от детей! Да, я действительно вижу перед собой новые цели, но почему, чёрт возьми, мой путь к ним должен сопровождаться отказом от тебя? И что это «всё», позволь узнать, что «уже изведано»?

– Серёжа, сегодня я увидела в твоих глазах усталость и скуку. Скука просто так не появляется. Нельзя жить с человеком, который вызывает скуку.

– Да о какой скуке ты ведёшь речь? Я хочу тебя! И с годами только больше! Да, я устал! Устал, что ты всегда кем-то или кем-то занята! Когда мы дома, у нас нет возможности элементарно побыть вдвоём! То ты решаешь проблемы Марфы, то ты беспокоишься за Женю и поэтому тебе почему-то непременно нужно переговорить с Машей, а потом с Пашей или ещё чёрт знает с кем! Я тебя жду, а ты в это время прощальные поцелуи даришь! Увидеть свою женщину в объятиях другого, родного, как ты выразилась, мужчины, это как?.. Как, я спрашиваю? – Сергей откинулся на спинку кресла и устало добавил: – В одном ты права, я устал от такой жизни. Я хочу сам владеть своей женщиной, и целовать свою женщину я хочу сам.

– Если ты хочешь целовать свою женщину, так целуй её! Ты же весь день не прикасаешься ко мне, даже за руку не

берёшь! Да что за руку, ты даже смотреть на меня отказываешься! Я сегодня весь день вижу либо профиль твой, либо затылок!

Он вновь взглянул на меня, и я умоляюще прошептала:
– Серёжка, мои губы целую вечность ждут твоего поцелуя.

Его рывок был стремительным – обхватив ладонью мой затылок, он притянул меня к жадному торопливому рту, откинул назад спинку кресла и вытянул меня к себе, на себя.

Забыв обо всём, мы занялись друг другом, отдавая целиком самого себя и забирая без остатка другого...

Прощаясь с ним на протяжении целого дня, после я не спешила в своё кресло, наслаждаясь вернувшейся возможностью смотреть в его глаза, целовать и ласкать его губы.

– Я люблю твои глаза, – ворковала я, – и искорки, которые в них танцуют, люблю. И губы твои люблю. Поцелуй меня! Уже много времени прошло, как ты меня целовал. О-о-о, ну почему, почему я всегда выпрашиваю у тебя поцелу...а-ах...

– Так?

– Да-а...

– А так?

– А-ах...

Его поцелуи унесли меня в состояние блаженного расслабления. Серёжа говорит, именно в такие минуты у меня самое податливое тело. Я застонала, когда он прошептал:

– Сколько ни пей тебя, всё мало... – его руки вновь наливались силой...

Машина летела по шоссе, рассекая светом фар густые влажные сумерки весеннего вечера. Отняв у жизни полтора часа на себя, мы торопились.

– Я боялась, что ты уже никогда не позволишь мне целовать тебя. Серёжка, мне было так страшно, – делилась я своими волнениями.

Его профиль был чётко очерчен в свете приборной доски.

– Не думал, что ты так легко откажешься от меня.

– Я не отказывалась от тебя, я тебя отпустила.

– Лучше бы ты меня держала, – он мельком взглянул на меня и добавил: – Лида, я устал бояться потерять тебя.

Слова прозвучали так, будто он взывал о помощи. Моё ухо уловило призыв, душа откликнулась тревогой, но разум отмахнулся: «Чего меня терять? Я – вот она, вся без остатка его!» Мой разум в тот момент занимали совсем другие вопросы.

– Почему ты не сказал, к кому обращалась старуха? – спросила я. – Помнишь, та, в Черногории, что сидела у входа в корчму? Я тогда решила, что про судьбу она тебе кричала.

– Испугался, – тотчас же ответил Сергей, словно я спрашивала о недавнем событии, и уточнил: – Вначале испугался. Потом придумывал варианты, как правду сказать... а потом посчитал за лучшее не смущать тебя. Я видел твоё влечение к Стефану, боялся, что под воздействием слов старухи влечение перерастёт в любовь.

– Я уже любила! И любила я тебя! – возразила я. – А ста-

руха дурная провидица, если не сумела увидеть моей любви! Наговорила чепухи! Если бы не она, Стефан бы Дашу полюбил. Да он и так Дашу любит, только себе не признаётся, всё за навеянным старухой фантомом бежит. Нельзя ему без семьи, Серёжа! Как один, без родных, в своей Черногории будет? Опять на скалу отправится?

Стефан был одинок, отчаянно, страшно одинок, и Даша не смогла разделить его одиночества. Его одиночество в какой-то мере скрасила семья. Семью Стефан любил, может быть, не каждого, отдельного, её члена, но семью в целом. И домочадцы ему отвечали тем же – его не любили; уважали, испытывали благодарность, но не любили. Стефана это не беспокоило, он был удивительно свободен от чужого мнения. Ему было безразлично, что о нём думают или говорят, ни восхищение, ни осуждение его не заботили. И если Серёжа, который тоже не зависел от чужого мнения, предлагал окружающим взаимно-приятные отношения, то Стефан не испытывал потребности в эмоциональной окраске отношений, кажется, он и вовсе в отношениях не нуждался, а контакты с людьми воспринимал как неотвратимое обстоятельство жизни... «Кроме отношений с теми, кого он любит, – поспешно одумалась я, – а любит он Анюту, Катьку, Макса... я думаю, Дашу...»

– Нет, Серёжа, без семьи Стефану нельзя! Погибнет! – повторила я. – Все они, эти «ясновидящие» старухи, ловят людей на их же чувства! Черногорская знала об одиночестве

Стефана, вот и посулила ему судьбу в лице первой встреченной женщины. Одной фразой и его отправила ложным путём, а в тебе ревность возбудила. Наша индийская отшельница в Кате насмотрела «порчу», а на самом деле трансформировала в утверждение твой страх передать свои пороки детям. Помнишь, ты задавался вопросом, как на детках отразится твоё вожеление, боялся близости во время беременности?

– Да, а ты убеждала меня в обратном. И как пылко убеждала!

Мы оба рассмеялись, оба вспомнив, с какой горячностью я уверяла, что купание в огненной целительной лаве, порожаемой нашим оргазмом, – это самое что ни на есть благотворное для развивающихся во мне деток.

– Тахмина вдобавок к «порче» ещё зачем-то похоть приплела, сама не понимая, что похоть и вожеление это не одно и то же. Похоть – это борьба гениталий, без чувств и привязанности, когда каждый из партнёров стремится использовать другого для собственной разрядки. Опустив подол и застегнув ширинку, два человека, как встретились чужими друг другу, так чужими и разошлись! Какое это к нам имеет отношение? Выброси, Серёжа, страхи из головы, Катюшка нормальная девушка, никем и никак не «порченная»! Распознав в себе женственность, наша девочка обретёт внутреннюю гармонию.

Не отрывая взгляда от дороги, Сергей протянул руку и

привлѣк меня к себе.

– Сокровище моё, – шепнул он и поцеловал меня в висок.

Мы едва повернули к усадьбе, как ворота стали разъезжаться. «Ждут, – ощутив тепло в груди, подумала я, – Паша встречает». В том, что именно Пашу я увижу по ту сторону ворот, я была абсолютно уверена. Во-первых, потому что столь раньше времени, ещё до звука клаксона, открывает ворота только он, а во-вторых, Паша всегда встречает нас сам, когда мы оба – я и Серёжа, уезжаем из усадьбы.

– У меня ещё один вопрос остался, и ещё одна просьба не высказана, – пробормотала я.

– Машину Павлу оставлю, пройдемся до дома пешком и договорим, – сказал Серёжа.

Павел уже стоял снаружи сторожки. За его спиной в дверях мелькнул охранник, скользнул внимательным профессиональным глазом по мне, по выходявшему из машины Серёже и, кивнув головой в качестве приветствия, исчез.

– Здравствуй, Паша, – поздоровалась я и, опершись на его руку, выбралась из машины.

– Привет, Маленькая! Как дела? – его взгляд быстро обжег моё лицо.

– Всё хорошо, Паша. Вы уже поужинали?

– Нет. Ждём вас.

Он направился к оставленной Серёжей открытой дверце машины, сел за руль и уехал.

– Не замёрзнешь? – спросил Серёжа. Он взял меня за руку

и потянул за собой.

– Способ разогреть меня ты давно изобрёл! Ты идёшь, я поспеваю! – напомнила я ему события более чем двадцатилетней давности.

...Как-то на горнолыжном курорте в Алма-Ате, поздним морозным вечером, он взвалил наши лыжи на плечи и, чтобы я не замёрзла, устремился вперёд, бросив на ходу: «Поспевай!» Поспевая за ним, я не только не замёрзла, от меня валил пар, несмотря на восемнадцатиградусный мороз!

«А ведь я тогда была абсолютно, безоглядно доверчивой, – с внезапной тоской подумала я, – жила каждой минутой жизни, вовсе не беспокоясь о будущем».

– Какой вопрос, Девочка? – напомнил Сергей.

– Ты изменял мне?

Он на мгновение замер, но тотчас двинулся дальше, не замечая, что наращивает темп. Я бежала за ним и... вымерзала изнутри. Наконец я выдернула руку из его ладони и крикнула:

– Молчание тоже ответ, Серёжа! От чего ты бежишь?

– Почему ты спросила?

– Спросила. Извини. Я снимаю вопрос. А просьба моя опять Стефана касается. Надо заставить его заняться собой. Он обвисает. При его росте и массе слабый мышечный каркас вдесятеро увеличит и без того непомерную нагрузку на суставы. Паша от него давно отступился, может, тебе удастся затащить его в спортзал, или хоть верховой ездой пусть

займётся.

– Я понял, Маленькая.

– Благодарю, Серёжа!

Я побежала к дому, он шагал следом, не догоняя меня и не обгоняя. Нам вновь было не о чём разговаривать.

Моя неоплаченная «Надежда» стояла на комоде в зоне столовой. Даже при мимолётном взгляде на неё, картина волновала.

– Мама, что так долго? – бросилась навстречу Катя. – Я уже хотела звонить вам!

– Знаю, Котёнок, заждались, голодные все, – виновато пробормотала я и, высвободившись из её объятий, поспешила к Андрэ, на ходу поздоровавшись с домочадцами: – Добрый вечер. Прости, Андрей, задержались.

Граф ласково взгляделся в моё лицо, я как сумела улыбнулась... не обманула, он понял – не помирились.

Обведя взглядом гостиную, я известила:

– Прошу пятнадцать минут. Пока на стол накрываете, я буду готова. Макс, перенеси картину в галерею! – распорядилась я на ходу – столь ярко отображённое человеческое отчаяние было вряд ли уместным соучастником семейного ужина.

– Мама, тебе помочь? – вынырнув из отцовских объятий, спросила Катя.

Я оглянулась и отрицательно покачала головой.

Выйдя из ванной, я увидела на кровати заботливо выло-

женный из сумки чехол с моим платьем, рядом сумка с украшениями и туфли. Надевать туалет на ужин я не собиралась и двинулась было в гардеробную, но остановилась. «А если это предложение продолжить вечер? – пришло мне в голову, и я решила надеть платье. – Только бы с причёской совладать».

Против обыкновения волосы легко собрались в высокий хвост, я сложила их по длине втрое, обхватила заколкой, воткнула пику и, надев браслеты, подошла к зеркалу. Рассматривая себя, я старалась проникнуться настроением образа – глаза чуть сузились, на губы легла едва уловимая, чуть снисходительная улыбка, а обнажённая шея гордо выпрямилась. «Теперь хорошо! – удовлетворённо подумала я и покинула спальню. – Твоё молчание, Серёжа, – твоё признание». Ни страха, ни боли при этой мысли я не почувствовала.

Все мои мужчины: муж, сын и отец, при виде меня дружно встали. Пашка протяжно присвистнул, и я рассмеялась – сколько бы Маша не одаривала его тычками за свист в доме, единственно возможным выражением восхищения для него по-прежнему оставался свист. Скользнув взглядом по лицу Сергея, я предпочла объятия Андрэ.

– Детка, ты объявила войну мужчинам? – спросил он. – Ты столь восхитительна, что я готов сдаться без боя. Позволь я поцелую тебя и провожу к столу.

Сузив глаза, Серёжа проводил нас взглядом и повёл к столу Катю.

А потом случилась беда.

Ужин ещё не закончился, а Маша куда-то исчезла. Обеспокоенная её долгим отсутствием, я отправилась на кухню и нашла её пригорюнившейся у стола.

– Маша, милая, очень вкусный ужин, благодарю. А ты почему убежала? – я обняла её за плечи и заглянула в лицо. – О-ох, Маша, ты выглядишь не просто уставшей, ты выглядишь измученной! Всё, начинаю искать тебе поварёнка, больше не приму никаких возражений!

– Ищи, Маленькая, – обречённо махнула она рукой, – не справляюсь я! Не успеваю, тороплюсь и устаю потому. Если бы ты с Сергей Михалычем не задержались, то ужин бы пришлось ждать, не поспела бы я ко времени.

Её покорно принятое поражение встревожило меня больше, чем усталый вид.

– Тебе нездоровится? Что случилось?

– Да не я! Василич хворает! Днём бодрится, ночью думает, что я сплю, и стонет.

– Давно? Стефану говорила?

– Да три дня уже! В первый день, как у него заболело, я хотела сказать тебе, так он раскричался и запретил. И Стефану говорить запретил. Прополис пьёт и таблетки обезболивающие ест.

Я понеслась обратно в гостиную. Василич уже перебрался на диван и, увидев, что я направляюсь к нему, виновато улыбнувшись, заметался глазами – в пол, на меня, по сторо-

нам, вновь на меня. Я подошла, наклонилась и коснулась губами его лба. Кожа была влажной и солёной, но температуры не было.

– Что ты, Маленькая, никак целуешь меня? – начал он привычно балагурить. – Давно ты меня не целовала!

Он шутил, но усилий, каких стоила ему эта имитация веселья, скрыть не мог. Я оглянулась в поисках Стефана. Стефан уже всё понял и шёл к нам. Тут же, на диване, велел Василичу лечь, он бегло осмотрел его, повернулся к Серёже и сказал:

– Надо неотложку вызывать. Язва, думаю.

Я побежала на кухню.

– Машенька, вставай, пойдём собираться. Серёжа неотложку вызывает.

Маша вся побелела и не двинулась с места – глядя на меня остановившимися глазами, она ждала приговора.

– Маша, вставай, – тем же будничным тоном повторила я, – пойдём собирать Василича в больницу. Ты-то с ним поедешь?

Немо покивав, она вскочила со стула и бросилась к выходу, но вдруг остановилась, окинула тоскливым взглядом уставленный посудой стол, махнула на него рукой, и на этот раз уже окончательно заспешила из кухни, но в дверях налетела на Серёжу.

– Маленькая, иди к Василичу, – принимая её в объятия, велел Серёжа, – худо ему. Стефан запретил принимать обез-

боливающие.

С тихим протяжным стоном Маша обмякла и снопом привалилась к нему. Бочком протиснувшись мимо них, я на ходу позвала:

– Катя!

– Мама?

– Катюша, бери Машу, води её домой и помоги собраться в больницу. Тапки, смена белья, предметы гигиены, – я ещё не договорила, как Катя исчезла, и я вдогонку крикнула: – Для обоих, Катюша, для обоих!

– Ишь, как ты за меня волнуешься, – вновь начал шутить Василич, – знал бы, давно бы больным прикинулся... – приступ боли прервал его, он сжал челюсти, и лоб его тотчас покрылся бисеринками пота.

– Ну что же ты, милый, пугаешь нас? – попеняла я. – Машу испугал, Катю, меня. Давай я свои ладошки положу туда, где у тебя болит. Помнишь, как я ладошками боль у Красавицы успокаивала, когда она ногу сломала? Сейчас и тебе немного легче станет.

Я встала перед ним на колени и закрыла глаза, концентрируясь на очаге боли. Энергия легко потекла сквозь ладони, и Василич вскоре чуть-чуть расслабился. Он положил на мои руки свою шершавую и всю в узлах мозолей ладонь.

– Легче, милый? – спросила я, открывая глаза.

– Ты, Маленькая, целитель. Я тебе это, ещё когда ты Красавицу лечила, говорил. А теперь на себе чувствую, какие

ручки у тебя ласковые, как боль они унимают. И красивая ты, Маленькая, чудо чудесное какая красивая!

– Ну это ты, Василич, подкупить меня хочешь, потому и неправду говоришь, – отшутилась я. – Чудо чудесное у нас твоя Маша!

Прошло, наверное, минут тридцать, прежде чем приехала неотложка, и Паша привёл врача в гостиную. Озираясь по сторонам, тот подошёл к дивану и спросил деловито:

– Ну, что тут у нас?

Взгляд его скользнул по моим рукам на животе у Василича, потом поднялся к моему лицу и замер на моей причёске.

– Прошу, коллега, ванная комната там, – вывел его из оцепенения Стефан. Поднявшись из кресла, он навис над врачом и простёр руку в приглашающем жесте.

Они ушли, а я шёпотом предупредила:

– Василич, когда врач вернётся, я уберу руки. Боль усилится, но ты потерпи, милый. В машине я с тобой поеду и ладошки опять приложу.

Пока врач осматривал Василича, я сбегала в спальню переодеться.

Василича приняли прямо из машины и увезли на обследование, а мы дошли до приёмного отделения и застряли там, томясь в ожидании результатов. Маша застывшим истуканом сухими глазами пялилась на дверь, разделившую её с мужем, а Стефан, уже на пятый раз вымеряя ногами окружающее пространство, вполголоса гудел, выпроваживая меня

и Серёжу домой:

– Зачем будете ждать? Диагноз поставят, я тебе позвоню. С врачами сам поговорю. В палату поселят, Маше помогу.

– Нет, Стефан, – вновь покачала я головой и в который раз обратилась к Маше: – Машенька, посмотри на меня, ничего страшного не произошло, верь мне! Василич поправится, опять будет весёлый да удалый! Слышишь? Сейчас его обследуют и сразу начнут лечение.

Она вдруг заморгала, жалобно скривилась в плаче и привалилась к моему плечу. Я облегчённо выдохнула. «Вот и славно, столбняк прошёл!» Стефан тут же поднялся и вновь принялся мерить помещение шагами, не терпел он женских слёз, женские слёзы побуждали его к действию, а в сложившихся обстоятельствах он только и мог, что ходить.

Вернулся из кассы Серёжа и присел по другую сторону от Маши. Постепенно ему удалось успокоить её и разговорить.

– Я сейчас... ничего уже, Сергей Михалыч... сейчас успокоюсь... – лепетала она не своим, слабым голоском, глубоко и прерывисто вздохнула и пожаловалась совсем по-детски: – Испугалась я... за Васю боюсь...

– Сегодня на дежурстве лучшие врачи Москвы, Маша. Если потребуется, они вызовут самого лучшего!

– Спасибо, Сергей Михалыч, – Маша ещё раз вздохнула, высморкалась в салфетку и, свернув её, осмотрелась в поисках урны. Ничего похожего в приёмном покое не было, и она зажала салфетку в кулаке. – Ты, Сергей Михалыч, Малень-

кую домой вези, – заговорила она уже окрепшим голосом: – Что вам тут? Ночь ведь. Завтра меня не будет, значит, Маленькая на кухню пойдёт. Вези домой её, пусть хоть немного поспать успеет. И Стефана забирайте. Что я, сама не справлюсь? Врачи тут, ты говоришь, хорошие...

– Хорошие, Маша! – вновь подтвердил Серёжа и терпеливо повторил: – Вот дождёмся результатов обследования и уедем.

Врач вышел в районе половины второго. Оглядев наши жаждающие успокоения лица, он улыбнулся под маской, собрав в уголках глаз морщинки, и сказал:

– А ваш Василич молодец, очень он у вас позитивный человек! Кто из вас Маша маленькая? Маша подняла руку как ученица и тут же вскочила на ноги.

– Я Маша.

Окинув её статную женственную фигуру весёлыми глазами, врач сказал:

– Василич просил вам передать, Маша маленькая, чтобы вы ни в коем случае не плакали и не волновались. Сказал, прощаться с ним ещё рано, он ещё надеется получить от вас ваши нежные поцелуи, – передав послание, врач утратил улыбку и, стаскивая маску на подбородок, обратился к Серёже: – Больного мы уже отправили в палату. Осложнений нет. Язва небольшая и уже рубцуется. Кислотность желудка нормальная, ПЦР-анализ мы сделаем. Лечение консервативное, пять-семь дней у нас полежит, и выпишем.

Огласив всё это он вновь оглядел нас в ожидании вопросов. Мы лишь вразнобой выразили благодарность. Врач кивнул и, открывая дверь, вновь улыбнувшись, уведомил:

– А за вами, Маша маленькая, я сейчас сестру пришлю.

Маша засуетилась, засобиравлась, заспешила прощаться.

– Машенька, я завтра сразу после завтрака приеду, – пообещала я. – Дай я тебя поцелую!

Мы не успели с Серёжей уйти, когда дверь отделения вновь распахнулась и появилась сестра. Оставаясь в проёме и придерживая дверь вытянутой рукой, юная девушка безучастно посмотрела на заплаканную Машу и остановилась взглядом на сумках в руках Стефана.

– Вы тоже к больному? – спросила она, подняв к нему лицо.

Стефан утвердительно кивнул. Девушка скользнула взглядом по мне и быстро, но цепко посмотрела на Сергея.

– Пойдёмте, – пригласила она и, пропуская мимо себя Машу и Стефана, ещё раз посмотрела на моего мужа.

Я тоже взглянула на Серёжу. «Вот как, милый, ты находишь женщин? Вовсе не утруждаясь поиском?» Впрочем, мне тут же сделалось стыдно. Воистину, ревность дураком овладевает стремительно, стоит лишь дать ей волю, так сразу найдётся к кому ревновать!

От Серёжи не укрылся приступ моей внезапной ревности, он повернул меня к себе и, не задерживаясь взглядом на полыхающем от стыда лице, посмотрел на причёску. Я вспом-

нила, что, переодеваясь второпях, совсем забыла про заколку, и воинственная пика до сих пор торчит в моих волосах. Я подняла руки снять заколку, но Серёжа опередил – вытащил пику и, наблюдая, как высвобожденные из плена волосы падают на мои плечи, потянул носом воздух.

– Поехали, Маленькая, – хрипло сказал он, – домой поехали.

В машине мы снова молчали, и я снова тягуче-неспешно копалась в своих мыслях – одних и тех же, об одном и том же.

«Раньше мне казалось, что даже когда мы молчим, мы всё равно общаемся, а сегодня не так, сегодня между нами стена. Разговариваем – стена исчезает, замолчали – появляется вновь. Кто её воздвиг? Я? Он? Или оба, каждый со своей стороны? Выстроенная однажды, стена теперь всегда будет между нами? И что за кирпичи складывают её? Непрощённые обиды, недоверие, уязвлённое самолюбие, желание быть правым и нежелание принять правоту другого – эти кирпичи. Серёжа не может простить мне поцелуя со Стефаном. Я, в свою очередь, решила, что он мне изменяет, раз не ответил на мой вопрос, и стремительно теряю доверие. А пустот не бывает – на смену исчезающему доверию спешит подозрительность. Всего за один день наши отношения изменились. Мы двадцать два года вместе... Боже мой, как с Костей! – вдруг осознала я. – Там мучительные двадцать два года, тут упоительно счастливые и тоже двадцать два года! Эта цифра что, фатальная для меня?»

Я взглянула на профиль Серёжи. Глубоко задумавшись, он смотрел прямо перед собой на дорогу и не почувствовал моего взгляда.

«Я по-прежнему его люблю... я не стала любить меньше. Что же тогда изменилось? Почему обида застит любовь? Может, не бывает вечной любви, и, как всё в этом мире, любовь имеет свойство стареть, дряхлеть и разрушаться? Прежде я была уверена, что любовь не имеет измерения во времени, я твёрдо знала: любовь либо есть, либо её никогда не было. А сейчас нет. Сейчас я всё больше склоняюсь к мысли, что бессмертная любовь – это мечта, иллюзия, за которой я побежала двадцать два года назад, но теперь мудрая жизнь иллюзию мою развенчивает. В очередной раз очередную иллюзию. Серёжа... – позвала я мысленно и вновь безрезультатно. – Не слышит, не чувствует моего взгляда, занят своими мыслями. А может, он и не любит меня вовсе, и не любил никогда, и, как говорил Андрэ, использует наш брак в качестве ширмы, скрывающей его многочисленные сексуальные связи? Семья, как основа респектабельности! – я поёжилась, холод пробежал вдоль лопаток, а в сердце, в который раз за сегодня, воткнулась игла страха, и стало больно дышать. – О-ох... неужели так... и тело подтверждает наконец-то осознанную истину? – не обращая внимания на боль, я медленно набрала воздух в легкие, а достигнув предела, задержала дыхание и потом так же медленно выдохнула. Стало легче, и я подумала: – Как бы там ни было с любовью, непрелож-

ным является главное, я была счастлива все двадцать два года жизни с Серёжей. Счастлива и сейчас. Я не одинока, меня любят Андрей и дети, а я люблю их и Серёжу».

– Серёжа, я хочу задать вопрос, – прервала я молчание. – Ты можешь оставить мой вопрос без ответа. Мне почему-то не столь важен ответ, сколь важна сама возможность задать этот вопрос...

Он подобрался, кисти рук надёжнее обхватили руль. Я никогда не задавала этого до банальности обычного между любящими людьми вопроса, а он сам никогда не говорил мне этих обычных для любящего человека слов. Он продолжал смотреть на выхватываемую из тьмы и стремительно убегающую опять во тьму дорогу и молчал, молчал и ждал. «Зачем я стремлюсь разрушить свой мир? – спросила я себя. – К чему задавать вопрос, ответ на который несёт угрозу моему миру?»

Вопрос я не задала, а Сергей не переспросил и в тишине моего молчания постепенно расслабился.

На повороте с трассы к усадьбе я повинулась:

– Серёжа, прости меня.

– О чём ты?

– Прости за поцелуй со Стефаном. Я не знаю, как выпросить за это прощение, не знаю, можно ли это простить. Я не понимаю, как я согласилась на поцелуй. Я пытаюсь вспомнить, о чём я думала, когда подошла к нему, и не помню. Знаю только, я совсем не думала о тебе. Весь мой мир состо-

ит из отдельных фрагментов, в нём нет цельности, и каждый фрагмент существует сам по себе. Даже ты и дети – фрагменты в мозаике моей жизни. Здесь ты. Там Макс. Вот тут Катя. А там Стефан или кто-то ещё. Я передвигаюсь от фрагмента к фрагменту, не умея связать их и объединить. В начале нашей жизни ты был эпицентром моего мира, вокруг тебя строилась вся моя жизнь. Все остальные нужды и заботы отстояли далеко, на периферии наших отношений. Я знакомилась с тобой, наблюдала, изучала тебя, изучала твои реакции и твои потребности. Я любовалась тобой, восхищалась, даже слабости твои меня приводили в восторг. Мы сутками не расставались, и мне всё равно было мало тебя, всё равно не доставало общения с тобой. Я не знаю, не помню, когда я поставила на первый план нужды других людей, когда начала откладывать наше общение на «потом, когда освобожусь». Незаметно для себя, я главное заменила второстепенным, а в последнее время и осознавать перестала, как мало времени мы проводим вдвоём. Я, Серёжка, уже и скучать по тебе перестала, мне попросту некогда скучать. Желание быть рядом с тобой я задвинула в самый дальний угол своих возможностей. Серёжа, я не знаю, как изменить сотворённый мною мир. Он уже разваливается, из него будут уходить люди, дорогие мне люди. Но только не ты, Серёжа, только не дети! Я прошу, помоги мне!

Он резко затормозил, подняв облако пыли, засеребрившееся в свете фар, и повернулся ко мне.

– Маленькая, ты сегодня весь день твердишь о разлуке. В сотый, в тысячный раз тебе повторяю: мы никогда не расстанемся! Я взял тебя в жёны навсегда, уясни себе это, наконец! Даже если ты будешь гнать от себя, я не уйду!

– Серёжка, ну что ты такое говоришь?! – я тронула его щёку и потянулась к нему.

День второй

Машу я увидела, как только вошла в отделение гастроэнтерологии. Наклонившись вперёд, она сидела на больничном диванчике, опираясь вместе сложенными предплечьями на колени, и разглядывала пол под ногами. Тяжёлые косы её были уложены вокруг головы так же безупречно, словно утро она провела не в больнице, а дома.

– Машенька, – окликнула я, – доброе утро!

– Не доброе! – отрезала она и, не меняя позы, подняла ко мне лицо. – Сижу здесь с ночи, почитай!

– А почему ты здесь сидишь?

– Денег с собой не взяла, вот и сижу! Пешком-то до дому не дойдёшь! – она разогнулась, поднялась на ноги и спросила: – Тебя Пашка привёз?

Я покачала головой.

– Максим. Он к лечащему врачу...

– Ну всё равно! В машину пойду! Там подожду тебя!

Маша взяла с диванчика сумку, из которой носами вверх торчали домашние тапочки, и повесила её на руку.

– Что случилось, Маша?

– Что случилось?! Отказался Вася от меня, вот что случилось! Разводимся мы!

– Сядь, Маша, – мягко сказала я, отбирая у неё сумку, – вначале скажи, как Василич себя чувствует.

– А как Василич себя чувствует? Оздоровил, видать, раз разводом грозит!

– Маша!

– Что Маша? – взорвалась она, но испугавшись собственного крика, гулко прокатившегося по пустому коридору, воровато огляделась и понизила голос до шёпота: – Ты вот мне скажи! Я с Васей тридцать лет прожила, что, эти годы ничего не стоят? Зазнобу он свою пожалел! Вишь ты! А меня, значит, не жалко? – она вновь опустила на диванчик и приняла прежнюю позу.

А я вспомнила её давний рассказ о том, как она очаровала Василича, своего будущего мужа.

... – Знаешь-нет, Василича-то я увела! Зазноба ведь у него была! – похохатывая и гордясь собой, начала она рассказ, тебя нитку кораллов на шее – первый подарок Василича. – Гордячка, как наша Женька! Вася ещё парнишкой её заприметил, она в соседях с его бабкой жила. Со скрипачкой в школу ходила! А Вася-то сельский! Его отец ещё по молодости из Москвы уехал, что-то у него там с родителями случилось, разлад какой-то, он всё бросил и уехал в село. В селе и маму Васину нашёл. Васю родили. Так Вася с московской роднёй познакомился, только когда дед помер, отец Васиного отца, значит. Ну, бабка, Аглая Никифоровна, – знала я её, царство небесное, ох и суровая женщина была! – стала зазывать Васю насовсем переехать, стара, мол, стала, помощь требуется, но к этому времени у Васи и мама уже болела, хо-

зьяйство большое, оставить не на кого. Да потом всё одно по-бабкиному вышло! Скоро Вася родителей похоронил, вначале мама на тот свет отправилась, потом и отец не задержался, следом ушёл, лёг вечером спать, а наутро не проснулся, с сердцем что-то. Вася в Москву и переехал. Устроился на работу, за скрипачкой этой ухаживать стал, предложение сделал. А она ему: «Ты хороший, Вася, я вижу! Да разные мы с тобой, соскучимся скоро друг около дружки».

Пассию молодого Василича Маша изобразила тоненьким голоском, манерно искривя губы, а увидев мою усмешку, мелко заколыхалась в смехе и горячо заверила:

– Не вру, Маленькая, видела я её! Вся розовенькая, ножки тоненькие, того и гляди подлomiaтся, да ещё на каблуках! Она в это время уже в консерватории училась. Тацит она эту скрипочку свою да портфельчик, голова в кудряшках далеко-о-о впереди, зад откляченный отстал, никак туловище не догонит. Ну-у, думаю, эта – мне не помеха! В общем, только пару раз мне себя Васе показать и пришлось! Первый раз я пирог с мясом испекла да к Аглае Никифоровне в гости зашла, совета якобы попросить. Чаю мы с ней попили, я ей про себя да про маму-покойницу рассказала, она мне про Васину несчастную любовь. Потом Вася с работы пришёл и полпирога сходу съел. Ел и нахваливал. Я – домой, а бабка Васю отправляет проводить меня. Мы целый час в подъезде с ним и простояли – познакомились. Потом я в гости к бабке ещё два раза заходила, да только без чаепития, спрошу что-

нибудь, гостинец оставлю и домой. На третий раз Аглая меня спрашивает: «Не обидел ли тебя Вася, раз убегаешь, не дождавшись его?» А я скромно: нет, мол, всё в порядке, хороший у вас внук, разве он может обидеть? И вот как-то в воскресенье отправила она Васю пригласить меня на обед. Я пришла. Пообедали мы, а после в парк пошли прогуляться, там на травку присели, я волосы поправлять – я тогда форсила, косы не плела – а у меня заколка сломалась. Давай я волосы в косу собирать, а Вася рукой в них зарылся, «Не надо, – говорит, – не прячь такую красоту», и всё, забыл свою скрипачку! Она-то потом пожалела, напрашивалась ему, и гордость свою позабыла, да опоздала, мой уже Вася был! Я, Маленькая, знаешь, насмотрелась на маму, как она со мной одна мучилась, а с нею так же билась её мама, бабка моя, и ещё в детстве решила: не-ет, у меня так не будет! Я мужчину себе найду на всю жизнь! Любить буду так, что никуда он от меня не денется, а если и позарится когда на кого, всё равно верну и ни словом, ни взглядом не попрекну! Как и прежде, любить буду!..

Весь этот монолог в одно мгновение промелькнул в моей голове, я присела рядом с Машей на диванчик и спросила:

– Что вы вдруг о давно минувшем заговорили?

– Да покаялась я, рассказала, что она к нему приходила. А он и запереживал, и запереживал! Гадать стал: и зачем же она приходила? вдруг помощь ей нужна была? вдруг что у ней случилось? Тьфу!

– А зачем, Маша, она приходила?

– Да не спрашивала я! Я назавтра повезла Васю с Сергей Михалычем знакомить, про неё и думать забыла! Потом, когда мы уж расписались, я к Аглае ездила что по хозяйству помочь, слышала, соседи болтали, что вроде бы она беременна... – Маша ахнула и, прикрыв рот ладошкой, испуганно уставилась на меня. – Маленькая, не от Васи это, не смотри на меня так! – затараторила она. – Она приходила, Вася с ней уже месяца три как не встречался! А когда приходила, никакой беременности у ней не видно было! – но вдруг уверенность её пропала, она побелела и помертвелыми губами едва выговорила: – Думаешь, от Васи?..

Я отрицательно покачала головой и кивком головы указала в сторону входа в отделение.

Продолжать разговор мы больше не могли – в дверях отделения показался Максим, а рядом с ним маленький щуплый человечек в синей униформе и цветастой шапочке, с пачкой бумаг под мышкой. Человечек что-то говорил, Максим, склонившись над ним чуть не вдвое, внимательно слушал. Дойдя до нашего диванчика, человечек развернулся к нам лицом и, не мигая, уставился на меня и Машу, то ли видя нас, то ли не видя, продолжая вещать про разновидности язв.

Маша напряжённо вслушивалась в малознакомые и вовсе незнакомые слова и вдруг сдавленно позвала меня:

– Мал...нькая...

– Что ты, Маша? – видя её испуг, я обняла её и успокоила: – Доктор говорит не про Василича. Про Василича мы сейчас спросим, – я дождалась паузы в речи врача и поздоровалась: – Здравствуйте, доктор!

Словно не слыша тот продолжал излагать свою мысль, а его большие, навывкате, голубые глаза переместились на меня и замерли без всякого выражения. Вскоре врач снова умолк, и я предприняла новую попытку:

– Доктор, как дела у нашего больного?

– Вы кто? – спросил он вместо ответа.

– Я родственница. Меня зовут...

– Что, ещё одна?

Вопрос был нелепым, и я растерялась.

– Простите?

– Леонид Моисеевич, это моя мама Лидия Ивановна, – вмешался Максим. Он был почтителен, но в глазах уже всю плясали бесята-искорки.

– Мама? – вскричал Леонид Моисеевич и посмотрел на Макса. Сделал он это странно – не поворачивая голову, а закинув её назад.

Я уставилась на удивительно большой для такого тщедушного тельца кадык и терпеливо ждала, когда когнитивные способности этого субъекта проведут связь между мной, Максом и словом «мама», а потом свяжут всё это с Василичем. В конце концов моё терпение было вознаграждено – доктор вернул голову в исходное положение и бодрым голо-

сом сообщил:

– Большой стабилен!

– Вот и славно! Слышишь, Машенька, доктор говорит, с Василичем всё хорошо!

– А почему он говорил про потерю крови? – Маша качнула в сторону врача головой. – Вася что, кровь...

– Маша, доктор говорил не о Василиче.

– Я говорил не о больном! – радостно подтвердил Леонид Моисеевич. – Ваш больной поправляется, у него кровотечения не было! У него язва, самая банальная язва этиологически связанная с инфекцией хеликобактер пилори!

– Кто это – пиро...? – переспросила Маша, она по-прежнему обращалась исключительно ко мне.

– Так называется бактерия, которая вызвала у Василича язву.

– Так называется бактерия! – вновь подхватил Леонид Моисеевич и решил порадовать Машу дополнительной информацией: – Заразился ваш родственник! От вас заразился или от кого другого! С пищей мог заразиться.

– Я Васю своей стряпнёй заразила? Маленькая, ты же знаешь, на кухне у меня чисто, даже Эльза меня хвалила...

– Ну почему обязательно вы? – со всё возрастающим энтузиазмом продолжал просвещать её врач. – Больной мог где-нибудь ещё заразиться, например, в кафе!

– Вася отродясь в кафе не... – лицо Маши исказилось гримасой боли, она было подняла руки к лицу, но не смогла их

донести и уронила на колени.

— Макс, вызывай кого-нибудь! Скорее! Маша... Машенька, посмотри на меня!

— ...бо... го...а-а-а... — издала она нечто нечленораздельное и повалилась вперёд.

Я с трудом удержала её и отклонила на спинку диванчика. Лицо её потеряло симметрию. «Господи, кто-нибудь!.. — взмолилась я. — Кровь... надо пустить кровь... надо что-нибудь острое...» — я пошарила глазами по платью Маши и простонала:

— О-о-о, Маша, ведь любишь наряжаться! Сколько я и Серёжа тебе брошей надарили...

Лихорадочно соображая, где бы раздобыть что-нибудь острое, я вспомнила, что на нагрудном кармашке врача я видела значок. Я оглянулась, Леонид Моисеевич всё так же стоял напротив и всё тем же, ничего не выражающим взглядом, смотрел на нас.

— Дайте значок! — рявкнула я и, не дожидаясь, пока мои слова дойдут до его сознания, схватила его за руку и дёрнула к себе. — Придержите!

Бумаги из его подмышки рухнули на пол.

— Придержите, говорю! — прикрикнула я.

Он неуклюже, словно был сделан из дерева, согнулся и послушно положил вытянутые руки на плечи Маши. Я принялась отстёгивать с его груди значок.

— Что вы делаете? — удивился он.

– Заткнись! – прошипела я. – Я на тебя, дружок, в суд подам, если ты будешь дёргаться! За неоказание помощи!

Я упала на колени и, торопясь, проколола остриём значка подушечку большого пальца на Машиной руке. Потекла кровь.

– Что вы делаете? – взвизгнул врач.

Его визгливый ужас ворвался прямо в моё ухо и оглушил меня, так что я не сразу расслышала, как за спиной, вразнобой стуча обувью, бегут люди. Потом кто-то поверх меня наклонился к Маше и отдал приказ:

– Рита, вызывай невролога! И измерь давление!

По коридору опять побежали, а тот же голос произнёс:

– Леонид Моисеич, отойди! Хватит! – последний приказ относился ко мне, и мужская ладонь мягко легла поверх моих окровавленных пальцев. – Не надо!

Я подняла голову, на меня смотрели добрые серые глаза, обрамлённые редкими светлыми ресницами.

– Вы уже помогли, – сказал мужчина. Он дождался, пока мои руки расслабятся, и проворчал: – Кто вас научил кровопусканием заниматься, да ещё чем попало? Так ведь и сразу можно занести!

Взглянув на разгладившееся лицо Маши, я буркнула:

– Что было под рукой, то и взяла! Понадеялась, что кровь вымоет грязь наружу, видите, как течёт.

– Вижу. Как следует расковыряли вы палец вашей мамы. Испугались?

Я кивнула. Маша слабо пошевелила повреждённой рукой.

– Маша, больно тебе? – уже кляня себя за то, что натворила, спросила я.

– Го...лова... – слабо отозвалась она, – это... инсу...льт?..

– Не дала ваша дочка инсульту случиться, – заверил врач, – не волнуйтесь! А пальчик мы ваш сейчас обработаем и пластырем лечебным заклеим. Дня через три будет как новый!

В этот момент дверь палаты отворилась, и на пороге возник Василич. По очереди осмотрев сначала меня, так и стоявшую на коленях перед Машей, потом врача, наклонившегося над нами обеими, и Риту, измеряющую Маше давление, он выдвинулся в коридор плечом вперёд и увидел кровавое пятно, растёкшееся по подолу Маши.

– Маняша, что ты? – спросил он растерянно.

Маша было жалобно скривилась, но опомнилась и пропела:

– Ва-а-ся, ничего я... так... ночь не спала, голова вот разболелась.

– А кровь... почему?

И я, и Маша – обе, с надеждой посмотрели на врача, рассчитывая на его объяснение случившегося, но помощь пришла от кого не ждали.

– Больной, вам нельзя вставать! – выкрикнул Леонид Моисеевич. – Почему вы на ногах? Сейчас же марш в палату!

– Пойдём, Василич, не будем нарушать режим, – поддер-

жал Леонида Моисеевича Макс. Он обнял Василича за плечи и мягко повернул к двери, приговаривая: – Маша поранилась. Ей сейчас обработают рану, а я пока тебе всё расскажу. Пойдём.

Оглянувшись ещё раз на жену, Василич подчинился, а потом Макс плотно закрыл дверь палаты за ним и за собой.

Возвращая Леониду Моисеевичу перепачканный кровью значок, я извинилась за грубость, на что он ответил:

– А вы решительная... э-э-э... Лидия... под горячую руку... э-э-э... вам лучше не попадаться!

– Да, лучше не надо! Ещё раз прошу прощения, Леонид Моисеевич. А что, при язве, и правда, нельзя ходить?

Он засмеялся некрасивым, бляющим смехом и ответил:

– А вы попробуйте! – и пошёл от меня по коридору, продолжая блять.

В открытую дверь процедурного кабинета, я видела, как Рита обрабатывает Маше палец. Маша пребывала в состоянии счастья и от явно выразившегося страха на лице Василича, когда тот увидел жену в окружении хлопочущих врача и медсестры, и оттого, что со здоровьем её всё обошлось, поэтому весело отмахнулась от перевязки:

– Эка! Я, почитай, каждый день то паром обожгусь, то ножом порежусь, то масло раскалённое куда капнет. У меня быстро заживает, и это заживёт, завтра и забуду уже! Спасибо вам!

Она вышла в коридор и так же весело позвала меня:

– Маленькая, пойдём!

Я покачала головой и проговорила:

– Маша, я кладу тебя на обследование.

Она посмотрела на скучающую медсестру, прибывшую из неврологического отделения с креслом-каталкой наготове, и пошутила:

– Так я и так в больнице!

– Маша, я серьёзно!

Опустив голову, она прошептала:

– Значит, был инсульт.

– Была угроза.

– Маленькая, не время! – подняла она на меня умоляющий взгляд. – Вася хворает!

– Время, Маша, самое время! Лучше обследоваться и подлечиться, чем довести дело до настоящего приступа. И Василичу есть стимул быстрее поправиться!

Маша больше не перечила и покорно опустилась в кресло-каталку.

Когда после всех формальностей мы добрались наконец до её палаты, она опустилась на кровать и, склонив венцекоронную голову, принялась карябать ногтем заскорузлое пятно на платье.

– Ты прежде выпишись, – велела я, доставая из сумки её вещи и раскладывая их по палате, – слишком много волнений за последние сутки, а ты ещё и ночь не спала. Какой угодно организм взбунтуется! Маша, слышишь? Ложись! Я позже

ещё забегу к тебе.

Маша не отреагировала.

– Маша...

– Видно, и моё время пришло, – произнесла она тихо, – мне в этом году пятьдесят пять. Мама моя уже семнадцать лет, как в могилу сошла, а бабка и того раньше.

– Ты не мама и не бабка! – прикрикнула я. – Уже одно то, что они не дожили до сорока, а тебе пятьдесят пять, само за себя говорит!

Маша всхлипнула.

– Васю жалко.

– Не жалко, раз на тот свет собралась! Знаешь ведь, он без тебя жить не сможет!

– Смо-о-о-жет, раз разводиться со мной собрался. Найдёт свою худоногую.

Она опять всхлипнула, и я рассмеялась.

– Ох, Маша, неужели ты так ослабла, что уступишь какой-то худоногой Васю своего?

Маша вскинула голову и, помедлив, тоже рассмеялась.

– Мой Вася!

– Вот и славно! Пошла я, Маша. А ты не теряй времени и ложись спать! Катя обещала к обеду приехать, одежду тебе привезёт. Всё! Ложись!

Боясь заплутать в больничных коридорах, я не стала искать лифт общего пользования, а решила воспользоваться тем же служебным лифтом, которым меня и Машу достави-

ла в отделение сестра, и встретила Леонида Моисеевича.

– Вы? – уставился он на меня. Его щедедушную грудь внову украшал значок – отмытый и сверкающий кадуцей.

– Я, – подтвердила я и, хохотнув, спросила: – Подбросите в гастроэнтерологию?

– Нам по дороге! – нашёлся он и поддержал мой хохоток своим блеющим смехом.

Расходясь в разные стороны на этаже, я с ним простилаь.

– Ваш сын бредит медициной, знаете? – бросил он в спину.

Я оглянулась, но он уже уходил прочь. Я знала, что Макс интересуется медициной, но бредит?.. Я пожала плечами и, оставив размышления на потом, осторожно приотворила дверь в палату Василича. Он лежал к двери спиной – широкая, не по возрасту крепкая спина, плотно обтянутая футболкой, была неподвижна. Я решила, что он спит, но внову притворяя дверь, услышала:

– Маленькая, ты? Заходи, не сплю я! – осторожно, боясь потревожить боль, он повернулся на спину.

– Болит? – участливо спросила я.

– Да ничего, легче уже! Максим пошёл воды купить, а я тебя жду. Как там с Маняшей?

– Там так же, как и у тебя, Василич, Маша больше переживает за тебя, чем за себя. Жалеет, что не вовремя я её в больницу определила. Ей бы лучше тут, рядышком с тобой, быть.

– Ты мне зубы не заговаривай, ты главное скажи! Инсульт был?

Я кивнула и соврала:

– Почти. То ли Маша крепкая, то ли, и правда, моя «терапия» кровавая помогла, обошлось всё.

– Обидел я Маняшу вчера, не сдержался, вот она и...

Я придвинула стул к кровати и спросила:

– Хочешь, я руки положу?

Он молча убрал ладонь, открывая мне доступ к боли. Я закрыла глаза, проверяя поток, потёкший из рук, и сказала:

– Боится Маша, что ты женщину ту свою до сих пор помнишь.

– Да какую «свою»? Не было у меня с ней никогда ничего! «Свою»! За ручки держались да поцеловались несколько раз! Мне не понятно, почему Маняша скрыла, что она приходила? Думала, что я выбрать не сумею и между двух баб болтаться буду? Значит, не верила она мне!

– Не усложняй, Василич! Маша и тогда боялась тебя потерять, и до сих пор боится. Любит она тебя.

– Любит! А когда под принца ложилась, тоже любила?

– Я думала, ты простил.

– Я и простил! Но память-то я не потерял!

– Понимаешь, Василич, бабы – дуры. Мы даже если и знаем, что нас любят, всё равно хотим восхищения в глазах да похвалы в речах. Так уж устроены. Можно на это не обращать внимания, блажью считать, но от этого мы другими не

станем. Женщина по жизни лебёдушкой плывет, когда в своей неотразимости уверена, и утицей ковыляет, когда муж на неё равнодушными глазами смотрит.

Василич помолчал, крикнул и протянул:

– Да-а... хочешь сказать, это я сам Маняшу в объятия принца толкнул?

– Хочу сказать, что и через годы с нами надо вести себя так же, как вели себя во время ухаживаний. Это если женщина дорога! А нет, так и спросу нет! Но тогда не жалуйтесь, что женщина на мёд, истекающий из других уст, соблазняется.

– Ишь вот как! А нам как же? Вы-то тоже, выйдя замуж, другими становитесь!

– Становимся, – кивнула я.

– Ну и что? Чего замолчала? Как с этим быть?

– Один будет вести себя как взрослый, будет давать, не ожидая благодарности. Другой будет ждать, когда вначале ему дадут. Незадача в том, что и брать-то умеет только тот, кто научился давать.

– Ишь как завернула! – Василич с силой потёр лоб и, помолчав, согласился: – А ведь правду, пожалуй, говоришь! Кто умеет давать, тот и берёт что малое, что большое с благодарностью и обязанным себя не чувствует. А у вас с Сергей Михалычем кто даёт, а кто берёт?

– Не знаю. Каждый, наверное, и даёт, и берёт. Серёжа радуется, что может разделить со мной то, что у него есть, а я

люблю его и благодарна, что он принимает мою любовь.

Катка влетела в палату ураганом, принеся с собой смех, шутки и поцелуи. Василич сделал вид, что сердится на её неумное веселье, но это нимало Катю не смутило – смеясь и целуя его в небритые щёки, она приговаривала:

– Это – чтобы не болело никогда-никогда! Это – чтобы ты не сердился. А это – чтобы ты опять стал весёлым! Поцелуи лечебной силой обладают, я с детства знаю! Мама поцелует, и ушибленная коленка переставала болеть! Говори скорее, где тебя ещё поцеловать?

Домой я возвращалась с Катей. По дороге вспомнила о её вчерашней просьбе поговорить и покаялась:

– Прости, Котёнок, вчера не до разговора было.

– Да-а, – отмахнулась она, – не актуально! Эдвард пригрозил, что женится в этом году.

– Женится? И невеста на примете есть?

– Ага. Анята.

– Анята беременна.

Катя присвистнула и, помолчав, спросила:

– Даша потому так срочно рванула в Питер?

– Вероятно, – пожала я плечами.

– Мама, это что получается, Стефан дедом вот-вот станет?

Ух ты! – обрадовалась Катя и рассмеялась.

– Не жалеешь? – спросила я.

– О чём?

– Что Эдварду отказала.

– Вчера не по себе было. А потом... Василич, Маша... подумала, хочу так же, чтобы страшно было одному без другого остаться. Маша вчера обмерла вся, затупила так, что соображать перестала... говорю, смену белья возьми, трусы, майку, она понять не может... наверное, предложи ей с Василичем местами поменяться, то она... – Катя приспустила стекло, помахала рукой уступившему дорогу водителю и продолжала: – То она согласилась бы. А так... непременно в этом году жениться, а кто жена... тебя люблю, но не ты, так другая... так не хочу, – выехав наконец на трассу, Катя заметно ослабилась. – Ну вот! Спасибо всем вежливым людям! Теперь полетим! – и прибавила газу.

Мотор заурчал басовитее; слегка вдавив нас в сиденья, машина, и правда, полетела.

– Думала, братка у меня тихоход, – хохотнула Катя, – а вчера на трассе, представляешь, мама, – она бегло взглянула на меня, – четыреста притопил! И дед ничего, помалкивал!

– Полиция тебя не останавливает?

– Не-а. Они меня знают. Я хороший водитель, мама! И потом... я обаятельная!

Единственная роскошь, которую Катя себе позволяет, – это её Bugatti, одна из нескольких десятков произведённых на весь мир машин. Купила Катя суперкар на свои деньги и на свои же обслуживает его.

Глава 2. Разлука

День первый

– Паша, мне обязательно надо купить этот шарф, иначе завтра вместо празднующей свой юбилей Маши, мы получим Машу, оплакивающую свою судьбу.

Рассматривая в окно бункероподобный шедевр современного градостроительства, я вздохнула и проворчала:

– Лишь бы в этом торговом центре было то, что нужно.

– Хорошо, Маленькая, заедем. Народу вот только сегодня много – суббота, место на парковке придётся искать.

Но прежде мы постояли в очереди на поворот к торговому центру. Потом кружили по паркингу, наконец нашли свободное место, и Паша припарковал машину.

– Ну вот, всего-то сорок минут, и мы у цели, – пробормотал он, заглушив мотор. – Выезжать отсюда будем столько же, если не дольше.

Мы ехали домой, когда я вспомнила, что не купила Маше палантин. На праздничный обед в честь дня её рождения, мы выбрали открытое вечернее платье. В торговом доме туалет Маше понравился, поблёскивая глазами, она долго крутилась перед зеркалом и щебетала:

– Я же хороша ещё, Маленькая? И не скажешь, что пять-

десять пять, а? Посмотри со спины, красиво?

Я кивала, любуясь её сдобной красотой. Платье визуально вытягивало её, одновременно подчёркивая манящие изгибы форм.

Дома, демонстрируя наряд Василичу, Маша вдруг разглядела увядающую кожу на руках и тотчас решила, что обнаженные руки и глубокое декольте не годятся для её возраста. И как ни восхищался Василич женой, Маша осталась непреклонна.

– Не надену, сказала! Надену моё любимое, в горошек которое. А это надо в магазин обратно сдать, поди, и дорожущее. Меня и Маленькую в этом модном доме, знаешь, как обхаживали!..

Я искала глазами по сторонам – ни одного бутика, торгующего аксессуарами, не попадалось.

– Подожди, Маленькая, – взроптал Павел, – этак мы до вечера ходить будем, надо спросить у кого-нибудь.

Он направился к представителю охраны торгового центра, но тот лишь развёл руками. Тогда Паша зашел в ближайший бутик. Сквозь стекло витрины я увидела, как оживилась девушка-продавец при его появлении, и отошла к перилам, окружающим атриум здания. «Ещё три этажа вверх, – подумала я тоскливо, – прав Паша, и до вечера не обойти!» Я опустила глаза вниз и... увидела Серёжу. Перегнувшись набок, он вёл за руку мальчика лет трёх. По другую сторону от малыша шла темноволосая стройная женщина в чёрном об-

тягивающем комбинезоне и ботфортах на высоких каблуках. На плече у женщины висела большая сумка. «Из последней коллекции LV», – машинально отметила я. Мальчик, вероятно, не хотел идти ножками и капризничал. Серёжа остановился и повернулся к женщине. Нахмурившись и выговаривая что-то, он наклонился, взял ребёнка под мышки и сунул его женщине в руки. Принимая малыша, та, видимо, отвечала в том же тоне. Утомлённо закатив глаза, Серёжа повёл ими и увидел меня. На лице его промелькнуло выражение нашкодившего мальчишки, застигнутого на месте преступления. «Нет, милый, не надо так реагировать, – взмолилась я, – я знаю тебя сильным, взрослым, уверенным в себе мужчиной!»

Подошёл Павел и шумно задышал рядом.

– Ты знал? – скорее утверждая, чем спрашивая, произнесла я буднично, абсолютно спокойным тоном и медленно подняла к нему лицо.

Не смея на меня взглянуть, он кивнул и пробормотал:

– Я хотел сказать... много раз хотел... ты была так счастлива в своём неведении... – на лбу у него выступили маленькие капельки пота.

«Он-то за что страдает?» – спросила я у себя и успокоила:

– Паша, я понимаю, я не виню. Я себе удивляюсь – не в первый раз в моей жизни мой мужчина имеет близкие отношения с другой женщиной, а я годами пребываю в счастливом неведении. Что со мной не так, Паша?

– Маленькая, поехали домой, – умоляюще произнёс он.

– От этого, – я кивнула в направлении новой семьи Серёжи, – не уедешь домой. И вообще никуда не скроешься.

Серёжа так и не изменил позы, всё так же стоял, неотрывно глядя на меня. С его лица сошёл страх, на лице появилось новое выражение. «Ты сейчас со мной прощаешься, Серёжа? Я не могу разглядеть выражения твоих глаз. Что же ты наделал? Твои глаза теперь всегда будут далеко от меня». Женщина, следуя его взгляду, оглянулась, и я мысленно ахнула: «Карина?!», но в следующую же секунду сообразила: женщина слишком молода, чтобы быть Кариной.

Я повернулась к новой семье моего мужа спиной.

– Паша, я знаю, что мы купим Маше. Не понимаю, как я сразу не подумала об этом? – я ухватила его за руку и решительно потащила в меховой бутик по другую сторону атриума, на ходу прибавив: – Хотя, знаешь, не будем сожалеть о времени – время мы потеряли не зря, по крайней мере я.

Павел не отозвался – он вообще не знал, как себя вести, что сказать, не знал, куда смотреть и куда девать руки.

Недолго выбирая, я купила норковый палантин – более чем достойное дополнение к роскошному туалету Маши.

Меня удивила моя реакция, точнее, её отсутствие, будто ничего неожиданного и не произошло, будто я ждала подобной развязки. И только внутри была пустота, гулкая, звенящая. «Сейчас бы заползти в укромную норку, спрятаться от всех, никого не слышать, не видеть виноватых и сочувству-

ющих взглядов, — думала я, — но нельзя! Уже сегодня надо принимать решения о дальнейшей судьбе моей семьи, уже сегодня отвечать на вопросы. Самое сложное — Катя. Доченька моя, как ты переживёшь новость?» — не заметив того, я тяжело вздохнула, и Паша уставился на меня в зеркало заднего вида. Я отрицательно качнула головой — всё, мол, в порядке.

Время убегало километрами асфальта под колёса, и по мере его бега пустоту во мне заполняла боль. Одновременно кралась обида. «Только бы не расплескаться слезами до времени! Только бы удержаться! Доберусь до спальни, там дам себе передышку! Самое сложное — Катя, но самое важное — детки. Нужно суметь защитить их от самой себя. Ради них я должна справиться и с обидой, и с болью, ради них должна простить. Простить?! — на мгновение меня затопил гнев, но я подавила его: — Простить! Простить ради деток! Он — их отец! Ровно половина в них — он! Отрицая его, я покалечу детей! — внезапно накотивший страх заставил меня прижать руки к животу в стремлении укрыть, защитить деток, но бессмысленность этого жеста тотчас дошла до меня: — От себя за руками не скроешь! Господи, дай сил и мудрости не сотворить беды! Детки мои нерождённые, обижена я, но как бы я не была обижена, я люблю вашего отца! Люблю!»

Беременность Максом и Катей Серёжа почувствовал раньше меня, а о новой беременности я хотела рассказать ему сегодня. «Привык иметь дело с беременными женщи-

нами, вот и чувствовать перестал! Сколько же у тебя детей, милый? — я вспомнила, с каким раздражением Серёжа сунул мальчика в руки женщины, и опять испугалась. Ребёнок хныкал, а он ни разу не заговорил с ним, ни разу не приласкал его, ни разу не прижал к себе. — Что с тобой случилось, Серёжа? Кто он для тебя, этот малыш? Случайный ребёнок? Я знаю тебя как лучшего отца в мире. Неужели твоё совершенное отцовство исчерпалось на первенцев? А как же детки во мне? Для них у тебя найдётся любовь? Или для них будет лучше, если они никогда не узнают своего отца? — и опять накатившая волна страха затопила меня, грозя сбросить в черноту отчаяния. — Нет! Я не верю, что Серёжа может не любить своих детей! Не верю! И никогда не поверю!»

Паша ещё не остановил машину, а из дверей дома уже вышел встречать Максим. Широким отцовским шагом он пересёк террасу, сбежал по ступенькам, а открыв дверцу с моей стороны, подхватил меня, выудил из салона и прижал к себе.

— Мама, — прошептал он и, уткнувшись лицом в мои волосы, глубоко втянул в себя воздух.

«Ты, Серёжа, ушёл из моей жизни, а привычки свои оставил сыну. И я пока не знаю, радует это меня или печалит», — подумала я и попросила:

— Поставь меня на ноги, сынок.

Максим поднялся по ступеням и, опуская меня на террасу, сообщил:

— Папа звонил, беспокоится.

– Да? – я помолчала и призналась: – Я не знаю, что сказать, сынок.

– Я всё знаю, мама.

– Я не сомневаюсь, родной, после такой встречи это понятно и без слов. Вопрос у меня один: сколько времени ты всё знаешь?

Максим опустил глаза, и я вновь тяжело вздохнула – сколько ещё раз в ответ на этот вопрос передо мной вот так опустят глаза?

– Я никого не виню, Макс. Умом понимаю, обвинять не в чем. Вот только чувствую я себя одинокой. Я, а напротив все вы – знающие и молчаливые, и, заметь, любящие меня люди. Никто не хотел причинять боль слепцу, все только наблюдали. Я пойду к себе в спальню, сынок. Пару часов мне дайте, сейчас не хочу никого видеть, – я повернулась, чтобы уйти, и опять вернулась к сыну. – Максим, обстоятельства складываются так, что главный мужчина в семье теперь ты. О своём решении скажешь при встрече. Дед уже знает?

– Я не говорил.

– Хорошо.

Я зашла в дом, в гостиной, к счастью, никого не было. Поднимаясь по лестнице, я выставленной от себя ладонью остановила Катю, выбежавшую из кабинета.

– Мама, наконец-то!..

– Катюша, не сейчас. Обо всём потом, позже.

Слёз не было, наверное, на жизнь человеческую их отпус-

кается нормированное количество – исчерпал ресурс, добавки не будет. А я слишком много выплакала их за жизнь.

Полгода назад я точно так же стояла под струями воды и прощалась с Сергеем. Обливаясь слезами, билась в тенётах вины. Я, и впрямь, была виновата. Моя неловкая попытка при помощи поцелуя оставить Стефана в семье, не допустить его одиночества, рассердила Сергея. В это время у него уже была новая семья, где он родил ребёнка. «А может быть, он хотел использовать мой поцелуй как предлог для расставания, но пожалел меня, пожалел и не довёл дело до конца?.. – я потрясла головой. – Не о том думаю! Всё, что было вчера, перестало иметь смысл, теперь это всего лишь прошлое. Надо думать о том, как моя семья будет жить дальше».

Я сосредоточилась на матке. Две крошечные точки приветливо светили мне, и как будто одна чуть более ярким светом, чем другая. В уме всплыли два имени – Сашенька, Андрей. Я намеренно не спрашивала их имён раньше, надеялась сделать это вместе с Серёжей.

«Славные мои детки! – растрогалась я и тихонько рассмеялась. – Как же я счастлива, что вы пришли ко мне! Я буду терпеливо ждать, пока вы растёте, а наступит срок, с радостью приму вас в объятия. И не только я, много людей будут встречать вас с любовью. Ваш дед... о-о-о, граф Андре будет счастлив! В нём вновь воскреснет надежда передать титул кому-нибудь из внуков! А ещё вас будут ждать ваши взрослые брат и сестра. И ваш папа! Ваш папа тоже будет счастлив

вашим рождением!»

Выйдя из душевой кабины, я замотала волосы в полотенце и задержалась взглядом на своём отражении в зеркале. «Сегодня надо непременно самое красивое платье надеть», – подумала я и внимательно осмотрела шею, грудь, живот... повернулась, чтобы осмотреть ещё и ягодицы, и, осознав, чем занимаюсь, подмигнула отражению и насмешливо спросила:

– Проводишь ревизию? Правильно-правильно! Пестовать уверенность в своей женской неотразимости отныне придётся самой! – вздохнув, я отвернулась от зеркала и проворчала: – Теперь всё придётся делать самой.

«Я ещё не осознала всего, что случилось. Вся моя боль – это, по сути, оскорблённое самолюбие, обида и жалость к себе. Настоящее горе – утрата Серёжиной любви. Эту боль я почувствую позже... А с другой стороны, была ли она, его любовь? А если его любовь – это сладкая иллюзия, мною сочинённая и мною же взлелеянная? Тогда и утраты никакой нет. А если его любовь была, то она и есть, и никуда не делась! Да теперь-то что с того? Есть – нет его любовь, была она – не была, теперь ничего не поправить. У меня осталась моя любовь, и её ни забрать у меня, ни убить во мне нельзя!»

Я надевала на ногу чулок, когда услышала смутный шум за дверью. Звукоизоляцию в спальнях Серёжа сделал почти абсолютную, и если был слышен шум, значит, в коридоре происходило что-то несусветное. Я оправила на себе халат, затянула потуже пояс и толкнула дверь, но она не поддавалась.

Я постучала. Дверь приоткрылась, в щель на меня взглянул разгорячённый Максим.

– Макс, что случилось? Открой!

Он посторонился, одновременно отворяя дверь. Я увидела Стефана – мрачного, гневного, не припомню, видела ли я его когда-нибудь таким, а подле него Катю в слезах, обхватившую его руку и словно повисшую на ней. Дальше по коридору замерла в неподвижности Даша, а от лестницы спешно шёл, почти бежал Павел. Я шагнула за порог и вновь взглянула на Стефана.

– Здравствуй, Стефан. Что происходит?

Пламя его гнева уже утихло. Не отвечая, он обнял Катю свободной рукой, прижался губами к её головке и прошептал:

– Прости, Катя, не плачь. Напугал тебя. Прости.

Отбросив его руку, Катя прошмыгнула мимо меня в спальню. Стефан проводил её глазами и уставился на меня. Его глаза постепенно принимали привычное спокойное выражение.

– Я хотел тебя увидеть, – наконец прогудел он.

– Благодарю, Стефан, как видишь, я в порядке. Спасибо, что беспокоишься, – сказала я и, посчитав инцидент исчерпанным, повернулась к сыну. – Благодарю, сынок, – я потянулась к его горевшей жаром щеке, провела по ней пальцами и с чувством повторила: – Благодарю, что дал время прийти в себя.

– Маленькая, тебе сейчас причёску делать, или мне позже зайти? – рассёк пространство пронзительный голос Даши.

Я поморщилась. С возрастом Даша усвоила самую беспардонную манеру напоминать о себе.

– Макс, я отправлю Катю к тебе, расскажешь ей всё, что знаешь. Я присоединюсь к вам, как только оденусь, – договорила я с сыном и повернулась к Даше. – Заходи, Даша.

Пропуская её вперёд, я взглянула на припозднившегося к началу скандала Павла – начальника нашей безопасности, тот развёл руками и виновато опустил голову.

– Мама, что мне должен рассказать Макс? – спросила Катя, едва я закрыла дверь. – Я чувствую, что-то происходит, и это что-то о-о-очень большие неприятности!

Она упала поперёк кровати и, подперев голову руками, приготовилась слушать.

– Думаю, тебе лучше выслушать Максима, чем мои предположения о его рассказе, – сказала я, сняла полотенце с головы и села к туалетному столику.

Не обращая внимания на вновь заговорившую Катю, Даша включила фен. В его шуме Катя ещё некоторое время изучала моё отражение в зеркале, но потом нехотя поднялась и вышла.

– Ты платье выбрала? – кончив сушить мои волосы, спросила Даша.

– Да. Волосы укладывай высоко на макушке, надену гребень с рубином.

Гребнем назвала украшение двухлетняя Катя, и с тех пор название закрепилось. На самом деле украшение представляло собой маленькую корону из белого золота с крупным бирманским рубином в центре. Украшение содержало в себе дату нашей с Серёжей встречи в аэропорту Дюссельдорфа – одиннадцатое ноября. Продумывая дизайн, Серёжа спрятал четыре единицы в вязь рисунка, оставив свободными верхушки. Они-то и напоминали маленькой Кате гребень.

Сплета три тоненьких косички, одну с одной стороны головы, а две с другой, Даша собрала волосы в пучок и принялась оплетать пучок этими косичками.

– Маленькая, ищи мне замену, – объявила она, – Эдвард, наверное, не захочет, чтобы я в услужении работала. Да и потом, ребёнок у Анюты родится, не до работы мне станет, Анюте же доучиваться надо. Не знаю только, жить где будем, отсюда ездить в дом Эдварда, не наездишься, далеко очень, а Стефан переезжать не захочет, даже и заговаривать на эту тему боюсь.

– Ты хочешь поселиться в доме Эдварда? – удивилась я.

– Ну а что ж? Родными скоро будем! Дочка хозяйкой в доме своего мужа, а мы со Стефаном родители хозяйки. Лучше, чем у чужих!

– Конечно лучше, Даша, – согласилась я.

Она опомнилась и поспешила оправдаться:

– Я не имела в виду, что ты и Сергей Михалыч нам чужие, я просто не так выразилась! Мы же только добро от вас ви-

дели! Ты же знаешь, я каждый раз Бога благодарю, что графа Андрэ в мою жизнь послал, а потом тебя вот! Ты танцевать-то будешь сегодня? – спросила она без перехода и даже без паузы.

– Не знаю. Пригласят, буду.

– Пригласят! Сынок твой любит с тобой танцевать. И красивый, и хороший он у вас. Уважительный! Катька, та взбалмошная, слишком быстрая какая-то, резкая, – Даша полюбовалась на свою работу и, продолжая говорить, отправилась к Сундуку Сокровищ: – Стефана-то моего как Максим остановил! «Не пушу, – говорит, – мама просила не беспокоить». Я испугалась, думала, Стефан его ударит, не любит он, когда ему перечат, да Катька в слезах налетела, Стефану в руку вцепилась. А против Катьки он не устоит! С детства её раннего всё шепчется с ней о чём-то. Он с родной дочерью так не носится, как с Катькой твоей! – закрепив корону вокруг пучка, она заторопилась: – Красиво, Маленькая! Давай помогу платью надеть да побегу. Сама-то ещё не прибрана, и Анютке помочь с причёской надо.

– Благодарю, Даша. Ты беги, я сама платье надену.

– Да?.. Ну, тогда побегу.

Она ушла, а я натянула второй чулок, надела платье и туфли и, бросив на себя взгляд в зеркало, даже не улыбнулась – не хотелось. Сегодня меня не встретит восхищённый взгляд Серёжи. Сегодня и комплементы говорить некому. «Ох да к чёрту комплементы! Сегодня вся моя жизнь слома-

лась!» — я чуть было не сорвалась, не расквасилась, но закусив губу, проморгалась, продышалась и вышла из спальни.

Меня ждал самый долгий и трудный вечер в моей жизни.

Перед дверью сына, я ещё раз глубоко втянула в себя воздух, выдохнула и только потом постучала. Выждав несколько секунд, я потянула дверь на себя и услышала звуки, напоминающие возню.

— Максим, я могу войти?

— Входи... мама, — натужно откликнулся он.

— Пусти! — следом закричала Катя. Она билась в крепких руках брата, размахивая кулачками, молотила ими куда придётся и кричала: — Ты предатель... предатель! Пусти меня! Я не хочу... иметь с тобой дела!

— Катя, прекрати! Макс, отпусти её!

Максим разжал руки. Катя ещё раз замахнулась на него, но не ударила.

— Я доверять теперь тебе не смогу! — крикнула она. — И отцу тоже! — размазав слёзы по щекам, она бухнулась на пол и, обняв колени руками, уткнулась в них лбом.

— Папе, — поправила я, опускаясь на пол подле неё.

Макс, отдуваясь и переступая с ноги на ногу, поглядывал на нас некоторое время, потом тоже сел на пол. Молчание нарушила Катя; по-прежнему пряча лицо в коленках, она спросила:

— Мама, как мы будем жить?

— Будем стараться жить, как и прежде жили, — ответила я.

Она вскинула голову, глаза её со слившимися от слёз ресницами широко распахнулись, а губы брезгливо скривились.

– Ты... ты простишь ему другую семью?

– Я имела в виду, Котёнок, что случившееся не должно сделать нашу жизнь несчастной. Посыпать голову пеплом и страдать от горя в мои планы не входит, надеюсь, в ваши тоже, – спокойно сказала я и, переведя взгляд на сына, спросила: – Макс, ты подумал?

– Да, мама. Уверен, в главном я справлюсь – материальная сторона жизни семьи не изменится, независимо от того, какое решение примет папа. Я не справлюсь с управлением семьёй, авторитета у меня нет.

– Уважение, сынок, дело наживное, будешь ответственно относиться к роли главы семьи, со временем появится и авторитет.

– Мама, ты что, предлагаешь Максиму стать главой семьи? – изумилась Катя.

– У тебя есть возражения, детка?

– Да это глупость! Макс слишком молод, в семье его за ребёнка принимают! Кто его будет слушать?

– Для начала я и ты.

– Я думала, дед или Стефан возглавит семью.

– Катя, кто обеспечивает финансовое состояние семьи, тот и глава.

– В таком случае, я тоже могу взять на себя обеспечение семьи и стать главой!

– Ты выдвигаешь собственную кандидатуру?

Она опустила глаза и буркнула:

– Нет!

– Тогда предлагаю вернуться к делу. Максим, ты напрасно в себе сомневаешься, твой папа многому научил тебя, сегодняшний случай со Стефаном это доказывает. Я горжусь тобой, сынок! – я протянула руку и вновь коснулась его щеки, но ощутив под пальцами ещё не знавший бритвы пушок, едва не всхлипнула: «Мой сынок! Рано, господи, как же рано я обременяю тебя такой ответственностью!»

Он перехватил мою руку и прижал её ладонь к губам.

– Я люблю тебя, мама! Прости моё молчание, но я и сейчас не знаю, как я должен был поступить!

– Я тоже не знаю, Макс... не понимаю, зачем папа обременил тебя сведениями о своей личной жизни?

– Я узнал так же, как и ты, случайно! Помнишь, Катя, ты сказала, что Игорь будет рад, если подарить ему на день рождения сумку-почтальонку, ну, я ехал мимо торгового центра и вспомнил об этом, а там встретил папу с ребёнком и женщиной. Я и не понял бы ничего, если бы мальчик его папой не назвал. Это три месяца назад случилось. Папа обещал, что сам всё нам расскажет, как только проведёт процедуру установления отцовства.

– Он что, сомневается, что мальчик его сын? Ребёнку года три на вид. Вначале не сомневался, а теперь сомневается?

Максим кивнул и добавил:

– Он не считает их своей семьёй!

– Это ничего не меняет, – произнесла я излишне жёстко, – а впредь предлагаю договориться о скромности – я не хочу обсуждать с вами личную жизнь вашего отца! Извинения, сынок, я принимаю.

– Мама, ты разводиться будешь? – спросила Катя.

– Полагаю, да.

Максим покачал головой.

– Папа никогда не даст тебе развод.

– Вот как?

– Не даст, мама! Папа любит тебя! Прости, что лезу в ваши отношения, но я знаю – он тебя любит!

Я испытала дежавю. Когда-то Настя точно так же – упрямо и твёрдо глядя мне в глаза – утверждала о любви её отца. «Если они меня любят, что же они от меня бегут?» – тоскливо подумала я и вслух спросила:

– Катя, ты как?

– Справлюсь, мама.

– Я ещё не знаю, где ваш папа намерен жить, поэтому домочадцам объявим об изменениях завтра вечером. Сюрприз, так сказать, – усмехнулась я, – в завершении праздника! А деду...

– Мама, я восхищён твоим самообладанием!

– Я, сынка, и сама собой восхищена! – отшутилась я и договорила: – А деду я скажу сегодня.

«Возмутится, разволнуется, сразу самолёт закажет... –

представила я возможную реакцию Андрэ, – и смягчить новость нечем».

– Мама, я к тебе часто за помощью обращаться буду, – предупредил Макс.

– Конечно, сынок, и ко мне, и к деду, и к папе, и к Стефану, и ко всем, кто сможет помочь. Просить помощи не зазорно, и ошибиться не зазорно. Зазорно не признавать свои ошибки, зазорно оправдываться, зазорно обвинять других в собственных промахах.

– Братка, прости, забудь, что я наговорила, – раскаялась Катя. – На мою поддержку и помощь тоже можешь рассчитывать.

– Благодарю, Катя. И за сегодня благодарю! – Макс хохотнул. – Зачётно ты помогла мне отстоять мамину дверь от Стефана!

Катя залилась смехом.

– Так я испугалась, что Стефан тебя ударит! Думаю: «Ну всё, дядька Стефан, братка мой тебя сейчас отдохнуть положит прямо тут в коридоре, под маминой дверью!», а ты молодец, сдержался!

– Ну да, сдержался! Учиться мне ещё надо сдерживать себя! Если бы ты на его руке не повисла, мне потом стыдно было бы перед Стефаном!

– Ты мог ударить Стефана, сынок?

– Нет конечно! Вывел бы из строя и всё! Нехорошо получилось бы, ещё и Даша там была. Так что Кате, мама, я объ-

являю благодарность от лица главы семьи – и меня, и Стефана от стыда спасла!

– Ты с папой когда встретишься, спроси, как бы он в подобной ситуации поступил.

– Да, мама, – сразу сделавшись серьёзным, пообещал Максим.

– Ну всё, славные мои детки, пошла я дальше, – свернула я разговор и поднялась на ноги.

– Мама, я ещё не сказал главного, – остановил Максим. – Ты потрясающе выглядишь! – и хитро прищурившись, спросил: – Моя прекрасная мама, ты будешь сегодня танцевать со мной?

А вот этого я вынести уже не смогла. «Он «не сказал главного»! Господи, он «не сказал главного»! Только Серёжка мог быть столь же галантным, чтобы в условиях разрушающегося мира выделить в главное комплемент женщине! И вот теперь это сделал его сын. Мой сын!»

В глазах моих вскипели слёзы, не отирая их, я прошептала:

– Конечно, милый! Спасибо!

– Ой, пойду-ка и я приберу себя, – пряча тоже намокшие глаза, поднялась Катя, – а то, прям, замарашкой себя чувствую на твоём фоне.

Я распахнула объятие, всхлипнув, она порывисто прижалась ко мне.

– Ничего, Котёнок, ничего детка, мы справимся.

– Ты тоже плачешь!

– Плачу. Больно потому что. И тебе больно, знаю. Детка, что бы ни происходило, знай, папа любит тебя! Слышишь? И всегда будет любить!

– Можно я к тебе сегодня ночевать приду?

– Конечно, Катюша.

Катя оттолкнулась от меня и выбежала из комнаты.

– Сынок, будь с Катей мягче, – попросила я, – ей, с её разделением мира на белое и чёрное, сейчас особенно трудно, полутона она пока не признаёт.

Максим качнул головой, соглашаясь, и добавил:

– У неё вот-вот выставка работ отца Эдварда начнётся, открытие через две недели. Самая горячка сейчас.

– Я тоже надеюсь, что работа отвлечёт её. Макс, я буду в кабинете, позвоню в Париж.

– Мама, ещё одно! Ты лишаешься горничной, я могу заняться поиском кандидатуры.

– Чуть позже, Максим. Даша меня предупредила о своей отставке, но пока это разговоры. Скорее её желание, чем решение. Я сообщу, когда ситуация разъяснится. И ещё, сынок, я щенков хочу взять. Катя, думаю, согласится.

Макс самодовольно ухмыльнулся, но тотчас нахмурил брови и озабочено переспросил:

– Щенков?

– Ещё затылок себе почешу! – рассмеялась я. – Скрытности, сынка, тебе ещё учиться надо! Когда щенки будут?

– Через месяц. Папа договорился с хозяевами, что малышей при матери до двух месяцев подержат. Ты только не выдавай меня, хотели сюрприз сделать, а я раскололся!

– Не выдам. Радоваться буду абсолютно неожиданному подарку, зуб даю! – и я щёлкнула ногтем большого пальца о край верхнего резца.

С лаской во взгляде Макс укоризненно покачал головой.

– А ещё графиня! Видел бы тебя дед!

– Ну-у, графинеи Наше Сиятельство сделались в пятьдесят пять, а до того голубыми кровями облагорожены не были. Дай поцелую, пока ты ниже меня.

Я склонилась к сидевшему на полу сыну, поцеловала его макушку, лоб, щёку, а напоследок прижалась губами к краешку рта. Он обнял меня одной рукой и сказал:

– Мама, сейчас тяжело, но я знаю, у нас всё будет хорошо.

Я кивнула и, чтобы вновь не расплакаться, понеслась в кабинет.

Андрэ, против ожидания, выслушал мой рассказ спокойно и лишь сухо спросил:

– Твой муж дал тебе какие-то объяснения?

– Мы ещё не виделись. Да и какие объяснения он может дать? «Извини, дорогая, я случайно ребёнка на стороне родил»?

– Как дети?

– Макс знал уже три месяца как. Тоже случайно их встретил и тоже в торговом центре. Катя... не знаю... поплакала,

но скромно. Что у неё внутри творится, бог её знает! Боюсь я за Катю.

– Как ты сама?

– Я? Я, Андрей, словно замёрзла. У меня и слёз нет. И новая семья Сергея будто не стала неожиданностью, будто ждала. Да я и одна-то ещё почти не была, так, часок только. Больше думала не о случившемся, а о том, как жить дальше будем.

– Детка, я сегодня же вылетаю, завтра обниму тебя. Ночью одна не оставайся!

– Не останусь, Катя уже напросилась на ночлег.

– Вот и славно! И ты не одна, и она с тобой! Порасспрашиваешь её.

– Андрей, завтра у нас праздник, Машины пятьдесят пять празднуем, помнишь?

– Ну значит, с корабля на бал. В порту что-нибудь куплю в подарок.

Кончив разговор, я вышла в гостиную и... встретила восхищённый взгляд Стефана. «Неужели я просто не замечала?.. Неужели Стефан и вчера, и месяцы, и годы назад смотрел на меня так? – подумала я, смущаясь и помимо воли расплываясь в улыбке. Я вдруг вспомнила точно такой же его взгляд двадцатилетней давности, когда в торговом центре Подгорицы хулиганства ради я продефилировала перед ним в платье, которое собралась купить. Его восхищение тогда дорогого стоило. Его восхищение позволило мне – неуве-

ренной в себе женщине, какой я тогда была, попав на своё первое светское мероприятие, чувствовать себя настоящей королевишной.

– Мама, ты прелестна! Ты восхитительна, моя юная мама! – поднялся встретить меня мой взрослый сын.

– Благодарю, сынок.

Принимая мой поцелуй, он шепнул:

– Я в кабинет, поработаю до ужина.

– И меня не забудь поцеловать, Маленькая! – заявил о себе Василич. – Я, вишь, и побрился к ужину! – он погладил себя по щеке и добавил: – Ох и красивая ты сегодня!

Я засмеялась и поцеловала его вначале в одну, а потом в другую щёку.

– Сладкие твои поцелуи, Маленькая, – подмигнул он, – завидую я Сергей Михалычу, ох и завидую!

«А вот Сергей Михалыч ищет поцелуи послаще», – тоскливо подумала я и отошла от него. А с дивана, бросаясь ко мне, уже вспорхнула Анюта, по-прежнему лёгкая, несмотря на беременность, прижалась ко мне животом и повторила вслед за Василичем:

– Лидия Ивановна, вы такая красивая!

– Здравствуй, Анюта. Самая красивая в семье у нас ты, девочка. Как ты себя чувствуешь?

– Да хорошо я себя чувствую! Устала только, скорее бы уже родить!

– Анютка в меня, – подала голос Даша, – и беременность

легко носит, без токсикозов там всяких, и рожать будет легко, и ребёночка родит здорового. А муж захочет, так и другого выносит! Потому здоровая она у нас со Стефаном!

При первых же звуках пронзительного гласа матери Анята судорожно на неё оглянулась и вновь повернулась ко мне с виноватым видом. Я ласково поцеловала её в лоб и сказала:

– Не торопи роды, девочка, всему своё время. Малыш сам знает, когда ему пора. Разговаривай с ним больше и наслаждайся свободой! Сейчас, Анятка, малыш привязан к тебе, а когда родишь, ты будешь привязана к малышу!

– А дедушки и бабушки на что? – вновь вклинилась Даша. – Вчетвером, думаю, справимся с одним-то ребёнком! Правда, Стефан?

– Справишься! Сиськой тоже своей кормить будешь? – недобро покосился он на неё.

– А и что такого? Сейчас вон сколько разного для детей, и без сиськи можно вырастить.

– Дак, с сиськой-то малышу лучше, особенно ежели мальчик! – ввернул Василич.

– А тебе откуда знать, Василич, ежели ты своих не имел? – огрызнулась Даша, и в гостиной стало тихо.

Василич часто-часто заморгал и, пряча навернувшиеся на глаза слёзы, отвернулся. Стефан же взглянул на жену так, что та поёжилась.

Бить по больному по силам не каждому, а Даша сегодня

превзошла многих. Она знала, что Маша трижды беременела, знала, что все три раза это была внематочная беременность, а при второй беременности Машу чудом спасли, но всё равно ударила.

– Рожать тебе недели через три? – спросила я Анюту, только чтобы разрушить давящую тишину.

– Через двадцать дней! – защebetала она охотно. – И со свадьбой мы тоже всё решили! Будем свадьбу играть через три месяца после родов, когда я в себя приду. Эдвард до родов предлагает, чтобы ребёнок, когда мы уже муж и жена, родился, но вы же знаете, я настоящую свадьбу хочу – и фата чтобы, и платье белое в пол!

Слова дочери вызвали у Стефана ироничную усмешку, и Даша тотчас развернулась к нему, изготoвившись к бою.

– А в чём противоречие? – упреждая их разборки, вновь спросила я. – Брак вы можете зарегистрировать сейчас, а свадьбу потом сыграете.

– Это же затратно! – возмутилась Даша. – Регистрацию брака праздновать придётся, а потом ещё и свадьбу! Лучше уж за раз.

– Но Эдвард вполне успешный бизнесмен... – растерялась я.

– А и что, что успешный? Деньги и ему на голову не сыплются!

– Лидия Ивановна, Эдвард так и хотел! – бросилась на защиту жениха Анюта. – Он ещё два месяца назад предлагал

зарегистрироваться и в свадебное путешествие поехать, хотел в Штаты, к своему отцу, ну, к тому, который художник, а мама не согласилась.

Я смотрела на Дашу и вспоминала юную горничную в доме Андрэ. Куда подевалась милая, быстроногая и ласковая девочка? На диване восседала грузная дама с ярким макияжем на всё ещё красивом лице, в излишне декольтированном туалете, возгордившаяся предстоящим родством и жаждущая управлять и дочкой, и будущим зятем.

Не так давно Маша мне поведала, что Даша попрекает Стефана тем, что он отказался от зарплаты семейного врача, коим, по сути, для семьи является. «Да я не в первый раз слышу, как Дашка вопит об этих деньгах, – приняв моё удивление за недоверие, сказала Маша и веско прибавила: – И не первый год! Потому что жадная! И не спорь! Все знают, что одеваться она норовит за твой счёт, только ты в магазин, она тут как тут со своей Анькой: «Маленькая, Анюте сапожки надо да платьице пора свежее прикупить», – передразнила она Дашу, – а сама и себе нахватает! А Стефан, между прочим, тысячами деньги домой приносит, да не рублей, а евро! А подарки она какие себе и Аньке на праздники да дни рождения заказывает? Ты ей одними подарками раз сто уже выплатила всю двадцатилетнюю зарплату Стефана!»

Выплеснув возмущение, Маша выразительно помолчала и, сменив тон, заговорила о том, зачем, собственно, и начала разговор: «Так это... что хотела сказать-то, вчера Дашка

об Анькином приданном вопила. Она-де зарплату Стефана копила бы, и тогда Анька не шла бы замуж бесприданницей. Вот я и подумала, Эдвард за Анькой приданное, что ли, требует? За брюхо её нагулянное?»

Эдвард, конечно, никакого приданного за Анютой не требовал. Будь так, Даша уже бы решала вопрос со мной, как решала все свои материальные капризы и нужды. Про приданное она, скорее всего, на ходу выдумала, как обоснование для упрёка Стефану, но... на чужой роток не накинешь платок – слышали, вложили в слова свой смысл, и вот уже едва нарождающиеся отношения молодых тащат за собой шлейф торга. Даша должна бы понимать, что, чем скорее Аня выйдет замуж, тем быстрее улягутся сплетни; что внуку её лучше родиться не у матери-одиночки, случайно забеременевшей от студентика из соседней общаги, а в полной семье, где у малыша есть и мама, и папа, но Даша опять что-то выгадывала. Маша права, равнодушный к деньгам, как, впрочем, и к любым другим материальным ценностям, Стефан всегда очень прилично зарабатывал и всё, что зарабатывал, отдавал жене. Даша же деньги складывала. Куда – никто не знает, банкам она не доверяла, равно как и инвестиционным инструментам, значит, складывала где-то дома.

К счастью, она не знает, что, несмотря на отказ Стефана от зарплаты, Серёжа всё равно открыл на его имя счёт, куда все эти годы каждый месяц перечисляет его зарплату, ещё и вкладывая эти деньги в различные финансовые инструмен-

ты. Сумма там накопилась немалая, и узнай Даша об этих деньгах, она и их приберёт к рукам. Когда-то пьяные родители забывали покормить маленькую Дашу, недостаток пищи в раннем детстве обернулся для Даши скаредностью в жизни взрослой.

– Анюта, замуж ты выходишь за состоятельного взрослого мужчину, – проговорила я наконец, – пусть он сам решит, как будет лучше и для тебя, и для малыша, доверься ему! А твоя мама просто побоялась отпустить тебя за океан. Ты у неё единственный ребёнок, и к тому же чудо какой красивый и умненький ребёнок!

Порозовев от смущения, Анюта ласково прижалась ко мне щекой и вдруг вскрикнула:

– Ой! Он пнул меня! Потрогайте, Лидия Ивановна! – она схватила мою руку и прижала к своему животу. – Слышите? Ой! Ещё раз!

– Слышу, Анюта, – рассмеялась я, погладила выпирающую пяточку малыша и не в первый раз украдкой взглянула на лестницу, ожидая Катю. Времени прошло уже достаточно, а Катя всё не появлялась.

Катя появилась спустя ещё полчаса, и во мне всё сжалось от жалости. «Долго же ты плакала, детка», – подумала я, наблюдая за тем, как, понунив головку, она спускается по ступенькам.

Но ступив с последней ступеньки в гостиную, Катя вздернула голову, да так и шла, ни на кого не глядя, ни с кем не

здороваясь, пока не достигла меня и Анюты.

– Здравствуй, Анюта, – произнесла она, сделав попытку улыбнуться, и села с ней рядом. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, Катя, – ответила та, переводя растерянный взгляд с заплаканного лица Кати на моё и обратно, и участливо предложила: – Катя, у меня малыш шевелится, хочешь послушать?

Катя кивнула, скорее из вежливости, чем из интереса, но спустя несколько мгновений глаза её блеснули восторгом, и она прошептала:

– Шевелится... мама, он шевелится! Ой! Толкается! Это ножкой, да? – она наклонилась и обеими ладошками обхватила живот Анюты. – Анютка, а тебе не больно?

Все засмеялись, и девчонки начали шептаться. Я поднялась, поцеловала одну, потом другую в макушку и отправилась на кухню. Оттуда уже минут десять как-то уж слишком громко доносилось громохание кастрюль.

Согнувшись над посудным ящиком, Маша расталкивала кастрюли по местам.

– Маша, добрый вечер, – поздоровалась я.

– Не добрый! – отрезала она.

– Что так? ... Что-то случилось?

Она выпрямилась и, скосив набок рот, выдула воздух на чистый, не осквернённый ни единым выпавшим из кос волоском, лоб.

– Вначале ты мне скажи, завтра мой день рождения или

не мой?

– Маша, я не понимаю...

– Нет, ты мне ответь!

– Завтра твой день рождения, Маша.

– Вот! Мой, значит! А если день рождения мой, то и гостей каких хочу, тех и зову! И за столом этого вашего Эдварда я завтра видеть не хочу! Вот так! Или он, или я! – выставив ультиматум, Маша толкнула ящик ногой, отправляя его на место, и воинственно нацелила на меня подбородок.

– Что вдруг случилось? Эдвард обидел тебя?

– Да, он меня обидел! Он внучку мою бросил и тем меня обидел! Такую умницу, красавицу бросил ради этой вот, с чужим ребёнком в брюхе!

– Маша, ну что ты говоришь? – поморщилась я. – Девочка на руках у тебя росла! И потом, почему ты решила, что Эдвард Катю бросил?

– А как же? Эта вот и сказала: ради её Аньки нашу Катеньку бросил!

Я покачала головой.

– Маша, Катя сама Эдварду отказала ещё полгода назад. Помнишь, мы знакомиться к родителям Эдварда ездили?

– Ещё бы не помнить, я тот день ввек не забуду! Я насилу с ужином управилась, решила, что списывать меня пора, а потом Василич в больницу угодил!

– Вот в тот день Катя и отказала Эдварду.

– А что же эта бессовестная мелет?

– Я не знаю, что и кто мелет, Маша. У тебя «эта» и Анюта, и Даша.

– Да барыня наша новоявленная – Дашка! Хвасталась, что Эдвард её Аньку любит так, что на всё ради Аньки готов, ради Аньки и Катю бросил, и тещу – её, то есть, – к себе в дом берёт!

– Любит, и хорошо! Пусть Анюта и Эдвард счастливы будут! А вместе с ними и Даша!

Маша пытливо посмотрела на меня.

– А чего тогда Катя плачет?

– Катя плачет совсем по другой причине.

– Что и не скажешь?

– Сегодня не скажу. А кто и кого бросил, ты завтра у Эдварда сама спроси, он тебе всю правду расскажет.

– И спрошу! – угрожающе пообещала она и с раздражением спросила: – Сергей Михалыч-то когда будет? У меня давно всё готово! До которого часу ждать будем?

– Не будем ждать, Маша, сейчас сядем ужинать. Пойду на стол накрывать.

Раздражение её сразу улеглось, и она растеряно спросила:

– Как же без Сергей Михалыча?

«Я и сама толком не знаю, как без него», – подумала я, выходя из кухни, и увидела Серёжу. Сердце моё ухнулось куда-то вниз, а через мгновение застучало с такой бешеной силой, что я остановилась. Усмиряя дыхание, я глубоко вздохнула и пошла навстречу, слишком рано протянув руку для

приветствия.

– Здравствуй, Серёжа. Рада тебе.

– Здравствуй, Лида. Замечательно выглядишь!

– Благодарю, Серёжа.

Он взял мою руку и, склонив голову, медленно, один за другим, стал целовать кончики пальцев. На его волосах радужным праздником блестели капельки дождя. Я отняла руку и пригласила:

– Проходи, мы как раз ужинать собираемся. Поужинаешь с нами?

Он с усмешкой спросил:

– Я вижу, ты уже всё решила?

– Не я, Серёжа, я лишь слеую твоим решениям, – мягко возразила я.

– Лида, нам поговорить надо.

– Поговорим, вечер только начался.

– Ты позволишь мне душ принять? Или ты уже и спальню от меня освободила?

– Нет, не освободила. Ты не сообщил, куда твои вещи отправить.

Мои слова его почему-то развеселили.

– Хочу напроситься в постояльцы, – заявил он, – позволишь мне пожить дома какое-то время?

– Конечно! Это и твой дом, Серёжа.

– Благодарю. Через пятнадцать минут я буду.

Я повернулась к домочадцам и поискала глазами Катю –

чем бы ни была занята, она всегда бежала встречать отца со всех ног, но сейчас осталась подле Анюты и, низко опустив головку, рассматривала свои пальчики.

– Катюша, помоги мне, – позвала я.

Заметно вздрогнув, Катя вскинула на меня испуганный взгляд.

– На стол, детка, накрывать будем, – пояснила я.

Она кивнула и поднялась. Когда она шла мимо Стефана, тот приподнялся и захватил её в кольцо рук, видимо, желая утешить, но Катя уклонилась и от объятий его, и от шёпота.

Я тем временем обежала глазами домочадцев – наша «дружеская» встреча с Серёжей, как я и думала, произвела впечатление. Василич потеряно метался глазами по лицам, ища хоть какого-то объяснения, но на его взгляд никто не отозвался: Стефан полными тревоги глазами смотрел вслед Кате, Павел предавался размышлениям, облокотясь на спинку стула одной рукой, другой задумчиво крутил стоявший перед ним стакан с водой, Михаил затаился, стараясь ни с кем не встречаться глазами, а Женя и Катерина преувеличенно старательно выравнивали концы скатерти по краям стола, готовя стол к ужину. Одной лишь Даше с вновь устроившейся под её крылом Анютой не было до происходящего дела, они шептались о своём.

– Катя, если не справляешься, иди к себе, – увлекая дочь в сторону кухни, сказала я.

– Одной ещё хуже.

– Тогда возьми себя в руки.

– Мама, как ты можешь быть такой спокойной?

– Предлагаешь устроить парад эмоций? Вокруг люди, и эти люди зависят от нас. Если и я впаду в ступор или зальюсь слезами, что будет? Как бы не было трудно, надо, детка, сохранять достоинство.

– Мама, не надо! – болезненно сморщилась Катя. – Зачем – я понимаю! Я спрашиваю, чем ты держишься, что тебе силу даёт? – она снова была готова расплакаться.

«До ночи не дотянем», – поняла я и свернула к кабинету. Едва я стукнула в дверь, Максим открыл её.

– Мама, уже иду!

– Сынок, папа приехал, переодевается. Вы нас не ждите, без нас ужинать начинайте.

Максим посторонился, освобождая нам проход, и сочувственно взглянул на сестру.

– Катька, вяло выглядишь, держись, сестрёнка!

Катя вновь сморщилась, подбородок её задрожал, но она храбро кивнула брату и, устремляясь мимо него в кабинет, нарочито бодро воскликнула:

– Мама, а давай в Кресло Правды сядем!

Огромный трон вместил нас обеих, Катя так ещё и ноги под себя поджала. Я взяла в руки её ладошку и задумалась, прямого ответа на её вопрос у меня не было и, чтобы не тянуть время, я так и сказала:

– Нет у меня ответа на твой вопрос, детка. По сути, ты

спросила, откуда человек берёт силы, чтобы не сломаться в жизненной переделке. Полагаю, у каждого свой источник. Кто-то черпает силу в вере в Бога, кто-то в слепой надежде на лучшее, кто-то попросту инстинкту самосохранения следует. Я?.. Я, Катя, боюсь. Получается, что держаться мне помогает страх. Я боюсь потерять то, что у меня есть. Твой папа дал мне много больше, чем взял. Он подарил мне счастье любить. Он подарил мне тебя и Макса. Он подарил мне ещё детей, во мне растут Сашка и Андрей.

Широко распахнув глаза, Катя тихонько ахнула.

– Я решила не говорить до времени и вот... ты первая, кому сказала. Если я сейчас расквашусь, детки пострадают от обилия моих же негативных эмоций. Если я позволю себе обиду на их отца или гнев, я искалечу их восприятие мира – в них не будет понимания гармонии мужского и женского. Поэтому я выбрала смотреть на случившееся не из бездны отчаяния, а с горы любви. Мне, Катюша, надо вырастить малышей в лучших условиях, чем были у тебя и Макса, потому что рядом с ними не будет их отца. Для этого надо, чтобы в доме продолжали жить счастье и любовь. Я намерена набрать новых светлых людей в семью, но для начала надо сохранить то, что уже есть. Твой папа лучший мужчина в мире, восполнить его отсутствие невозможно, и мне придётся очень постараться, чтобы воспитать деток достойными его. В этом я рассчитываю на помощь мужчин семьи – Андрэ, Стефана и особенно Макса. Максим почти полная копия папы,

надеюсь, несмотря на молодость, он будет любить младших брата и сестру, а в любви графа и Стефана я не сомневаюсь, — я улыбнулась, взглянув на притихшую потрясённую Катю, и спросила: — Слишком много на сегодня новостей, Котёнок?

Она молча кивнула, я привлекла её к себе и продолжала:

— Каков твой источник силы, Катя, я не знаю. Знаю только, что он у тебя есть. Через твою жизнь впервые пронёсся ураган. Ты сидишь на развалинах, оплакиваешь поруганные ценности, ищешь виновных в урагане, напугана и растеряна. Пришла пора расчищать завалы, детка.

— А с какого завала начать?

— Ну, например, с иллюзии о совершенстве твоего папы. Совершенные на земле не воплощаются, Катя, каждый имеет слабости и совершает ошибки, даже лучшие из людей.

— Значит, новая семья папы — это его ошибка?

— Я не знаю, Котёнок, вполне возможно, что его ошибка — это брак со мной.

— Тогда получается, что и я с Максом ошибка, и детки?

— Нет, Катя, не так. Не всё так однозначно, мир устроен много, много сложнее. Вы не можете быть ошибкой хотя бы потому, что пришли в воплощение, когда ошибка уже совершена. Иначе говоря, вы пришли на уже сложившиеся обстоятельства, а следовательно, ваши личные духовные задачи наиболее вероятно было решить именно в этих обстоятельствах. А ещё вы пришли для того, чтобы было легче исправлять ошибку нам. Для меня, например, это так. Вы — мой

свет, моя опора, без вас... – я умолкла, почувствовав близкие слёзы, и не стала договаривать, что было бы со мной без них...

Преодолев слабость, я заговорила о том, что меня больше всего тревожило в этот момент:

– Катюша, доченька, я люблю тебя и хочу, чтобы ты отбросила прочь обиду на папу. Я много раз говорила и повторяю вновь – человек всегда больше, чем его проступок. Папа для тебя – это ваши отношения, это ваша любовь друг к другу, а вовсе не его запутанные отношения с женщинами.

– А ты? Ты простишь его?

– Должна... и хочу простить. Но я ещё не выговорила обиду, не выплакала жалость к себе, и, боюсь, меня всё это ещё настигнет.

– Почему ты должна простить, я поняла, а почему хочешь простить?

– Потому что самое губительное состояние человека – это состояние укоренившейся обиды. Хуже обиды только чувство вины.

– А если папа захочет вернуться, ты примешь его?

Я отрицательно покачала головой.

– Зачем? Я уже прошла этот путь, к чему повторяться?

– Ты не веришь, что он может измениться?

– Я сомневаюсь, что я та, кто ему нужен.

– А папа? Он тот, кто нужен тебе?

– Я люблю его. Я люблю его всем сердцем, всей душой,

каждой клеточкой тела, и его измена моей любви не отменяет.

– Ты не права, мама, – задумчиво произнесла Катя, – силу ты черпаешь не в страхе, а в любви. А про детей ты ему скажешь?

– Нет, пока нет. Потом, конечно, скажу. И коль силу я черпаю в любви, я облачусь в доспехи любви, вооружусь любовью, повергну в прах обиду и вот тогда скажу! Катька, я есть хочу, пойдём ужинать, договорим ночью. Пойдём?

Мы вышли из кабинета, обнимая друг друга. Семья по-прежнему пребывала в молчании – сидя за общим семейным столом, каждый ублажал взгляд содержимым своей тарелки.

– Ужин похож на тризну, – шепнула я. – Катька, придётся публику веселить!

Максим поднялся и пошёл нам навстречу. Не видя сына за спиной, Серёжа тоже встал, но Макс опередил его, прошёл мимо, и Серёжа сиротливо остался стоять на месте. У меня сжалось сердце: «Что же ты наделал, Серёжа?»

– Что, сынку, домочадцы пребывают в печали? – спросила я шёпотом у Макса.

– Не получается завести хоть какой-нибудь разговор, я пытался.

Он вклинился между мною и Катей, обнял каждую за талию, приподнял и закружился вокруг своей оси. Катя невесело хохотнула:

– Ты, братка, как в «Золушке», на вопрос – что делать,

предлагаешь танцевать.

– А что? Можем попробовать, я один, вас двое... танго на троих, а, мама? – и, не дожидаясь согласия, попросил: – Папа, нажми, пожалуйста, на кнопочку пульта, девчонки хотят танцевать.

Музыка полилась в гостиную почти сразу, но не танго, а некая фантазия на тему вальса. Довольно вяло, одна против другой, мы с Катей начали двигаться. Максим наблюдал за нами какое-то время, потом выхватил меня из дуэта и увлёк в кружение. Оставшаяся в одиночестве Катя нашла в себе силы не остановиться. Потом Макс сменил партнёршу, и теперь я танцевала свою тему, а Катя кружилась с братом. Незаметно мы увлеклись. Я видела, как Катя – горестная и слабая вначале, к концу танца превратилась в грозную и уверенную в победе воительницу. Кому она объявила войну, я не поняла. Я же танцевала о любви и тосковала об её утрате.

Серёжа не отрывал от нас печального взгляда. Он выглядел таким одиноким, что моё сердце вновь сжалось, и я вновь немо спросила: «Что же ты натворил, Серёжка? Ради чего сломал и свою, и наши жизни?»

Встречая нас, он вновь поднялся. Катя замедлила шаг, робко взглянула на него и сказала:

– Папа, здравствуй.

Распахивая объятия, Сергей с видимым облегчением выдохнул:

– Здравствуй, Котёнок! Иди, детка, ко мне!

Долю секунды помедлив, Катя шагнула и упала ему на грудь. «О, детка, прости...» – «Папочка... мой папочка...» – услышала я их шёпот и тоже перевела дух – Катя пошла на контакт, а уж Серёжа найдёт нужные слова, чтобы её успокоить.

Я села на пустующий стул Андрэ, предоставив свой в распоряжение Кати. Усаживая дочь, Серёжа продолжал обнимать её одной рукой, ни на миг не отпуская от себя.

Едва я взяла в руку тарелку, как Маша вскочила и, перевесившись через Макса, начала двигать ближайшие блюда с закусками и салатами ближе ко мне.

– Маша, я достану... – вякнула я.

– Ешь, Маленькая, ешь! Вот пельмешки из краба, без лука, для тебя делала... блинчики с икрой... вот баклажаны по-грузински... хорошо получились...

Под её неусыпным оком я навалила себе полную тарелку и наконец-то принялась за еду. Стефан задумчиво наблюдал за мной. Утолив первый голод, я решила передохнуть, хотя капустный пирог с выглядывавшими на срезе грибочками среди капусты так и манил ароматом и румяной корочкой. Словно угадав мои колебания, Маша дотянулась до пирога и, захватив кусок, плюхнула в мою тарелку. Стефан и на этот раз не упустил мой вождедеющий взгляд. «Вот устался, и не моргнёт даже, не хватало, чтобы догадался раньше времени!» – с наполнившимся слюной ртом подумала я, не решаясь браться за пирог.

– Ешь, не вздыхай! – прикрикнула Маша. – Пирог вкусный, как ты любишь! Ты последний раз-то ела когда? За завтраком?

«Спасибо, Машенька, спасибо, милая моя, что дала объяснение моему аппетиту!» – возблагодарила я её про себя, а вслух – специально для Стефана – покорно, но вроде бы с неудовольствием буркнула:

– Я ем, Маша, ем.

...В прошлую беременность, в первой её половине, я беспрестанно что-нибудь жевала. За столом опустошала тарелку за пять минут и, не морочась, придвигала к себе один из салатников, прямо раздаточной ложкой черпала из него и отправляла в рот.

Стефан, встревоженный слишком быстрым набором веса, хотел ограничить меня в еде и.. натолкнулся на сопротивление Маши.

– Какая такая диета? – спросила она, разворачиваясь к нему и угрожающе уперев руки в бока. – Ты в своём уме? Смотри-ка, чего удумал, кушать беременной женщине запрещать! – Маша, не глядя, подвинула ко мне тарелку с куском хлеба, намазанным сливочным маслом, и положенным на это масло куском малосольной белуги, ласково пропела: – Е-ешь, Маленькая, е-ешь, детка! – и продолжала наступать на Стефана: – В ней ни жиринки до того не было! Она теперь хоть на женщину стала похожа – сама округляется и детей в себе растит! Ты помнишь, что детей-то в ней двое?

Стефан с молчаливым возмущением смотрел на меня, продолжающую меланхолично жевать, потом посмотрел на стол, уставленный тарелками с едой, и, в отчаянии махнув рукой, стремительно вышел из кухни.

– Ишь, к Сергей Михалычу побежал, – довольная одержанной победой прокомментировала Маша, – его вразумлять теперь будет! Ты не слушай, Маленькая, ешь сколько хочется, организм, он сам понимает, сколько ему надо! – она повернула голову в сторону двери и крикнула Стефану вдогонку: – Запрещать он ещё будет! Ты своей Дашке запрети, она у тебя скоро в двери проходить не будет!

– Маша! – промычала я осуждающе.

– Что Маша? Правду я говорю. Ешь-ешь, детка!

Жевала я и в спальне, куда Маша каждый день тащила и сласти, и сухофрукты, и свежую выпечку. Серёжа лишь весело поблёскивал глазами, наблюдая, как я отправляю в рот всё, что попадаетеся на глаза. В жарком шёпоте, целуя мой набитый едой рот, он называл меня запасливым бурундучком...

Предаваясь воспоминаниям, я опомнилась лишь тогда, когда доедала второй кусок пирога, подложенный заботливой Машиной рукой. И если Маша умилялась моему аппетиту, то Стефан сделался очень задумчив. Я открыто посмотрела ему в глаза и поняла – всё, Стефан догадался! День ещё не кончился, а тайну я выболтала уже двоим!

Семья тем временем вернулась к привычным вечерним

разговорам и решала важные и не очень, общие и личные проблемы. Даша спорила с дочерью, а точнее, попросту давила на неё, Анюта не очень храбро, но всё же сопротивлялась, защищаясь мнением будущего мужа. Максим и Павел обсуждали реорганизацию службы безопасности, от кого из двоих исходила инициатива, я за едой пропустила. Маша под рукой задремавшего Василича перестала наконец интересоваться мной и увлечённо обсуждала с Женей и Катериной уже заказанное на праздник меню.

Катерина мало изменилась за прошедшие годы – всё так же сметливы и быстры глаза, столь же проворны ноги и руки. Жизненную силу в неё вливают успехи внучки. У Марфы небольшое ателье по пошиву модной одежды, но девочка и талантлива, и настойчива и, думаю, со временем её ателье разрастётся, а сама она станет известным дизайнером. Мы с Катериной так и не стали близки. Она часто вспоминает мою маму, и, когда вспоминает, глаза её увлажняются слезами.

«Все эти люди – моя семья, моя опора, мой тыл, – думала я, – беспокоит меня только Даша. Какие бы планы на будущую жизнь она не строила, Стефан в дом Эдварда не поедет, Даша от мужа не откажется, а значит, и жить останется с нами. Но как же с ней теперь тяжело!»

Я встала, и Максим тотчас отвлёкся от разговора.

– Мама?

– Пойду чай заварю, сынок.

Обменявшись взглядами с Максом, Паша поднялся вслед

за мной.

На кухне он достал из шкафа заварочные чайники и поставил их в линию на столе. Я насыпала заварку, он закрывал чайник крышкой и переставлял его в мойку. За много лет действия каждого из нас были уже отработаны до автоматизма.

– Сердишься? – наконец спросил он.

– Почему ты всегда опаздываешь?

– Сам не знаю. Мне и Сергей Михалыч про то не раз говорил.

– Кто рассказал Стефану о встрече в торговом центре?

– Я. Я шёл к себе, а он к гаражу подъехал. Ну я его подождал и по дороге к коттеджу рассказал. Он вдруг развернулся и пошёл к дому. Я крикнул, что ты просила тебя не беспокоить, а он только шагу прибавил, побежал почти. Я потом, когда уже к себе зашёл, понял, что будет, если Максим встанет у него на пути, ну и... опоздал.

– Ты понимаешь причину такого поведения Стефана?

– Сейчас, да. Он хотел убедиться, что ты в порядке.

– А когда он пошёл к дому, ты не понимал?

Паша тяжело вздохнул и грустно покачал головой.

– Может, я тупой, Маленькая? – вполне искренне спросил он.

– А может, ты недостаточно мотивирован исполнять свою службу? И если ты, как ты выразился, тупой, я заменю тебя «острым» начальником службы охраны! А ты будешь ин-

структором в тренажёрном зале, а в свободное время станешь помогать Василичу.

Нарушая установленный порядок, я сама взяла закипевший чайник и не спеша облила кипятком составленные в мойку заварники. Привалюсь бедром к столу, Паша наблюдал за моими действиями и обиженно сопел.

– Максим молод, ему требуются поддержка и помощь, – не глядя на него, заговорила я снова. – Я прошу серьёзно обдумать, способен ты обеспечить надёжную работу службы охраны или нет. На раздумья у тебя сутки.

Паша надел на руку варежку и выставил чайники из мойки на деревянную подставку. Я взяла в руку другой булькающий кипятком чайник.

– Маленькая, давай я сам, – взмолился Паша.

Я поставила чайник на стол и, наблюдая за тем, как он наполняет заварники кипятком, сказала:

– Паша, я тебе благодарна, безмерно благодарна за многое. Я благодарна тебе за своё спокойствие, когда ты сопровождал Сергея в поездках, я благодарна тебе за детей. Ты блестящий инструктор самообороны, я знаю, оба моих ребёнка, обученные тобой, сумеют постоять за себя в сложной ситуации. Я благодарна тебе за то, что ты был со мной, когда я убежала в Алма-Ату. Всё это бесценно! Ты моя семья, Паша! Но в настоящих условиях мне требуется ещё одно, ты должен уметь на несколько шагов вперёд просчитывать действия других людей. Мне надо, чтобы ты не опаздывал.

– Я понял, Маленькая. Задача ясна.

Накрыв чайники фланелью, я только теперь взглянула ему в лицо и была приятно удивлена – Паша внутренне подобрался, взгляд его стал твёрдым и прямым, обиды не было и в помине.

– Есть один человек, – произнёс он, – мне его на той неделе рекомендовали. Боевой офицер, получил ранение. Комиссовать, не комиссовали, но на боевые задания не посылают, на бумажной работе держат. Савелием зовут. Молод, тридцать лет, хочет увольняться в запас. Я поговорю с ним завтра же.

– Благодарю, Паша, за понимание благодарю. И ещё, – я потянула его руку вниз, и он послушно наклонился. Обняв за шею, я шепнула ему на ухо: – Ты мне нужен, Паша.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза близко-близко. Наконец он кивнул и выпрямился, а я расслабилась – мой верный Паша и дальше будет мне помогать.

Оставив чай настаиваться, мы вернулись в гостиную. Там всё осталось по-прежнему, только Серёжа с Катей пересели из-за стола в самый дальний угол диванной зоны – устроившись головкой на груди отца, Катя что-то выпрашивала, Серёжа гладил её по плечу, но лица его я не видела, лицом он утонул в её волосах.

Радостная лёгкая капля прорвалась сквозь монотонный гул голосов и, дрожа, повисла на самой высокой ноте. Я оглянулась. Склонившись к клавишам фортепьяно, Максим ис-

коса, весело смотрел на меня. Он сел за инструмент и похлопал рукой по скамье, приглашая присоединиться, а следом гостиная наполнилась звуками бушующего шторма. Присев подле сына, я замороженно наблюдала за его длинными, летающими по клавишам пальцами и слушала. Музыка гремела раскатами грома, завывала ветром, барабанила каплями дождя и тяжело шелестела намокшей листвой. Со спины подошла Катя и шепнула на ухо:

– Папа ждёт тебя в кабинете.

Я похлопала по переkreщенным на своей груди рукам дочери, слышу, мол. Катюша опустилаcь на ступеньку музыкального подиума и положила голову на мои колени. Захваченный гармонией им же самым создаваемых звуков, Максим невидяще посмотрел на нас, шторм под его пальцами постепенно стихал и наконец угас совсем, рассыпавшись лёгкой капелью, какой в самом начале Макс привлёк моё внимание.

– Даже самый грозный шторм неминуемо прольётся спасительным дождиком? – спросила я, улыбаясь.

– Вслед за которым миру вновь откроется сияние солнца! – подхватил он. – Да, мама! Именно это я и хотел сказать! – Максим рассмеялся, ладонью обхватил мой затылок и, притянув к себе, звонко чмокнул меня в щёку.

В нём было так много отцовского, сегодня я замечала это на каждом шагу!

– А ещё, мама, у меня к тебе два вопроса, и один непро-

стой, – уведомил Макс.

– Слушаю, милый.

– Я нашёл объявление девушки-выпускницы детского дома. Мне текст понравился: «Ищу работу в семье добрых людей». Здорово, да?

– Здорово. Завтра за праздничным столом самое время продемонстрировать соискательнице нашу семью.

– Согласен.

– Странная ты, мама, – лениво возразила Катя, – ты работодатель, а демонстрировать собираешься себя. Это соискатель должен заинтересовать собой работодателя.

– Девочка это уже сделала, Катюша, Максим обратил внимание на её объявление. Но у неё есть требование, о котором она честно заявляет. За семейным столом она без вербальных заверений сделает вывод о наличии в семье доброты, либо... – я наклонилась и поцеловала Катю в нос, – либо об отсутствии оной, а потом мы поговорим, чем мы можем быть полезны друг другу.

– Ещё, мама! Приятно! – засмеявшись, потребовала Катя.

Я стала целовать её ноздри, кончик носа, ямку над верхней губой, расспрашивая:

– Как приятно? ... Так? ... Или так?

В конце концов она обхватила меня за шею и звонко чмокнула в губы.

– Вот так! Так приятно! – и захохотала, вновь упав головой на мои колени.

Мы с Максом переглянулись – разговор с отцом Катю действительно успокоил.

– Итак, Максим, теперь на очереди «непростой» вопрос?

– Да. Мама, я хочу заменить начальника службы охраны.

Катя подняла голову и в изумлении уставилась на него.

– Братка, ты что, с ума сошёл? Павел служит у папы всю жизнь, маму за сестру считает. Он наша семья, Макс!

– Я говорил с Павлом о реорганизации службы охраны, и у меня создалось впечатление, что он не владеет вопросом, попросту не понимает, о чём речь!

– У Павла кое-как законченное среднее образование и почти полное отсутствие абстрактного мышления, – согласилась я, – он как боевая машина умеет просчитывать ситуацию только в прямом бою. Вне боя Павел расслаблен и физически, и ментально.

– Мама, ты что, всерьёз рассматриваешь бредовое предложение Макса? Почему тогда папа Павла не заменил, если он так плох?

– Папа решал многие вопросы сам, Котёнок, без участия Павла. Макс, я уже говорила с Пашей, дала ему сутки на обдумывание, но он принял решение быстрее и уже завтра делает предложение другому человеку. А Пашу, думаю, вполне устроит должность моего личного водителя. Ещё Паша замечательный наставник боевых искусств, а ещё ты можешь «официально» назначить его инструктором по физической культуре. И звучит вполне достойно, и зарплату за исполне-

ние двух должностей можно повысить.

– Нет, мама, – покачал головой Максим и лукаво улыбнулся, – я Павла назначу не водителем, а твоим личным телохранителем. Он расценит это как повышение.

– Пусть так! – рассмеялась я. – Умно, сынок! Ты удовлетворена, Катя? Ты правильно, детка, сказала, Паша – наша семья, и я не просто привязана к Павлу, я его люблю! – я потрепала её по щеке и, вставая, распорядилась: – Я пойду к папе, а ты подавай чай, мы с Пашей его уже заварили.

Перед дверью в кабинет я остановилась, страшно было войти туда. Не зная, о чём намерен говорить Сергей, я дала себе обещание сохранять тот дружелюбный тон, что так удался мне при встрече. Придав лицу безмятежность, я стукнула в дверь и отворила её, не дожидаясь приглашения.

Серёжа сидел за рабочим столом, уставившись на переплетённые пальцы рук и, кажется, стука не слышал.

– Серёжа! – окликнула я.

Он поспешно встал и вышел из-за стола.

– Где сядем, Лида?

Он постоял, пока я с ногами забиралась на кресло, и сел сам, оперся локтями на колени и вновь уставился на сцепленные кисти рук. Наконец он поднял глаза на меня.

– Ты ни о чём не спросишь?

Я покачала головой.

– Лида, это не мой ребёнок. Несколько часов назад я получил уведомления о результатах экспертизы от трёх из пяти

лабораторий, точнее, уведомления пришли ещё ночью, а я прочёл их только после нашей встречи в торговом центре, — он невесело улыбнулся и добавил: — Такая вот ирония судьбы. Официальные документы я получу в течение трёх дней.

— Странно слышать от тебя сетования на судьбу.

Он поморщился.

— Я по-прежнему не верю в судьбу, но когда теряешь контроль над событиями и опаздываешь всего на день... — увидев мою усмешку, он прервался и спросил: — Ты мне не веришь?

— Математика не сходится. Экспертиза, насколько я знаю, занимает недели две, а Максу о своих сомнениях в отношении мальчика ты сказал ещё три месяца назад.

— Больше! — он помрачнел. — Первое сомнение пришло ко мне больше полугода назад, запомнил, потому что на следующий день мы улетали с тобой на остров. Я не мог решиться на экспертизу... если мальчик мой сын, а я устраиваю какие-то экспертизы...

— Как бы то ни было, это ничего не меняет, Серёжа, — мягко сказала я, — дело ведь не в ребёнке.

— Да, я понимаю. Просто хочу, чтобы ты знала — у меня нет другой семьи. Моя семья — ты и наши дети.

Он помолчал, ожидая моей реакции, но мне сказать было нечего. Тяжело ворочая словами, он начал снова:

— Я виноват, Лида. Я прошу прощения за боль, которую причинил тебе и детям. Я не сдержал данного тебе слова...

– Я принимаю твоё покаяние.

В его глазах на миг мелькнула и тотчас угасла надежда, усмехнувшись, он спросил:

– Ты играешь со мной, Девочка?

– Серёжа, ты такой, какой есть, это я не та, кто тебе нужен.

– Почему ты решила, что ты не та, кто мне нужен?

– Потому что ты испытываешь потребность в других женщинах. Или, быть может, для тебя важен риск в отношениях: узнает – не узнает, простит – не простит. В любом случае это не для меня. Серёжа, я прожила с тобой счастливую жизнь. Я была счастлива каждый день нашей жизни, я была счастлива даже тогда, когда мы ссорились. Ты подарил мне семью и детей, ты сумел подарить мне саму себя! Твои подарки столь велики, что измены на их фоне выглядят ничтожно малыми неприятностями.

– Так вот почему ты так легко расстаёшься со мной. Теперь я стал не нужен?

– А вот это не твоё дело, как я с тобой расстаюсь! Обсуждать свои чувства я не намерена!

– Хо-ро-шо, – произнёс он отдельно, по слогам, и, сузив глаза, откинулся на спинку дивана.

Передо мной вновь был мужчина, которого я люблю, – не потерянный и абсолютно на себя не похожий, а собранный и уверенный в себе.

– Тогда к делу, – продолжал он. – Я уеду недели через две. За оставшееся время передам бизнес в управление Максиму,

наследником я назначил тебя. Твоими личными финансами управляет Макс, так что тут никаких изменений. Дальше. Ты хорошо решила, предложив сыну стать главой семьи. Он молод, но он справится. Пока не уехал, помогу ему освоиться в новой роли, хотя ты и без меня это делаешь прекрасно. Я восхищен, Маленькая... – он вдруг осёкся, назвав меня Маленькой, и принялся извиняться: – Прости, Лида, я...

Когда-то, узнав, что Девочкой он называет любую из близких ему женщин, я потребовала не называть меня ни Девочкой, ни Маленькой. Тогда я приревновала его к прошлому, и теперь он вдруг вспомнил об этом. «Выходит, та моя глупая ревность и мои чувства сегодня для него равнозначны? – спросила я себя. – А за всем, что происходит между нами сейчас, он усматривает лишь мою ревность?»

– Мне всё равно, как ты меня называешь! – прервала я.

Его лицо на миг исказила судорога боли. Несколько секунд он изучал меня, потом понимающе кивнул и продолжал:

– Я, в самом деле, восхищён, как быстро ты принимаешь решения и реорганизуешь жизнь семьи. Всего-то полдня прошло! – он вновь усмехнулся. – Ты спокойна и собрана, а я боялся ехать домой, боялся увидеть тебя в слезах, разбитую открывшейся изменой, придумывал слова покаяния, представлял, как буду держать тебя на руках, успокаивать, целовать мокрые щёчки, ротик, рассказывающий об обиде...

– Извини, что не оправдала твоих надежд, – вновь пре-

рвала я.

Он обескураженно умолк, а я прижала руку к животу в том самом глупом инстинкте защиты, как будто угроза детям исходила извне, а не от меня самой! «Господи! Что я творю? Спокойнее! А то всех покалечишь! – одёрнула я себя. – Легче всего на обиду ответить обидой, в ответ на боль причинить ещё большую боль. Только вот множить боль незачем, боли у нас теперь у всех на долгие годы с избытком».

Наблюдая за мной, Серёжа тихо спросил:

– Маленькая, а ты вообще-то меня любила?

– А ты?

Он опустил глаза и так же тихо задал новый вопрос:

– Ты не вернёшься ко мне?

– Знаешь, сегодня я переживаю день сурка, одни и те же вопросы, одни и те же ответы... этот вопрос мне уже задавали, не знаю, сколько раз ещё зададут.

– И что ты ответила?

– Ответила: «Зачем возвращаться, чтобы ещё раз пройти тем же путём?»

Он вновь уставился на свои руки и, помолчав, произнёс:

– Поверишь ты или нет, но ты единственная женщина, которая мне нужна и которая мне желанна.

«Ну да! А другие у тебя – так! Против желания!» – устало подумала я и тоскливо осмотрелась. Мне смертельно наскучил этот разговор, утомили эти бессмысленные попытки объясниться. К чему всё это, если ничего нельзя изменить?

Надо было встать и уйти, но взглянув на Сергея, я неожиданно попала в плен его глаз. В его глаза вернулись искорки – захороводились, замерцали вопреки недавней подавленности! Взгляд ласкал и обволакивал теплом. Позабыв обо всём, я устремилась в этот родной и любимый взгляд, напиваясь лаской и согреваясь теплом... воля моя ослабла, жалость к себе подкралась слезами, глаза затуманились, и... магия прервалась. Но за этот краткий миг тепла я так ослабла, что поддалась искушению и спросила:

– Серёжа, когда ты начал? Я имею в виду...

– Я понял, Лидя. Зачем тебе? Какая разница сколько раз, когда и с кем?

Его ответ отрезвил и вернул меня в действительность.

– Ты прав, незачем и нет никакой разницы. Домочадцам я завтра после праздника хочу объявить, что мы расстаёмся.

– Хорошо. Лидя, хочу напомнить, я взял тебя в жёны навсегда, процедуру развода можешь даже не начинать, я не дам тебе развод!

– Это не в твоих силах, Сережа, суд разведёт и без твоего согласия.

– Попробуй! – пожал он плечом. – Если ты не против, я проживу пока в гостевом домике.

– Конечно, Серёжа, я не против. Благодарю за Катю.

– Лидя, это я виновник Катиной беды! За что же ты меня благодаришь?

– За слова, которые нашёл, чтобы её успокоить, за любовь

к дочери.

– Я надеялся найти слова и для тебя!

Я поднялась, надела туфли и пошла к двери.

– Ты не простишься со мной? – насмешливо спросил он и, напоминая о поцелуе со Стефаном, добавил: – Я рассчитывал на прощальный поцелуй!

Не оглядываясь, я холодно ответила:

– Когда будем прощаться, тогда ты и получишь свой прощальный поцелуй.

Одним прыжком он настиг меня и, обхватив рукой за плечи, угрожающе зашептал в ухо:

– Маленькая, ты не забыла, что я твой муж? Ты, Малышка, должна понимать, свой поцелуй я возьму, когда захочу!

Он развернул меня к себе, близко-близко шаря по лицу глазами. Его дыхание обожгло губы, я непроизвольно их облизнула, и он принял это за призыв.

– Сладкие губки... манящие... – прошептал он, усмехнувшись, и нежно-нежно поцеловал меня. Не получив ответа, он отстранился и вновь всмотрелся в моё лицо.

– Серёжа, я не хочу тебя.

Усмешка сползла с его лица, а блеск глаз затянула усталость. Шумно выдохнув, он отвернулся.

Обойдя его, я вышла из кабинета.

Катя, моя девочка Катя, вспыхнула надеждой, увидев меня, но сейчас же померкла и вновь спрятала лицо за низко опустившейся головкой. Макс шепнул ей что-то, но она

лишь дёрнула плечиком.

— Максим, папа чай не пил. Иди вскипяти чайник, пироги я сейчас положу, — сказала я, взяла с комода разнос и принялась наполнять его тарелками со снедью. Туда же, одна на другую, я поставила две чайные пары и велела: — Катюша, отнеси в кабинет.

Даша поднялась из-за стола и, борясь с зевотой, стала прощаться:

— Маленькая, пойдём мы... Анюта... — не совладав с собой, она сладко, со звуком, зевнула, — Анюта устала. Марь Васильевна, спасибо за ужин. Вкусно очень! С такой кухаркой невозможно сохранить фигуру, и ела бы, и ела.

— Угу, — промычала Маша, окинув её недобрым взглядом, но всё же прибавила: — На здоровье!

— Спасибо, Марь Васильевна. До свидания, — защелкала Анюта, — Лидия Ивановна, до завтра. Папа, ты ещё останешься?

— Маленькая, мы тоже пойдём, — засобиралась и Маша. — Мой Василич вона уже за столом дремлет, а мне завтра ещё до свету вставать. Да и Катерине ночь не спать, тесто нянькать. Марфа утром обещала приехать, так она хлеба до её приезда хочет выпечь.

— Благодарю, Машенька, за ужин вкусный. А ты завтра могла бы и поспать, закажу я торт, зачем самой себе на день рождения торт печь?

— Да не себе я пеку, а вам! Гостям моим! Чтобы и вкус-

но и красиво было. Знаю, из чего эти пекут, красота есть, а для живота – отрава, разве что сладкая! Ну, поцелуй меня, детка, красавица моя ясноглазенькая, умница папина, – обратилась она к Кате, с пустым разносом возвращающуюся из кабинета.

Катя попрощалась молча, без смеха и шуток – поцеловала Машу, Василича и ушла на кухню.

– Маленькая, вы соберёте со стола? – оглянулась Маша уже на выходе из гостиной. – А нет, так я завтра всё перемою, пока коржи выпекаются будут.

– Всё уберём, Маша.

– Эти-то, ресторанные, когда завтра придут?

– Сергей сказал, к двенадцати.

– Ладно, успею я. Ну, спокойной ночи!

Женя уже сновала туда-сюда, освобождая стол и унося посуду и остатки ужина на кухню. Катя загружала посудомоечные машины. Я начала помогать, очищая тарелки от остатков еды. Катя запустила одну машину, другую и принялась мыть в мойке блюда, что по своим размерам в машину не входили. Осмотревшись, не пропустила ли чего, я взяла ведро с отходами и, выходя из кухни, столкнулась с Пашей.

– Давай вынесу, – протянул он руку к ведру и сообщил: – Я связался с Савелием, он готов встретиться. Я его назавтра хочу пригласить.

– Хорошо, Паша, спасибо.

– Часов на одиннадцать нормально будет?

– Паша, о времени договаривайся с Максимом. Он в кабинете.

– Понял. Пошёл.

– Подожди, – удержала я, рассмеявшись, и потянула его руку вниз. Он наклонился, я шепнула на ухо: – Я тебя люблю, братец. Спокойной ночи! – и чмокнула его в колючую щёку.

– Вот умеешь ты, Маленькая, приятное сделать! – расплылся он в улыбке.

– Ох, Паша, если бы я ещё умела неприятности не доставлять, цены бы мне не было! А так – есть!

В гостиной Женя собирала салфетки и скатерти со стола. Она оставалась такой же стройной, какой была восемнадцать лет назад, так же строго одевалась и так же независимо держалась. На протяжении всех этих лет Женя ухитрилась сохранить дистанцию между собой и другими членами семьи – ни с кем не подружилась, ни с кем ни разу не конфликтовала. И с Павлом у неё почему-то не заладилось, хотя оба питали симпатию друг к другу, но оба предпочли одиночество.

Обхватив обеими руками ком со столовым бельём, Женя направилась к выходу.

– Спокойной ночи, Женя. Благодарю за помощь.

– Спокойной ночи. Рада помочь, Лида.

Я проводила её глазами, выключила люстры, оставив гореть лишь настенные бра, и повернулась к одиноко сидевшему у камина Стефану.

– Ты меня ждёшь?

Он кивнул, и я подошла ближе.

– Хочу извиниться. За ужином понял – Максим в доме главный.

– Я рассчитываю на твою поддержку, Стефан. Спокойной...

– Подожди, Хабиба. Я не собирался говорить, но теперь надо. Я развожусь с Дашей.

– Нет! Даша витает в облаках, Стефан, – зачастила я словами, – ты подожди, не торопись. Анята выйдет замуж, уедет, Эдвард вряд ли согласится на совместную жизнь с тещей, и Даша вновь спустится на землю.

– Я не о том, – недовольно поморщился он. – Я не могу оставаться в доме, раз ты расстаёшься с Сергеем.

Смысл его слов не сразу дошёл до меня. «Я без Сергея... он без Даши...» – сопоставила я и рассмеялась.

– Не знала, что ты так патриархален, Стефан! На этот счёт не беспокойся, завтра возвращается Андрэ, официально он мой отец, и моя честь под его защитой. А с Дашей... Стефан, пожалуйста, не торопись с разводом!

Он размышлял, вероятно, целую минуту, потом согласно кивнул головой и сказал:

– Ты должна сказать Сергею о беременности.

– Я должна сказать, но сейчас я не буду этого делать. Мне нужно время, чтобы успокоиться, чтобы понять, как я хочу жить. Если я скажу о беременности, Сергей не уедет, и наш союз продолжится, стремительно превращаясь из союза

в войну.

– Хабиба...

– Подожди, – остановила я, присаживаясь в кресло рядом, – я объясню. Я боюсь выпустить на волю зверя под названием «ревность». Он уже проснулся, он уже ворочается, он требует пищи. Уже сейчас я хочу знать, сколько раз Сергей мне изменял, кто эти женщины, хороши ли? А потом... потом каждый раз, когда он станет целовать меня, я буду спрашивать себя, скольких он ещё сегодня целовал? От молчаливых вопросов я перейду к вербальным, я начну расспрашивать: где он был? с кем он был? почему так задержался? Потом придёт время действий, и я начну следить за ним. В итоге, вместо любви мы очень скоро начнём ненавидеть друг друга. А я не хочу, чтобы мои дети – и взрослые, и ещё нерождённые, жили в условиях боевых действий между родителями. Я хочу сохранить любовь к Сергею, хочу, чтобы и у него оставалось светлое чувство ко мне. Я хочу, чтобы мы уважали друг друга. Поэтому про детей...

Стефан поднял взгляд поверх моей головы, я умолкла и оглянулась. Катя – растерянная и смущённая, застыла в нескольких метрах от нас. Она, по-видимому, направлялась к нам и остановилась, когда до неё донёсся звук и смысл моих слов.

– Иди сюда, Котёнок, – позвала я.

– Мама, я случайно...

– Я знаю, детка. Иди к нам.

Я подвинулась, Катя села рядом, и я продолжала:

– Про детей я скажу Серёже только тогда, когда буду готова к новой форме наших отношений. И ещё. Стефан, мне нужна твоя помощь. Я безмерно признательна тебе за любовь к Кате и Максу, надеюсь, ты и младших будешь любить не меньше.

Ожидая его ответа, я взяла ладошку Кати, потянула к губам и стала целовать пальчики один за другим. Стефан думал.

– Сергей догадается, он увидит твой аппетит, – наконец произнёс он.

– Да, и с этим надо что-то делать! – рассмеялась я, обравованная его согласиём. – Пока Сергей не уедет, придётся кому-то другому изображать повышенный аппетит и кормить меня из клювика... ну-у, или придётся воровать еду изпод носа у Маши. Нас трое – один на... как это?.. на шухере, другой ворует, третий ест!

– Мама, откуда у тебя воровской жаргон? – захохотала Катя.

– Ой, Катя, совсем я от рук отбилась, мне за сегодня уже второй раз пеняют на неподобающее поведение! Но вернёмся к главному – главное, правильно распределить роли. Со мной понятно, я – третий, тот, кто ест. Вопрос – кто воровать будет?

– Стефан, конечно, у него руки большие, в них много войдёт! А я ребёнок, меня портить нельзя! – заявила Катя.

– Да? ... Ты надеешься, что Маша его не заметит? Он собой полкухни занимает!

– А мы на него чёрный чулок наденем!

– Целиком или только на голову?

Катя залилась смехом, а Стефан захохотал в голос так, что на моей памяти случилось всего-то раза два.

– Мама... – задыхалась Катя, – целиком... мы Ма... Машу потеряем... раньше... времени...

– О чём так весело смеётесь? – нарушил наше уединение Паша.

– Стефан смешной анекдот рассказал, – ответила я и заторопилась: – Ну, мальчики, спокойной ночи. Пойду поцелую сына и спать.

– Маленькая, а анекдот? – обиженно спросил Павел.

– Паша, так Стефан же остался, Стефан и расскажет! – я помахала им рукой и направилась в кабинет.

Сергей и Максим работали за рабочим столом. На журнальном столике стояли пустые тарелки, чайные чашки и одинокий фужер с недопитым вином. Оба одновременно подняли на меня головы.

– Мама?

– Пришла поцеловать тебя, сынок, – я стремительно подошла и обняла его. – Добрых снов, милый.

– Добрых снов, мама.

– Серёжа, если тебе что-то надо из вещей, заberi сейчас, пожалуйста.

– Да, Лида. Я не подумал. Благодарю.

Я впереди, он следом, мы молча поднялись в спальню. Я чувствовала его взгляд. Всегда любила, как он смотрит на меня, но сейчас чувствовала неловкость и едва не бежала от этого взгляда. И бежала не зря. Закрывая за собой дверь, Сергей повернул в замке ключ, сделал шаг ко мне и, овеявая едва уловимым винным ароматом, хрипло выдохнул:

– Хочу тебя... Лидка, с ума схожу.

В глазах его тяжело плескалось вожделение.

– Серёжа, не надо, милый... не оскорбляй меня насилием. И себя не оскорбляй.

Он вновь шумно выдохнул и прижал мою голову к груди. Таким родным, таким привычным жестом. Я затихла, стараясь запомнить тяжесть его руки на затылке, запах и тепло его тела, биение сердца: звук, ритм – всё, что стремительно теряла навсегда.

Он справился с собой слишком скоро для меня, буркнул: «Прости», и ушёл в гардеробную.

Я присела к туалетному столику, сняла гребень, провела пальцем по верхушкам единиц и с горькой усмешкой подумала: «Чуть-чуть не дотянули до даты».

Освободив волосы от заколок, я расплела косички, потрясла головой, расправляя пряди, завязала их узлом и расслабилась, слепо уставившись в зеркало. «Не может... он с одной не может», – пронеслись в моей голове слова, произносимые разными голосами. Слова, наконец настигшие меня

и ставшие моим настоящим, сказанные разными людьми с разными целями много лет назад. Перед глазами промелькнула череда лиц: старуха перед корчмой, Николай, Андрэ, Карина, ведунья из джунглей – каждый был послан предостеречь.

Я не видела, как подошёл Сергей, очнулась, когда он запустил в волосы пальцы. Наклонился, втянул в себя воздух и осторожно сжал пальцы в кулаки.

– Мне надо запомнить всё, что люблю, впитать в себя и увезти с собой, – прошептал он, за нас двоих озвучив общую потребность – запомнить и сохранить в памяти всё, что можно.

Разжав кулаки, он принялся перебирать пряди моих волос, словно невзначай прикасаясь то к мочкам ушей, то скользя пальцами по шее. Я закрыла глаза, запоминая ощущения.

И вновь слишком скоро для меня он убрал руки и сказал:

– Доброй ночи, Девочка. Прости меня.

– Доброй ночи, Серёжа.

Взяв сумку, он вышел из спальни, а я вновь собрала волосы в узел и пошла в душ.

Тёплые струи, как всегда, смыли запрет на выражение эмоций. Я плакала молча, без рыданий, смешивая боль поражения со струйками воды. «Я верила в любовь, а на деле банально не выдержала конкуренции. Вне конкуренции была только одна – дерзкая красивая Карина, а я... я одна

из многих... у меня есть почётное звание жены, я мать его детей... но и в этом звании я вряд ли единственная. Ширма! Вот моё определение. Я – ширма, за которой он прятал сексуальную распушенность. Ширма... до чего же мерзкое определение... А ведь эта дама из торгового центра очень похожа на Карину... такая же тонкая, высокая, темноволосая, на высоких каблуках, с яркой помадой на губах... его любимый тип...»

Катя была уже в кровати, когда я вышла из ванной.

– Мама, я душ у себя приняла, – сообщила она и спросила: – Ты с какой стороны ляжешь?

– Выбирай, Котёнок, где тебе удобнее, – отмахнулась я и прошла в гардеробную; нашла в ящике с новым бельём упаковку с ночной сорочкой, купленную на всякий случай... ах нет!.. подаренную Катей, кажется, на какой-то Новый год. Сорочка оказалась распашонистой, кружевной, коротенькой и едва державшейся на тоненьких бретельках, не сорочка, а сплошной секс-призыв. Ну да другой не было, разве что Серёжину футболку надеть.

– Максим наказал, чтобы я не приставала к тебе с вопросами, – полувопросительно уведомила Катя.

– А тебе хочется приставать?

– Да. У меня один главный вопрос и один не очень.

– И с какого начнём? – укладываясь в кровать, спросила я.

– С главного, – Катя переместилась ближе ко мне, уткнулась любом в моё плечо и затихла. – Начнём? – легонько бод-

нула она меня через время и, помолчав ещё немного, задала свой главный вопрос: – Ты хоть какую-нибудь вероятность допускаешь, что вы с папой когда-нибудь будете вместе? – и вновь затихла, даже дышать перестала.

«Всё тот же вопрос, – устало подумала я. – Как ответить тебе, девочка? Сказать как есть, значит, отнять надежду, а это сейчас единственное, что тебя поддерживает. Солгать? Я не хочу лгать».

– Чтобы я и твой папа вновь были вместе... – осторожно начала я, – для этого моя любовь должна стать больше, чем моё желание быть единственной. А так любить я ещё не умею.

– Папа говорит, что ты и есть его единственная, просто он совершил ошибку.

«Да-да, совершил ошибку длиною в четыре года! А сколько было ошибок менее, а возможно, и более продолжительных? – спросила я про себя. – Ошибка! Одна и та же, систематически повторяемая ошибка перестаёт быть ошибкой и становится образом жизни!»

Катя приподняла голову и пытливо наблюдала за моим лицом.

– Папа говорил со мной откровенно, – сказала она, – я знаю, какую жизнь он вёл до тебя, и про его обещание хранить тебе верность, знаю.

– В таком случае... – я повернулась к ней и оперлась головой на руку, согнутую в локте, – в таком случае, Катя, ты

должна понимать, что...

– Понимаю! И даже знаю, о чём ты думаешь! – прервала она и порывисто села. – Что-нибудь вроде: «Действие, совершённое однажды, можно считать ошибкой, но совершаемое неоднократно – суть есть сознательный выбор!»

Я улыбнулась – весьма точно перефразировав мою мысль, Катя и слова подобрала, присущие моему лексикону, и несколько карикатурно, но довольно точно воспроизвела мой тон.

– Что, попала? – усмехнулась она, глаза её сухо блеснули, и она пошла в наступление: – Только зачем ты отождествляешь образ жизни папы до тебя и образ жизни при тебе? Ты даже мысли не допускаешь, что он мог измениться! Ты не даёшь ему шанса! А между тем любишь рассуждать о все-сильной женской энергии! «Каким женщина видит мужчину, таким тот и будет с нею», – вновь передразнила она меня.

– Катя, ты меня обвиняешь в том, что случилось? Меня? Это я создала реальность с изменой?.. Детка, все эти годы я верила, что между мною и твоим отцом любовь, я доверяла ему! Я не обращала внимания на предупреждения людей, считая их отравителями, а их предупреждения предубеждениями против твоего отца!

Катя сузила глаза, совсем как Сергей, когда он встречает сопротивление, и запальчиво выкрикнула:

– Ты в этом уверенна? А как же ещё одно твоё любимое изречение: «Всё, что мы имеем, есть результат нашего выбо-

ра»? Вспомни хотя бы про эффект наблюдателя!

Словно молния полыхнула у меня перед глазами. Эффект наблюдателя. Даже пассивно наблюдая за объектом, мы его изменяем. Я осторожно, будто боясь себя расплескать, легла на спину и уставилась в потолок. «А ведь она права! Конечно, Катя готова приводить любые аргументы, даже полную чушь, лишь бы защитить отца, но в главном она права – я всего лишь внешне сопротивлялась мнению «отравителей». Глубоко внутри себя я ждала часа икс. Ждала. Потому что знаю – у меня нет права на любовь, и я недостаточно хороша, чтобы быть единственной! – я почувствовала усталость, мои семьдесят семь лет земной жизни камнем легли мне на грудь. – Да, Катя права. Мы оба сформировали нашу реальность и в равной степени несём ответственность за случившееся – Сергей, не желающий разобраться в мотивах своего пристрастия к беспорядочным связям, и я, пребывающая в состоянии женской уязвимости и перманентной готовности стать жертвой».

– Катя, я услышала, – с той же усталостью произнесла я вслух. – Я буду работать. Спасибо, детка! – я глубоко вздохнула и, скорее себе, чем ей, дала обещание: – Я вытесню из себя уязвимость и выиграю битву с собственным стремлением к драме. Только тогда у меня достанет сил справиться с ревностью, и именно тогда я буду готова к новым отношениям! – я вновь взглянула на дочь. – Какими они будут, наши отношения, я не знаю, не всё зависит от меня. Я люблю

твоего отца. А к каким выводам и решениям придёт он, покажет время.

– Папа сказал, он сделает всё, чтобы вернуть тебя! Ты знаешь, куда он уезжает?

Я молча покачала головой.

– На Тибет. В какой-то заоблачный монастырь, куда поднимаются только люди и ослы. Он тоже хочет разобраться в себе.

– Зачем же для этого так далеко ехать?

– Я то же самое спросила! Он сказал, чтобы минимизировать искушение: бросить всё и примчаться, чтобы только увидеть тебя. Мама, папа любит тебя. Правда!

«Любит! Но больше меня он любит секс, а со мной или с другой женщиной для него вторично! Он знал, какой будет моя реакция на измену, и всё же выбрал секс. А сейчас он исполнен решимости бороться за то, что перестало быть его собственностью!»

Я подавила в себе горечь унижения и спросила:

– Катюша, второй, «не очень главный» вопрос какой?

– Это не совсем вопрос, мама. Это... в общем, я знаю, что Стефан тебя любит!

– Катя!

Боясь, что я не позволю ей говорить, она заторопилась:

– Мы с Максом уже несколько лет знаем! Помнишь, Стефан болел? Он тогда в бреду разговаривал с тобой, объяснялся в любви, сожалел, что ты выбрала не его.

– Он по-русски бредил?

Катя растерялась, вопрос застал её врасплох, и, неопределённо пожав плечами, неуверенно протянула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.